

U  $\frac{489}{17}$

8.1

U  $\frac{489}{17}$

U  $\frac{489}{17}$







214/118 T 25/59 U 489/17  
„СПб. Родительскій Кружокъ“.

# Энциклопедія

Семейнаго  
Воспитанія  
и  
Служенія.

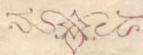
~~XX~~ 214/118  
выпускъ I.

П. В. Каптеревъ.

задачи и основы

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ.

Изданіе второе, значительно дополненное.



1913.

## «ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ»

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ институтовъ и гимназій и для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни.

Ученымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрена для фундаментальныхъ библиотекъ и библиотекъ педагогическихъ курсовъ и классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Ведомства учреждений Императрицы Маріи.

Ученымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ допущена въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій.

### СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКОВЪ.

- 1-й выпускъ. П. *Θ. Кантеревъ*. Задачи и основы семейнаго воспитанія. 2-ое дополн. изд. Ц. 60 к.
- 2-й выпускъ. *Алексій П. Острогорскій*. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Ц. 30 к.
- 3-й выпускъ. *И. О. Фесенко*. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Ц. 25 к.
- 4-й выпускъ. П. *Θ. Кантеревъ*. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Ц. 30 к.
- 5-й выпускъ. *И. О. Фесенко*. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. Ц. 25 к.
- 6-й выпускъ. П. *Θ. Кантеревъ*. О дѣтской подражательности. Ц. 30 к.
- 7-й выпускъ. *Его же*. Основныя начала семейнаго обученія. (Дидактика семьи). 2-е, дополненное изданіе. Ц. 40 к.
- 8-й выпускъ. *Н. С. Карцовъ*. Капризы и раздражительность дѣтей. Ц. 30 к.
- 9-й выпускъ. Прив.-доц. *П. Я. Розенбахъ*. Наслѣдственность. Ц. 30 к.
- 10-й выпускъ. *К. В. Емичикій*. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Ц. 30 к.
- 11-й выпускъ. *В. В. Поворинская*. Дѣтскій садъ и огорода. Ц. 25 к.
- 12-й выпускъ. *Н. Н. Переселенцева*. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. Ц. 30 к.
- 13-й выпускъ. П. *А. Литвинскій*. Игрушки, ихъ назначеніе и выборъ. Ц. 30 к.
- 14-й выпускъ. Д-ръ *М. Д. Ванъ-Путеренъ*. Нормальная дѣтская. Ц. 20 к.
- 15-й выпускъ. Д-ръ *А. С. Вирениусъ*. Искривленіе позвоночника. Ц. 30 к.
- 16-й выпускъ. Проф. *А. К. Лимбергъ*. Уходъ за зубами. Ц. 30 к.
- 17-й выпускъ. П. *Θ. Кантеревъ*. О дѣтской природѣ. Ц. 30 к.
- 18-й выпускъ. Протоіерей *А. И. Маларевскій*. Религіозное воспитаніе въ семьѣ. Ц. 30 к.
- 19-й выпускъ. *Э. Л. Брейтфусъ*. Семейное воспитаніе въ Германіи. Ц. 30 к.
- 20-й выпускъ. Д-ръ *В. В. Гориневскій*. О закалываніи чловѣческаго организма, какъ средствъ воспитанія. Часть первая. Теорія закалыванія. Ц. 30 к.
- 21-й выпускъ. Д-ръ *В. В. Гориневскій*. О закалываніи чловѣческаго организма, какъ средствъ воспитанія. Часть вторая. Практика закалыванія. Ц. 30 к.
- 22-й выпускъ. *А. Н. Острогорскій*. Объ отношеніяхъ семьи къ школѣ. Ц. 30 к.

(Продолженіе на 3 стр. обложки).

~~214~~  
~~118~~

489  
17

801-92  
4172-2

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ  
СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

---

ВЫПУСКЪ I

ЗАДАЧИ И ОСНОВЫ  
СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ.

П. Θ Каптерева.

2-ое изданіе, значительно дополненное.

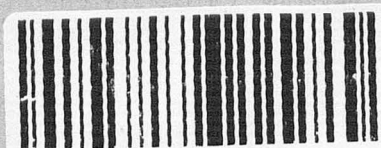
МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ  
ХИМ-25412  
ИРМЕНЯНОВСКИЙ МУЗЕЙ

---

— Редакторъ Н. Карцовъ.  
Завѣдывающая изданіемъ Н. А. Альмединенъ.  
Адресъ редакціи: СПБ., Литейный пр., д. 53, кв. 3.



4487



2011109001



## Задачи и основы семейнаго воспитанія.

### I.

Тѣсная связь задачъ семейнаго воспитанія съ общепедагогическими.—Главные эпохи семейнаго воспитанія.—Главные части изслѣдованія.

Обыкновенно вопросомъ о задачахъ и основахъ семейнаго воспитанія родители не задаются, считая дѣло яснымъ безъ всякаго изслѣдованія. Такъ всегда бываетъ съ сложными и трудными теоретическими вопросами, съ которыми практически приходится постоянно встрѣчаться,—все ясно и понятно. Но послѣ нѣкотораго обдумыванія задачи ея ясность и простота исчезаютъ, свѣтлое небо заволакивается облаками и даже становится темновато. То же будетъ съ каждымъ, впервые вдумывающимся въ вопросъ о задачахъ и основахъ семейнаго воспитанія.

Задачи и основы семейнаго воспитанія невозможно выдѣлить и обособить отъ задачъ и основъ общепедагогическихъ, простирающихъ свое дѣйствіе на все воспитательные возрасты, онѣ безраздѣльны, составляютъ одно цѣлое. Во всѣхъ воспитательныхъ возрастахъ растетъ и развивается одинъ человекъ, а не нѣсколько, вслѣдствіе чего все личное развитіе человека есть одинъ цѣльный органическій процессъ, въ которомъ послѣдующее соединяется съ предъидущимъ не механически, просто налипая одно къ другому, но внутреннею живою

связью, органически, незамѣтно, безъ рѣзкихъ перерывовъ и переходовъ, выростая и развиваясь изъ предшествующаго.

Было время, когда воспитательные возрасты рѣзко отдѣлялись одинъ отъ другого, особенно на практикѣ; было время, когда считалось совершенно неудобнымъ и даже невозможнымъ учить дѣтей въ періодъ до школы, и дѣти не знали, что имъ дѣлать, чѣмъ заняться; было время, когда самыя школы также рѣзко отдѣлялись одна отъ другой и даже противопоставлялись одна другой. Теперь все пошло по другому, все измѣнилось: дѣтей начинаютъ учить рано, задолго до школы, а воспитаніе начинаютъ съ колыбели, съ первыхъ дней жизни; разница между школами уменьшилась; нынѣ и въ среднихъ школахъ пишутъ рефераты и знакомятся отчасти съ первоисточниками; нынѣ признаются единство и цѣльность всего воспитанія, это одинъ педагогическій процессъ. Еще Амосъ Коменскій (XVII вѣкъ) горячо ратовалъ за органическую цѣльность всего воспитанія и образованія, утверждая, что самыя первые начатки всѣхъ знаній и искусствъ должны сообщаться воспитываемому еще въ материнской школѣ, въ первыя шесть лѣтъ жизни, а все дальнѣйшее образованіе послѣдующихъ возрастовъ, вплоть до 24 года, будетъ только расширеніемъ плана воспитанія и образованія, осуществленнаго въ материнской школѣ. Фридрихъ Фребель также энергично настаивалъ на единствѣ всего воспитанія и на вредѣ разбивать его на самостоятельные періоды, каждый съ своими особенными задачами и дѣлами.

И дѣйствительно, какую бы сторону семейнаго воспитанія мы ни взяли, мы сейчасъ же увидимъ, что такая же сторона есть въ воспитаніи человѣка и во всѣхъ позднѣйшіе возрасты, такъ какъ человѣкъ съ самаго начала своего бытія живетъ не послѣдовательно то одною, то другою стороною своего существа, а сразу разными, многими, сразу почти полнымъ человѣкомъ, а не какъ одностороннее, однокачественное въ каждый данный періодъ существо. Родители заботятся, прежде всего, о физическомъ уходѣ за дитятей, объ укрѣпленіи его физическихъ силъ. Но физическое образованіе останется не-

обходимою составною частью воспитанія и во всё послѣдующіе періоды, измѣняясь въ средствахъ, но не въ цѣли—развитія и укрѣпленія органовъ тѣла и физическихъ силъ. Точно то же нужно сказать про умственное, нравственное, эстетическое, религиозное и всякое другое воспитаніе и образованіе: они неизбѣжно начнутся въ семьѣ и будутъ продолжаться во всѣхъ тѣхъ школахъ, которыя будетъ проходить учащійся. Если мы возьмемъ воспитаніе и образованіе на самой высшей, послѣдней ихъ ступени, мы не найдемъ въ нихъ ничего такого, ни одной стороны, ни одного искусства, ни одного знанія, первые начатки которыхъ не были бы заложены еще въ материнской школѣ, т.-е. въ періодѣ семейнаго воспитанія.

Итакъ, задачи и основы семейнаго воспитанія общи съ педагогическими задачами и основами всѣхъ воспитательныхъ возрастовъ. Опредѣлять ихъ и доказывать правильность опредѣленія ихъ здѣсь не мѣсто, но можно ихъ перечислить, принимая ихъ, какъ нѣчто данное: 1) воспитаніе самостоятельной личности, вытекающее изъ всесторонняго и, по возможности, гармоническаго развитія ея тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; 2) развитіе личности, какъ члена общественнаго цѣлаго, среди товарищей, при помощи дѣтскихъ кружковъ, обществъ, землячествъ и т. п.; 3) развитіе воспитываемой личности лицомъ къ лицу съ природой и при помощи природы (внѣшней); 4) воспитаніе личности въ сознаніи ея связи съ всемірнымъ бытіемъ и его первоисточникомъ.]

Таковы задачи и основы всего воспитанія человѣка, сохраняющія сполна свое значеніе для всѣхъ воспитательныхъ возрастовъ. Но средства воспитанія бываютъ различны для различныхъ возрастовъ, потому что каждый изъ послѣднихъ имѣетъ свои особенности. Общія задачи и основы воспитанія, преломляясь въ своеобразныхъ свойствахъ возрастовъ, представляются какъ будто особенными, различными; въ сущности онѣ одна и тѣ же, но получаютъ нѣкоторую долю самостоятельности, вслѣдствіе примѣненія ихъ къ различнымъ по своимъ свойствамъ возрастамъ. Если правы Коменскій и Фребель, настаивавшіе на цѣлостности и единствѣ всего педагогическаго

процесса по его существу, то до известной степени правъ и Руссо, защищавшій относительную самостоятельность воспитательныхъ возрастовъ, утверждавшій, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою особую законченность и цѣлостность и въ физическомъ и въ духовномъ отношеніяхъ, свое особое лицо, такъ что можно дать картинку cadaго возраста. Иное дѣло воспитывать младенца, а иное — юношу; воспитаніе существа, еще замкнутаго въ себѣ самомъ, мало интересующагося другими существами, одно дѣло, а воспитаніе существа, ясно чувствующаго себя членомъ людскаго общества, другое дѣло. Цѣли въ концѣ концовъ однѣ и тѣ же, но средства разныя.

Особенно въ данномъ случаѣ нужно помнить о разницѣ семейнаго и школьнаго воспитанія: нерѣдко семейное воспитаніе, какъ мы подробнѣе увидимъ далѣе, превращается въ копию школьнаго, въ простой подготовительный періодъ къ нему, что совершенно искажаетъ семейное воспитаніе, лишаетъ его самостоятельности и существенно вредитъ правильному и всестороннему развитію личности. Это такъ же неправильно, какъ и превращеніе школьнаго образованія въ копию семейнаго, отрицаніе всякихъ своеобразныхъ педагогическихъ свойствъ школы. Крайности нужно устранять, воспитаніе есть цѣльный органическій процессъ по единству задачъ, цѣлей, основъ, но оно разнообразно по разнообразію средствъ и условіямъ обстановки. Желательно единство въ разнообразіи, а не голое единство.

Съ этой точки зрѣнія нужно различать не только главнѣйшіе періоды въ развитіи челоуѣка, но и отдѣльныя ступени, значительныя перемѣны въ предѣлахъ одного и того же періода. Въ семейномъ воспитаніи въ частности слѣдуетъ отмѣтить такія эпохи: 1) періодъ кормленія грудью, когда физическое развитіе преобладаетъ надъ психическимъ, вслѣдствіе чего и все воспитаніе получаетъ видъ ухода за ребенкомъ, заботъ о правильномъ ходѣ по преимуществу физиологическихъ процессовъ; 2) періодъ до овладѣнія рѣчью (до 3 — 4 лѣтъ), когда преобладаютъ воспріятія и память, когда дитя жадно, какъ губка воду, впитываетъ въ себя впечатлѣнія,

запоминаетъ вещи и ихъ имена, когда закладывается основная ткань всего его дальнѣйшаго развитія; 3) періодъ до 7—8 лѣтъ — время страстнаго увлеченія играми, сначала одиначными, а потомъ совмѣстными съ товарищами и друзьями, играми общественными, время, когда дитя любитъ покидать родной домъ и садъ и заглядывать въ міръ внѣ ихъ, наблюдать улицу, поле, чужихъ людей, а особенно товарищей; 4) періодъ школьнаго ученія, когда къ семейнымъ вліяніямъ прибавляется школьное, школьнаго товарищества, школьнаго начальства, школьныхъ занятій и всей организаціи школы. Это школьное вліяніе съ каждымъ годомъ становится все сильнѣе и сильнѣе, все больше и больше захватываетъ школьника, отвлекая его отъ семьи, высвобождая его отъ семейныхъ вліяній. Между семейнымъ и школьнымъ вліяніемъ часто бываютъ нелады, споры, соперничество, что очень вредно для цѣлостности развитія воспитываемаго, а потому нужно серьезно заботиться объ устраниеніи и сглаживаніи столкновеній между семьей и школой.

Въ указанныя четыре эпохи семейнаго воспитанія довольно значительно измѣняются и условія воспитанія и самая воспитываемая личность; то воспитывается лежащій въ колыбели и питаемый материнскою грудью младенецъ, то учащійся въ школѣ и находящійся подъ разнороднымъ давленіемъ семьи и школы отрокъ. Но задачи и цѣли воспитанія, несмотря на все различіе обстановки, остаются тѣ же самыя. Воспитателю нужно понимать ихъ единство, но въ то же время отдавать себѣ ясный отчетъ въ отличительныхъ свойствахъ каждой эпохи и соотвѣтственномъ выборѣ воспитательныхъ средствъ.

Представить полную картину воспитанія въ каждую изъ названныхъ эпохъ перваго, семейнаго, воспитательнаго періода значитъ дать цѣлую энциклопедію семейнаго воспитанія и обученія, что и поставила себѣ задачей «Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія»; въ руководящей же статьѣ о задачахъ и основахъ семейнаго воспитанія могутъ быть изложены съ необходимою полнотою лишь основныя мысли о постановкѣ

семейнаго воспитанія и обученія. Къ такимъ основнымъ мыслямъ мы причисляемъ слѣдующія:

1. каково семейное воспитаніе нынѣ въ дѣйствительности, каковы его недостатки и, въ виду ихъ, слѣдуетъ ли стремиться къ замѣнѣ семейнаго воспитанія общественнымъ;
2. указаніе и созданіе благопріятной среды въ семьѣ для развитія всѣхъ дѣтскихъ цѣнныхъ свойствъ и ихъ воспитанія;
3. расширеніе дѣтской индивидуальности.

Въ указанномъ порядкѣ мы и поведемъ дальнѣйшее изложеніе, разбивая его на три главныя части.

## II.

### Искусственность семейнаго воспитанія и ея виды.

Если обратиться къ исторіи семейнаго воспитанія у различныхъ народовъ, то нельзя не отмѣтить одной характерной черты, тянущейся почти непрерывною нитью чрезъ всю исторію, — *искусственности* этого воспитанія. Она выразилась во многихъ явленіяхъ, широко захватила дѣятельность семьи.

Педагогія дикихъ и полудикихъ племенъ своимъ существеннымъ содержаніемъ имѣла попеченія о тѣлѣ дѣтей, но попеченія эти были совершенно своеобразнаго характера. Они заключались въ измѣненіи органовъ человѣческаго тѣла сообразно тому идеалу красоты, который составило себѣ племя. Въ человѣческомъ тѣлѣ не осталось ни одного органа, который то или другое племя не попыталось бы измѣнить примѣнительно къ своему идеалу. Нѣкоторымъ племенамъ не нравилась естественная форма головы и они старались придать ей заостренный видъ сахарной головы, чего и достигали мѣрами весьма жестокаго характера: непрерывнымъ, постепенно увеличивавшимся, сдавливаніемъ черепа новорожденныхъ туго стянутыми досками, которыя и придавали головѣ желаемую форму. Другимъ племенамъ не нравились уши въ ихъ естественномъ видѣ: ихъ вытягивали до громадныхъ размѣровъ, такъ что они доходили до плечъ. Для красоты выбивали нѣ-

сколько переднихъ зубовъ, выдергивали рѣсницы, устраивали диковинныя и чрезвычайно неудобныя прически, татуировали кожу, раскрашивали ее, туго забинтовывали ноги, чтобы уменьшить ихъ размѣръ, и т. д.

Эпоха греко-римской культуры есть время разумнаго и старательнаго ухода за правильнымъ развитіемъ и благосостояніемъ тѣла. Но съ появленіемъ христіанства тѣло было отодвинуто въ воспитаніи на задній планъ; постоянно и преимущественно заботились о душѣ, тѣло даже прямо было объявлено темницею души. За отсутствіемъ здоровыхъ, гигиеническихъ физическихъ учрежденій, съ теченіемъ времени опять возвратилась весьма значительная искусственность въ уходѣ за тѣломъ, появились парики, мушки, пудра, румяна, бѣлила, фижмы, корсеты, узкіе сапоги съ высокими каблуками и т. д. Современная красавица есть натуральная красавица только наполовину, а на другую половину она—искусственная красавица, благодаря платью и вообще чрезвычайно сложному и роскошному туалету. Этими современныя красавицы отличаются отъ красавицъ гречанокъ и римлянокъ, которыя были красавицами, вслѣдствіе соответствующаго физическаго воспитанія, *au naturel*.

Духовное воспитаніе у различныхъ народовъ и въ различное время носило постоянно слѣды искусственности. Одна изъ главнѣйшихъ добродѣтелей, къ которой испоконъ вѣка родители приучаютъ дѣтей, есть послушаніе. Что такое послушаніе? Это есть подчиненіе своей воли чужой, другой волѣ, какому-нибудь стороннему авторитету. Послушаніе по своему существу есть состояніе непріятное, потому что каждое живое существо стремится осуществлять въ своихъ дѣйствіяхъ свою волю, свои желанія. Что за интересъ въ своихъ дѣйствіяхъ исполнять чужія велѣнія и указанія? Каждый дѣйствуетъ, какъ хочетъ. Лишеніе свободы, обязанность жить по чужой волѣ и терпѣть наказанія за всякое проявленіе своей личности, своихъ желаній составляютъ условія вполне несчастнаго положенія, хотя бы вся матеріальная обстановка и была прекрасна. Подчиненіе чужой волѣ тѣмъ болѣе неудобно, что

чужая воля можетъ быть доброй, твердой и послѣдовательной, но можетъ быть и злой, слабой и измѣнчивой. Какую же добродѣтель можетъ представлять подчиненіе волѣ съ качествами послѣдняго рода? А подчиненіе чужой волѣ съ хорошими свойствами, во всякомъ случаѣ, предполагаетъ лишеніе свободы и удовольствія поступать по собственному желанію. Руководство дѣтьми, родительскій авторитетъ, конечно, необходимы, но именно въ той мѣрѣ, въ какой дѣти неопытны, не знаютъ окружающаго ихъ міра, а потому не могутъ поступать разумно. За этими предѣлами подчиненіе дѣтей руководству и авторитету взрослыхъ не имѣетъ достаточныхъ основаній; между тѣмъ взрослые постоянно переходятъ указанную границу, требуя отъ дѣтей того, что едва ли дѣтямъ нужно, и что трудно оправдать вполне разумными основаніями.

Религіозное воспитаніе дѣтей—дѣло весьма важное; но правильно ли оно поставлено на практикѣ? Этотъ вопросъ далекъ отъ разрѣшенія для многихъ членовъ нашего общества. Когда взрослые, выражающіе свое религіозное чувство въ извѣстныхъ молитвахъ и пѣнопѣніяхъ, богослуженіяхъ, религіозныхъ собесѣдованіяхъ, приучаютъ дѣтей только къ этимъ внѣшнимъ формамъ благочестія, не заботясь о сообщеніи доступныхъ дѣтскому возрасту религіозныхъ понятій и, особенно, не затрогивая религіознаго чувства дѣтей, тогда дѣти, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, во внѣшнихъ обнаруженіяхъ религіозности понимаютъ очень мало, затверживаютъ лишь слова, усвояютъ внѣшніе знаки, но не знаютъ, что ими выражается, не разумѣютъ внутренняго смысла, скрывающагося за видимой оболочкой. Конечно, приученіе дѣтей къ однимъ внѣшнимъ формамъ благочестія дѣло болѣе легкое, чѣмъ просвѣщеніе ихъ сердца и ума свѣтомъ истиннаго религіознаго ученія, примѣнительно къ ихъ возрасту; но серьезность этой стороны воспитанія требуетъ серьезныхъ усилій и отъ воспитателей, иначе все религіозное воспитаніе будетъ насильственнымъ, какой-то непонятной, навязанной обрядовой формалистикой.

Изъ опроса московскаго студенчества видно, что характеръ



полученнаго студентами въ семьяхъ воспитанія былъ нерѣдко религіозно-нравственный, и что такое воспитаніе долго удерживало ихъ въ нравственной чистотѣ; но, къ сожалѣнію, это воспитаніе было шаблоннымъ и чисто механическимъ, какъ это видно изъ сдѣланныхъ дававшими отвѣты приписокъ. Въ нихъ говорится, что «самая религіозность понималась узко и одно-сторонне, и всѣ заботы сводились къ исправному посѣщенію церкви, соблюденію постовъ и т. д., при чемъ главнымъ мотивомъ къ выполненію обрядности выставлялся гнѣвъ Божій на ослушника, и стереотипная фраза: «не ѣшь молока постомъ, а то тебѣ Богъ ухо отрѣжетъ» была особенно въ ходу; такимъ образомъ въ мои отношенія къ Богу примѣшивалось чувство страха, и Богъ представлялся мнѣ грознымъ Судіей, а не кроткимъ и любвеобильнымъ существомъ». Въ другой припискѣ говорится: «воспитаніе было религіозное, но оно было обильно разбавлено элементами мѣщанства и рабства» и т. д. О вліяніи школы на религіозно-нравственное развитіе учащихся тѣ же студенты замѣчаютъ, что «школа имѣла вліяніе на усвоеніе міросозерцанія безнравственнаго, противообщественнаго, фарисейско-религіознаго, псевдо-христіанскаго» <sup>1)</sup>.

Подчиняя дѣтей своему авторитету, лишая ихъ удовольствія поступать по своей волѣ, родители нерѣдко обнаруживаютъ свой авторитетъ очень односторонне, усердно и настойчиво культивируя свойства одного рода и почти пренебрегая другими. Есть, на примѣръ, родители-гигіенисты. Для нихъ самое главное и существенное въ семейномъ воспитаніи—уходъ за физической стороной дѣтей, забота объ обильномъ и хорошемъ питаніи, свѣжемъ воздухѣ въ дѣтской и ея провѣтриваніи, о прогулкахъ дѣтей, о предохраненіи ихъ отъ болѣзней, а если заболѣли, то о тщательномъ и продолжительномъ леченіи и т. п. Есть родители-интеллектуалисты, которые спятъ и видятъ, какъ бы пораньше, поскорѣ научить дитя иностраннымъ языкамъ, шутя и забавляя сообщить ему основныя свѣдѣнія по исторіи,

<sup>1)</sup> М. А. Членовъ. Половая перепись московскаго студенчества и ея общественное значеніе. Москва, 1909 г., стр. 38, 46.

географіи, выучить его читать, писать, считать и т. п., а на развитіе другихъ свойствъ обращаютъ мало вниманія. Есть родители эстеты, религіозные, практики, поклонники сильной воли и твердаго характера и всякіе иные, которые дѣйствуютъ также, одну группу дѣтскихъ свойствъ усиленно развиваютъ, а о другихъ не заботятся. При опросѣ московскихъ студентовъ, имъ поставленъ былъ вопросъ о характерѣ полученнаго ими семейнаго воспитанія. На этотъ вопросъ было получено 3370 отвѣтовъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: характеръ семейнаго воспитанія физическій—213 отвѣтовъ (6,3%), эстетическій—177 (5,3%), религіозный—638 (18,9%), умственный 491 (14,6%), нравственный—723 (21,4%), неопредѣленный (т.-е. безъидейный) 1128 (33,4%)<sup>1)</sup>. А по даннымъ новѣйшей общестуденческой анкеты 1912 года, дѣло обрисовывается еще печальнѣе: 51% родителей заботятся лишь о вѣншемъ благосостояніи своихъ дѣтей, о духовномъ лишь 8%<sup>2)</sup>.

Даже такія совершенно естественныя и вполне необходимыя проявленія дѣтской природы, какъ игры, взрослые стараются превратить иногда въ нѣчто искусственное. Они выдумываютъ для дѣтей игрушки, стараясь создать что-нибудь очень замысловатое и умное. Въ физикѣ дѣлается какое-либо открытіе, и сейчасъ же находится другъ и благодѣтель дѣтей, который остроумнѣйшимъ образомъ приспособляетъ научное открытіе къ дѣтской игрѣ и даритъ дѣтей новой игрушкой, чрезвычайно замысловатой и поучительной. А многимъ просто не нравится свободная, ничѣмъ не стѣсняемая дѣтская игра, они находятъ ее слишкомъ пустой и безсодержательной, а потому стараются ее систематизировать, придать ей глубокій смыслъ и значеніе. Простое дѣло превращается такимъ путемъ въ хитрое, запутанное и искусственное.

Указываемыя черты искусственной постановки семейнаго воспитанія совершенно очевидны, убѣдиться въ наличности ихъ

<sup>1)</sup> Членовъ. Половая перепись моск. студенчества. Стр. 34.

<sup>2)</sup> Сообщение Н. П. Соколова о данныхъ анкеты въ комиссіи по борьбѣ съ школьными самоубійствами.

нетрудно. Но есть еще другіе признаки искусственности современнаго семейнаго воспитанія, болѣе серьезныя и глубокіе, а потому и болѣе вредныя. Этотъ второй рядъ признаковъ неправильности первоначальнаго воспитанія сводится къ тому, что современное воспитаніе приноситъ въ жертву настоящее будущему, въ воспитываемыхъ видитъ собственно не дѣтей и юношей, а будущихъ взрослыхъ людей, дѣятелей въ различныхъ сферахъ. Воспитаніе понимается не какъ развитіе того, *что есть*, т.-е. дѣтей, отроковъ, юношей, а какъ подготовка къ тому, *что будетъ*, т.-е. подготовка взрослыхъ людей. Повидимому, то и другое пониманіе воспитанія почти одинаковы, близко сходны, но на самомъ дѣлѣ они существенно различны, и второе пониманіе неизбежно влечетъ за собою искусственную постановку воспитанія.

Жизнь человѣческаго организма распадается на возрасты. Каждый возрастъ имѣетъ свои характерныя черты, физическія и психическія. Свойства возрастовъ различны: есть такія, которыя присущи только извѣстнымъ возрастамъ, и *съ переживаніемъ этихъ возрастовъ отпадаютъ*, замѣняясь другими, какъ молочные зубы замѣняются настоящими; а есть и такія свойства, которыя *переходятъ въ дальнѣйшіе возрасты* и съ жизнью человѣка только измѣняются—или увеличиваются, или ослабѣваютъ. Дѣти отличаются полнымъ довѣріемъ ко всему, что имъ говорятъ и общаются, ихъ лицо есть для наблюдателя открытая книга, дѣти пугливы: новыя явленія, особенно значительныхъ размѣровъ, совершенно не страшныя сами по себѣ, у нихъ легко вызываютъ чувство страха. Всѣ эти свойства суть чисто дѣтскія свойства, съ дѣтствомъ они исчезаютъ и въ дальнѣйшіе возрасты не переходятъ. У юношей замѣчаются значительная идеалистичность мышленія и дѣйствія, полное довѣріе къ своимъ силамъ, грандіозность замысловъ, увѣренность, что можно разомъ, если не совсѣмъ перевернуть міръ вверхъ дномъ, то, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнить его въ короткое время. Это специфическія черты возраста, и съ переживаніемъ юности онѣ отпадаютъ. Дѣтямъ присуща сострадательность, дѣти способны въ нѣкоторой мѣрѣ къ логическому

мышленію, имъ свойственна полная правдивость. Эти черты не исчезаютъ съ дѣтствомъ, онѣ переходятъ въ дальнѣйшіе возрасты, причемъ нѣкоторыя свойства усиливаются, развивается, на примѣръ, способность логическаго мышленія, а другія съ возрастомъ ослабѣваютъ, на примѣръ, правдивость. Юноша обнаруживаетъ значительную энергію и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли, владѣетъ способностью отвлеченнаго мышленія, критически относится къ авторитетамъ. Эти свойства не исчезаютъ съ юностью: давнымъ давно минуетъ юность, но способность отвлеченнаго мышленія, критическое отношеніе къ окружающему и энергія въ преслѣдованіи цѣли сохраняются въ большей или меньшей мѣрѣ, причемъ опять съ возрастомъ однѣ черты усилятся, а другія ослабѣютъ. Свойствъ, переходящихъ въ другіе возрасты, гораздо меньше, чѣмъ специальныхъ свойствъ, отпадающихъ съ возрастами.

Какъ относится воспитаніе къ различнымъ свойствамъ возрастовъ—и отпадающимъ вслѣдъ за истеченіемъ извѣстныхъ жизненныхъ періодовъ и сохраняющимся на дальнѣйшее время? Цѣнитъ оно ихъ одинаково или различно? Заботится о развитіи всѣхъ ихъ или только нѣкоторыхъ? Обыкновенно при воспитаніи стараются культивировать такія свойства возрастовъ, которыя переходятъ въ дальнѣйшіе періоды; что же касается специфическихъ, непереходящихъ свойствъ возрастовъ, то ихъ или едва-едва терпятъ, или же стараются подавить и истребить, считая ихъ не свойствами возрастовъ, а недостатками этихъ возрастовъ.

Для постановки воспитанія въ томъ или другомъ духѣ и направленіи большое значеніе имѣетъ опредѣленіе цѣли воспитанія. Цѣль воспитанія опредѣляется различно: нужно сдѣлать воспитываемаго хорошимъ, ревностнымъ христіаниномъ, хорошимъ гражданиномъ и патріотомъ, совершеннымъ человѣкомъ, счастливымъ, самостоятельнымъ служителемъ истиннаго, добраго, прекраснаго, ревнителемъ и дѣятелемъ прогресса и т. д. Намъ нѣтъ нужды сейчасъ разбирать, какое опредѣленіе цѣли воспитанія правильно и какое неправильно, но важно отмѣтить два свойства всѣхъ предполагаемыхъ цѣлей: ихъ весьма зна-

чительную отдаленность отъ первыхъ воспитательныхъ періодовъ и малое количество свойствъ, затрогиваемыхъ ими въ воспитываемыхъ. Всѣ эти цѣли обращаютъ взоръ воспитателя къ далекому будущему: онѣ внушаютъ ему, что онѣ долженъ готовить къ чему-то воспитываемыхъ, что настоящее есть простое орудіе для будущаго и само по себѣ значенія не имѣетъ; что если въ настоящемъ онѣ достигаетъ какихъ-либо важныхъ результатовъ, то достигнутое имѣетъ настолько цѣнности, насколько приближаетъ къ той отдаленной, едва мерцающей цѣли. А когда цѣль воспитанія будетъ достигнута, когда воспитываемый можетъ сдѣлаться, на примѣръ, хорошимъ гражданиномъ? Очевидно, тогда, когда онѣ вступитъ въ гражданскую жизнь, будетъ исполнять извѣстныя обязанности и пользоваться соотвѣтственными правами, т.-е. весьма нескоро. Когда воспитываемый можетъ сдѣлаться счастливымъ или самостоятельнымъ служителемъ прогресса? Счастливымъ онѣ, вѣроятно, никогда не будетъ, а до самостоятельности въ служеніи прогрессу, можетъ быть, и доростетъ когда-нибудь, но также нескоро. А между тѣмъ, къ этимъ отдаленнымъ, иногда же и вовсе неосуществимымъ, цѣлямъ нужно готовить воспитываемыхъ; въ жертву тому далекому и невѣрному будущему нужно приносить вполнѣ вѣрное и реальное настоящее. Сосредоточиваясь на достиженіи отдаленной цѣли, смотря постоянно и упорно въ даль, въ будущее, воспитатели естественно мало цѣнятъ потребности настоящаго, плохо видятъ то, что находится близко, лежитъ предъ самыми глазами, т.-е. дѣйствительныя потребности возрастовъ, переживаемыхъ питомцами.

Перечисленныя цѣли воспитанія затрогиваютъ далеко не всѣ свойства воспитательныхъ возрастовъ, а только нѣкоторыя. Въ какомъ отношеніи къ развитію христіанскаго благочестія находятся дѣтская подвижность и дѣтская склонность къ игрѣ? Чтобы изъ воспитываемаго вышелъ хорошій гражданинъ, служитель прогресса и пр., нужно ли поощрять въ дѣтяхъ характеризующее ихъ любопытство или обуздывать? Ослаблять или усиливать дѣтскую довѣрчивость? Къ перечисленнымъ цѣлямъ воспитанія многія свойства дѣтства и юности никакого

прямого отношенія не имѣютъ, да и косвенное, непрямое ихъ отношеніе подчасъ бываетъ трудно опредѣлить. Такимъ образомъ оказывается, что большинство свойствъ возрастовъ не нужно для достиженія цѣлей воспитанія, что для этихъ цѣлей требуется культура лишь нѣкоторыхъ свойствъ. А отсюда прямой выводъ, что и воспитывать нужно только немногія свойства возрастовъ, дѣйствительно нужныя для достиженія воспитательныхъ цѣлей, а прочія можно игнорировать, не обращать на нихъ вниманія. Такъ обыкновенно и бываетъ въ воспитательной практикѣ: переходящія свойства возрастовъ заботливо культивируются, а специфическія ихъ черты остаются въ пренебреженіи. Практики-воспитатели и родители мало заботятся о выясненіи и разрѣшеніи общихъ теоретическихъ вопросовъ о воспитаніи, къ числу которыхъ принадлежитъ вопросъ и о цѣли воспитанія,—подобные вопросы они считаютъ темными и метафизическими. Но отъ разсужденій о цѣли воспитанія и у нихъ въ сознаніи все же остается, что воспитываемыхъ нужно къ чему-то готовить въ будущемъ, и что далеко не всѣ ихъ свойства заслуживаютъ вниманія. Не заглядывая въ далекое будущее, родители и воспитатели-практики ставятъ ближайшія задачи для своей дѣятельности, заимствованныя также изъ будущаго, но не отдаленнаго, притомъ задачи наиболѣе простыя и практичныя. Дитяти придется учиться въ школѣ, слѣдовательно, нужно возможно раньше и возможно серьезнѣе готовить его къ школѣ, начать поскорѣе и пообстоятельнѣе учить. По выходѣ изъ школы молодому человѣку нужно будетъ, для успѣха въ жизни, умѣть приспособляться къ положенію, ладить съ людьми и обстоятельствами; значить, нужно до выхода въ жизнь вышколить его хорошенько, дисциплинировать. И вотъ начинаютъ дѣтей съ малолѣтства серьезно учить и строго школить.

Что же дѣлается съ тѣми свойствами, которыя не переходятъ въ слѣдующіе возрасты, а отпадаютъ съ переживаніемъ дѣтства и юности, какъ къ нимъ относятся родители, воспитатели и вообще взрослые люди? Взрослые смотрятъ на специфическія свойства возрастовъ свысока, какъ на нѣчто несо-

вершешнее, незрѣлое, малоцѣнное. Дѣти и юноши—умственные и нравственные недоросли, несовершенныя существа; все, спеціально имъ присущее, характерное, нужно поскорѣе вытѣснить и замѣнить нашимъ, взрослымъ. Каждый возрастъ имѣетъ свои особенныя взгляды, вкусы, свою манеру думать и говорить, свои понятія о прекрасномъ и нравственномъ; каждый возрастъ имѣетъ свою логику, свою религію, свою эстетику, свою мораль. Въ каждомъ возрастѣ человѣкъ есть настоящій, цѣльный человѣкъ, своеобразный, а не только ступень развитія на пути къ настоящему, полному человѣку. Но мы, взрослые, мало цѣнимъ особенности мысли и чувства дѣтей и юношей, мало уважаемъ ихъ своеобразную личность; мы упорно стараемся привить имъ наши взгляды и вкусы, нашу манеру думать и поступать, нашу религію, нашу эстетику. Мы увѣрены въ своемъ превосходствѣ и требуемъ подчиненія себѣ; мы часто смѣемся надъ дѣтскимъ простодушіемъ и довѣрчивостью, удивляемся юношескому жару и увлеченію,—все это странно, все это нехорошо, потому что мы, взрослые, думаемъ и дѣйствуемъ иначе. Мы даемъ себѣ мало труда понять особенности дѣтства и юности, войти въ характеръ мысли и чувства пережитыхъ возрастовъ, выяснить себѣ, что естественно, что необходимо въ эти возрасты. Къ чему? Вѣдь все специфически дѣтское и юношеское пройдетъ, отпадетъ съ возрастомъ, останутся только свойства, переходящія въ другіе возрасты. И взрослые не церемонятся съ дѣтьми и юношами, насколько именно они—дѣти и юноши; они позволяютъ имъ оставаться вполнѣ самими собой, жить полною жизнью возрастовъ только въ часы отдыха, а во все прочее время только приготавливаютъ ихъ къ чему-то въ будущемъ.

Спеціальныя свойства воспитательныхъ возрастовъ нерѣдко прямо объявляются *недостатками*, съ ними ведется борьба, ихъ пытаются истреблять. Давно ли дѣтскую подвижность, рѣзвость, неподдѣльность перестали считать дѣтскими недостатками, давно ли перестали преслѣдовать дѣтей за эти свойства, да и вездѣ ли перестали? Не внушается ли и теперь дѣтямъ, особенно дѣвочкамъ, что онѣ постоянно должны быть *zierlich*

manierlich, ganz accurat? И многія психическія дѣтскія свойства, напримѣръ, малая способность сосредоточивать вниманіе, торопливость въ сужденіи, безцеремонное заявленіе своихъ вкусовъ, желаній и пр., не считаются ли и доселѣ недостатками, подлежащими искорененію и замѣнѣ качествами болѣе почтенными и солидными? Борьба ведется нерѣдко систематически со всякими свойствами возрастовъ, существенными и несущественными.

Вообще прелесть дѣтства, отрочества, юности, цѣнится зрѣлыми людьми мало: взрослые желаютъ, чтобы ихъ дѣти поскорѣ пережили эти возрасты и перешли въ слѣдующій. Глядя на грудного ребенка, родители желаютъ, чтобы онъ поскорѣ подросъ и началъ ходить; 4—5 лѣтнихъ начинаютъ усердно готовить къ школѣ и обуздывать пустое, будто бы, ребячество дѣтей, не хотящихъ и думать о школѣ; въ школахъ дѣтямъ и юношамъ упорно прививаютъ мудрость и мораль взрослыхъ. Подъ этими давленіями мальчики и дѣвочки такъ хорошо развиваются, что, наконецъ, сами желаютъ поскорѣ перейти въ слѣдующій возрастъ, чувствуютъ нѣкоторый стыдъ за свою юность. Взрослые, какъ бы, говорятъ дѣтямъ: изъ васъ будетъ то-то и вамъ будутъ нужны въ будущемъ, въ жизни, такія-то свойства. Имѣющіеся у васъ задатки этихъ свойствъ мы и будемъ развивать. Что же касается всѣхъ прочихъ свойствъ, которыя составляютъ спеціальную принадлежность дѣтства и юности и которыя въ слѣдующіе возрасты не перейдутъ, то они не нужны, да это и не свойства,—это недостатки, препятствія на пути развитія. Ихъ нужно уничтожить и замѣнить, по возможности, свойствами взрослого человѣка.

И вотъ на почвѣ такихъ-то взглядовъ создаются системы первоначальнаго воспитанія, организуются учебно-воспитательныя заведенія, составляется учебный курсъ, опредѣляются приемы нравственнаго, эстетическаго и всякаго иного образованія. Дѣти стиснуты, сдавлены, они заключены въ придуманную взрослыми форму, не позволяющую свободно развернуться дѣтской природѣ, раскрыться всѣмъ свойствамъ возраста. Воспитаніе является нынѣ не всестороннимъ, какъ это утвер-



ждають на томъ основаніи, что дѣтей учать и наукамъ, и языкамъ, и музыкѣ, и ручному труду, а весьма одностороннимъ и узенькимъ, весьма искусственнымъ, такъ какъ большинство свойствъ воспитываемыхъ игнорируется, выбрасывается, уничтожается, а меньшинство культивируется. Младшіе возрасты не представляются цѣнными сами по себѣ, но цѣнятся только по своему подготовительному характеру къ слѣдующимъ; они—ступеньки, чтобы взобраться наверхъ, и чѣмъ скорѣе пробѣгаются, тѣмъ лучше. Человѣкъ слѣзаетъ отъ настоящаго къ будущему, не пользуется достаточно настоящимъ и гонитъ все впередъ и впередъ. Достигъ человѣкъ старости, и тутъ подготовка еще не кончилась: говорятъ, готовься къ переходу въ новую безконечную жизнь, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. И такъ человѣкъ всю жизнь *только готовится жить и никогда* надлежащимъ образомъ *не живетъ*.

Въ частности, въ виду развиваемой нами темы, нужно особенно остерегаться превращенія семейнаго воспитанія въ подготовительную школу къ какому-либо учебному заведенію. Очень часто бываетъ, что родители всю суть своихъ родительскихъ обязанностей видятъ въ подготовленіи своихъ дѣтей къ поступленію въ какую-либо школу. Поэтому они запасаются соотвѣтствующими учебниками и программами и начинаютъ учить своихъ дѣтей, готовя къ школѣ, какъ будто въ самой школѣ не будетъ времени для ученья. Конечно, въ подобномъ случаѣ очень много вины лежитъ на школѣ и всѣхъ ея распорядкахъ, потому что для поступленія даже въ приготовительный классъ школы требуется уже нѣкоторая сумма книжныхъ знаній, кромѣ искусства читать и писать, но не требуется умѣнье наблюдать предметы, вѣрно оцѣнивать ихъ форму и цвѣтъ, способность сосредоточивать вниманіе и правильно выражать свои впечатлѣнія, что несравненно важнѣе книжныхъ знаній и даже искусства читать и писать. Во всякомъ случаѣ родители должны помнить, что если жизненная нужда заставляетъ ихъ до извѣстной степени превращать семейное воспитаніе въ школьное обученіе, то не нужно превращать его совсѣмъ въ школу, а тѣмъ болѣе въ со-

временную, по своей организаціи весьма не удовлетворительную, весьма книжную, одностороннюю и искусственную.

Семейное воспитаніе должно быть чуждо всякой искусственности, оно должно быть вполне органическою дѣятельностью, развитіемъ всѣхъ *цѣнныхъ* свойствъ воспитательныхъ возрастовъ; оно должно быть осторожнымъ и мягкимъ даже и по отношенію къ тѣмъ свойствамъ, которыя неудобны самимъ дѣтямъ (напримѣръ, дѣтская пугливость), въ виду того, что это есть свойство, а не недостатокъ. Нужно давать дѣтямъ переживать всѣ свойства возрастовъ. Цѣли и задачи семейнаго воспитанія должны почерпаться не изъ чего-либо сторонняго дѣтямъ, имѣющаго значеніе въ жизни взрослыхъ, а прежде всего изъ самихъ дѣтей, изъ ихъ развивающагося организма. Семейное воспитаніе должно помогать правильному и всестороннему развитію дѣтей, затрогивать всѣ, а не нѣкоторыя лишь свойства, и тѣмъ болѣе не преслѣдовать какія-либо узкія и внѣшнія цѣли, въ родѣ изученія иностранныхъ языковъ или подготовленія къ будущей карьерѣ. Этихъ послѣднихъ цѣлей достигать сравнительно легко: стоитъ только запастись достаточною настойчивостью и строгостью; но помогать правильному и всестороннему росту психофизическаго дѣтскаго организма трудно. Для достиженія такой цѣли нужны серьезныя научныя знанія объ отличительныхъ свойствахъ дѣтскаго организма, объ исторіи его развитія, нужна серьезная подготовка. Строгостью здѣсь ничего не сдѣлаешь.

### III.

Эгоистичность и субъективизмъ семейнаго воспитанія.—О соціализаціи семейнаго воспитанія.

Помимо разныхъ видовъ искусственности, семейное воспитаніе часто страдаетъ еще эгоистичностью и субъективизмомъ.

Семьи нерѣдко ведутъ обособленную отъ общества, замкнутую жизнь, мало интересуются общественными вопросами, пребываютъ какъ бы въ какой скорлупѣ или раковинѣ, выгля-

дывая на свѣтъ Божій лишь по необходимости. Глава семьи несетъ какую-либо службу, но внѣ службы для него общество и общественные вопросы не существуютъ; дѣти учатся, проводя одну часть дня въ школѣ, а другую дома; мать семьи постоянно занята хлопотами по домашнимъ дѣламъ и весь ея міръ—небольшой кругъ знакомыхъ, подобныхъ ей, матерей-хлопотуней. Журналы, газеты, общества, собранія—все это не для такихъ семействъ, газета выписывается для ознакомленія съ городскими происшествіями, а не міровыми событіями. Служивцы мужа и родня жены—вотъ то общество, съ которымъ встрѣчается семья. Все въ такой семьѣ расцѣпляется съ точки зрѣнія интересовъ семьи: если отъ какого-либо измѣненія въ общественной или государственной жизни семья выиграетъ, то такой переменѣной интересуются, ее одобряютъ; если переменѣна для семьи безразлична, то на нее не обращаютъ никакого вниманія; если же она невыгодна для семьи, то ее проклинаютъ, какое бы широкое общественное значеніе она ни имѣла. Надъ семьей не вѣетъ общественнаго духа, и она опускается такъ низко, что является наконецъ уже не семьей, а гнѣздомъ, въ которомъ сидятъ разинутые рты, желающіе кушать и больше ничего не хотящіе знать. Возникаютъ твердые, но очень узкіе семейные интересы, опредѣленное, но крайне ограниченное семейное міровоззрѣніе, семейная нравственность, семейныя доблести, но все это своеобразнаго качества, все имѣетъ единственнымъ предметомъ благосостояніе семьи и лишено всякаго интереса къ общественному благу. Работай на семью, наживай для семьи, тащи въ семью—вотъ высшая и главнѣйшая заповѣдь. Семья—богъ, кумирь, для ея блага все позволительно сдѣлать, въ семьѣ сосредоточены самыя дорогіе интересы. Изъ такихъ семей выходятъ крѣпкіе, рѣшительные люди, повидимому превосходные семьяне, всѣмъ для нея жертвующіе, но опасные общественные дѣятели, потому что общество само по себѣ для нихъ не имѣетъ никакой цѣны, оно только матеріаль для благополучія семьи, имъ всегда можно пожертвовать, принести его интересы на алтарь интересовъ семьи.

Такихъ семействъ много, у членовъ ихъ нѣтъ настоящей, общественной нравственности, а есть только семейная. Все, до чего могутъ возвыситься такія семьи, это классовая нравственность, сознание классовыхъ интересовъ, а что касается интересовъ всего общества и, тѣмъ болѣе, всего человѣчества, то такіе интересы для подобныхъ людей не существуютъ. Они слишкомъ отдаленны, ихъ рукой не достанешь, карманъ ихъ не ощущаетъ, а слѣдовательно нечего о нихъ и беспокоиться. Понятно, какое воспитаніе получаютъ въ такихъ семьяхъ молодя поколѣнія, какой жестокой и грубой эгоизмъ, какая ограниченность и узость кругозора имъ прививаются. Вотъ какіе факты далъ въ этомъ отношеніи опросъ московскаго студенчества: на вопросъ: было воспитаніе замкнутымъ или нѣтъ? получено 2905 отвѣтовъ, изъ которыхъ въ 686 (32,8%) было сказано да, а въ 1409 (67,2%) нѣтъ, но незамкнутость воспитанія понималась, какъ выѣзды въ гости, гости къ дѣтямъ, посѣщеніе дѣтскихъ баловъ, театровъ, игры на улицѣ съ товарищами и т. п. На вопросъ: имѣла семья влияние на выработку этическихъ идеаловъ, эстетическихъ вкусовъ, товарищества и т. д. или нѣтъ? получено 1706 отвѣтовъ, изъ которыхъ положительныхъ было 748 (43,8%), а отрицательныхъ 958 (56,2%); на вопросъ: имѣла влияние семья на выработку опредѣленнаго міросозерцанія или нѣтъ? получено 1794 отвѣта, изъ которыхъ утвердительныхъ 757 (42,2%), а отрицательныхъ 1037 (57,8%); на вопросъ: имѣла семья влияние на сознательный выборъ факультета или нѣтъ? получено 2061 отвѣтъ, изъ которыхъ положительныхъ было 333 (16,2%), а отрицательныхъ 1728 (83,8%); на вопросъ: имѣла семья влияние на выработку уваженія къ женщинѣ на всѣхъ ступеняхъ ея общественнаго положенія или нѣтъ? получено 1835 отвѣтовъ, изъ которыхъ положительныхъ было 667 (36,3%), а отрицательныхъ 1168 (63,7%)<sup>1)</sup>.

Узкая эгоистичность семейнаго воспитанія свидѣтельствуетъ

<sup>1)</sup> М. А. Членовъ. Половая перепись московскаго студенчества. М. 1909. Стр. 34—35.

о весьма скудномъ общественномъ развитіи тѣхъ семействъ, въ которыхъ она царитъ, объ ихъ весьма низменныхъ идеалахъ. Здѣсь открывается самая живая и тѣсная связь между общественной культурой и ея идеалами съ одной стороны и семейнымъ воспитаніемъ и его задачами съ другой. Въ широко культурномъ обществѣ, въ которомъ составляющія его семьи живутъ настоящею полною жизнью, не скрываясь отъ общественныхъ интересовъ въ семейныхъ раковинахъ, для которыхъ общественные интересы суть свои, родные, кровные, тамъ очерченная узкая эгоистичность семейнаго воспитанія невозможна. Конечно, это не значитъ, чтобы тамъ не было эгоизма, а это значитъ, что тамъ нѣтъ такого узкаго эгоизма, что послѣдній шире, захватываетъ больше людей, человѣчище, что тамъ больше эгоизмъ общественный и національный, чѣмъ семейный и классовый.

Семейное воспитаніе есть показатель культурности общества. Его нельзя, какъ школу, поднять сравнительно въ короткое время усиліями нѣсколькихъ десятковъ энергическихъ лицъ, нельзя нарядить по посланцу въ каждую семью для преобразования воспитанія въ ней. Для преобразования и поднятія семейнаго воспитанія нужно сплотить семьи, пропитать ихъ извѣстными идеями и стремленіями, образовать изъ нихъ одно объединенное культурное цѣлое. Въ культурномъ обществѣ будутъ культурные семьи, а въ культурныхъ семьяхъ—хорошее культурное семейное воспитаніе. Поэтому общество должно плакаться на себя, если въ средѣ его плохое семейное воспитаніе. Дайте обществу крупные серьезные интересы, одушевите его высокими благородными идеалами, и вы увидите, какъ будетъ исчезать эгоистичность семейнаго воспитанія, его узость, а на мѣсто ихъ появятся широта и глубокая культурность. Но тьма убѣжитъ только передъ свѣтомъ.

Семейное воспитаніе можетъ избѣжать узкой эгоистичности, но оставаться въ весьма значительной мѣрѣ субъективнымъ, т.-е. зависящимъ во всей своей постановкѣ отъ руководящихъ воспитаніемъ лицъ, ихъ личныхъ свойствъ, пристрастій, вкусовъ, склонностей, степени общаго развитія и педагогической

подготовки. Дѣло въ томъ, что руководятъ семейнымъ воспитаніемъ обыкновенно мать и отецъ, дѣти находятся въ полномъ ихъ распоряженіи и никуда скрыться отъ нихъ не могутъ и противиться имъ не могутъ. А родители не только могутъ быть сами односторонними и дать своимъ дѣтямъ одностороннее воспитаніе, но, избѣгая односторонности, они никогда не въ состояніи перемѣниться по существу, стать другими лицами, съ другими свойствами. Поэтому они поймутъ своихъ дѣтей и будутъ ихъ воспитывать сообразно съ своими личными понятіями и взглядами, будутъ прививать имъ тѣ свойства, которыя имъ нравятся, которыя ими высоко цѣнятся, а такъ какъ въ семьѣ другихъ воспитателей нѣтъ, то и восполнить недостаточность родительскаго воспитанія, исправить его некому. Между тѣмъ семейное воспитаніе будетъ длиться многіе годы. Прибавьте еще къ этому обычные недостатки общаго образованія родителей и ихъ слабую педагогическую подготовку къ дѣлу воспитанія, и сообразите, что же это будетъ за воспитаніе, которое они дадутъ своимъ дѣтямъ. Родители будутъ воспитывать своихъ дѣтей или по своему образу и подобию, или по какому-либо другому, но у подобнаго воспитанія очень часто будетъ не доставать научной обоснованности, твердой разумности, систематичности и послѣдовательности; будутъ въ такомъ воспитаніи полный субъективизмъ и произволъ. Въ послѣдующемъ поколѣніи просто-напросто будетъ или воспроизводиться предшествующее поколѣніе со всѣми его слабостями и недостатками, или же все воспитаніе будетъ направлено въ духъ излюбленнаго родителями, но непровѣреннаго научно, начала. «Мнѣ такъ хочется», «я признаю это очень важнымъ», «никогда я не пушу своего сына или дочь по такой дорогѣ»—вотъ что постоянно слышится въ такихъ воспитательныхъ системахъ. А все это очень субъективно и не научно.

Вообще современная русская семья страдаетъ многими недостатками, а вмѣстѣ съ семьей страдаетъ и воспитаніе въ семьѣ: по свидѣтельству московскихъ студентовъ, начальное воспитаніе давалось родителями лишь въ 71%, въ 12% оно

было дано не родителями, при чемъ очень значительное участіе (болѣе  $\frac{1}{2}$  случаевъ) принимали въ немъ женщины (сестры, бонны, няни и т. д.); въ 18% случаевъ воспитаніемъ никто не занимался. Въ 17% воспитаніе было изнѣженнымъ; въ  $\frac{1}{2}$  случаевъ примѣнялись наказанія и при этомъ въ 58%—тѣлесныя. Сама семья въ 11% не отличалась нравственной чистотой (отвѣтили 95%). Нравственная близость съ родителями была лишь въ 60% случаевъ (больше съ матерью, чѣмъ съ отцомъ). Въ 37% ни съ родителями, ни съ воспитателями никакой нравственной близости не было. Духовная близость съ семьей сохранилась лишь въ 75% случаевъ, а въ  $\frac{1}{4}$  случаевъ (отвѣтили 39%) она порвалась. Раннее проявленіе полового чувства, во время пребыванія въ семьѣ и подъ ея вліяніемъ, отмѣчено въ 92%, именно подъ вліяніемъ порнографическихъ книгъ и картинъ (24%), уличныхъ впечатлѣній (17%), поведенія товарищей (14%), прислуги, особенно нянь, братьевъ, отца и т. д., затѣмъ подъ вліяніемъ умственного напряженія, изнѣженнаго воспитанія и т. п. <sup>1)</sup>.

Въ виду такихъ весьма серьезныхъ недочетовъ семейнаго воспитанія, притомъ весьма трудно устранимыхъ, естественно возникаетъ вопросъ о замѣнѣ семейнаго воспитанія общественнымъ, о социализации семейнаго воспитанія.

Семейное воспитаніе находится въ тѣсной связи съ положеніемъ и характеромъ устройства семейнаго быта. Въ настоящее время семья переживаетъ кризисъ, она сознаетъ тяжелые недостатки современнаго своего строя, но какъ нужно построиться заново, въ какомъ видѣ, въ какой формѣ, этого она еще не знаетъ. Отрицательная сторона ясна, положительная въ туманѣ. Всеѣмъ понятно, что семья въ настоящее время находится въ переходномъ состояніи: браки становятся болѣе и болѣе поздними. Прежніе ранніе браки исчезли совсѣмъ, даже въ крестьянствѣ они заключаются значительно позднѣе, чѣмъ въ прежнее время, а въ образованныхъ кругахъ, гдѣ дѣти получаютъ весьма продолжительное образованіе и не скоро устрои-

<sup>1)</sup> Членовъ. Половая перепись московскаго студенчества. Стр. 34—37.

ваются въ жизни, браки совсѣмъ запаздываютъ. Самая форма брака, связывающая людей на всю жизнь, признается многими стѣснительной и устарѣлой, считается болѣе правильной и желательной такая форма брачнаго союза, которая, въ случаѣ нужды, допускала бы болѣе легкій и быстрый разрывъ, чѣмъ нынѣ. Положеніе членовъ семьи въ современной семьѣ значительно измѣнилось по сравненію съ временами даже не давно-прошедшими: нынѣшній глава семьи далеко не прежній домовладыка и патріархъ, его власть значительно ограничена, если не закономъ, то обычаемъ и нравами; нынѣшнія дѣти чувствуютъ за собой не только обязанности, какъ дѣти прежнихъ семействъ, но и права, которыя, при случаѣ, смѣло и предъявляютъ родителямъ. Нынѣ нерѣдко идетъ рѣчь о «господахъ—дѣтяхъ», имъ все должно служить въ домѣ, они—центръ всей семейной жизни. Родители отодвигаются на второй планъ. Очень во многомъ измѣнилось положеніе матери въ семьѣ: получая нынѣ образованіе не только элементарное, но среднее и высшее, современная образованная женщина нерѣдко стремится вонъ изъ семьи. Она не желаетъ посвящать все свое время и силы семьѣ, она хочетъ заниматься общественною дѣятельностью, предѣлы семьи, только семейная дѣятельность ей кажутся слишкомъ узкими. Я человекъ, говоритъ она, и хочу жить вполне по-человѣчески, предо мной должны быть раскрыты всѣ двери.

А заколебалась семья, потрясается и семейное воспитаніе, старыя его основы расшатываются и рушатся, а новаго фундамента для семейнаго воспитанія, въ видѣ новаго уклада семьи, пока еще не подведено. Прежнее семейное воспитаніе, отягченное многими свойственными ему недугами по самой его природѣ, при кризисѣ семьи, при остромъ положеніи жепскаго вопроса вообще и въ частности материнскаго, совсѣмъ слабѣетъ, теряетъ почву подъ ногами и, какъ будто, готово рухнуть. Отсюда понятно, что не только въ западной Европѣ, но и въ восточной, не только между послѣдователями социалистическихъ теорій, но и просто въ обществѣ возникаетъ и



крѣпнеть соціально педагогическое движеніе о замѣнѣ семейнаго воспитанія общественнымъ.

Не только недостатки семейнаго воспитанія, кризисъ семьи и перемѣна въ положеніи женщины возбуждаютъ вопросъ о соціализаціи семейнаго воспитанія; онъ ставится самой жизнію, нѣкоторыми условіями современной культуры и, подъ ихъ давленіемъ, уже разрѣшается. Современная культура, нерѣдко очень жестокая, лишаетъ возможности многихъ родителей исполнять воспитательскія обязанности и тѣмъ разрушаетъ семейное воспитаніе. Многія дѣти остаются безпризорными, такъ какъ бросаются своими родителями, и чтобы спасти имъ жизнь и дать имъ какое-либо воспитаніе, государство и земство вынуждены подбирать подкидышей и устроить для нихъ воспитательные дома. Забота о брошенныхъ дѣтяхъ далеко не новая. Многіе родители дѣтей не бросаютъ, но оставляютъ ихъ безъ воспитанія и даже необходимаго элементарнаго о нихъ попеченія. Таковы фабричныя, ежедневно работающіе на фабрикахъ и заводахъ. И отецъ и мать покидаютъ своихъ дѣтей, оставляя ихъ на время фабричной работы попеченіямъ отдаленныхъ родственниковъ или чужихъ, а нерѣдко и безъ всякаго попеченія. Для дѣтей фабричныхъ давно уже устрояются обществомъ ясли и пріюты. Земледѣльческой классъ, крестьянство, въ лѣтнюю страдную пору находится въ томъ же положеніи, какъ и рабочій классъ, отправляясь на цѣлый день на работы въ поля и луга, нерѣдко находящіеся отъ деревни на довольно далекомъ разстояніи. По селамъ также устрояются ясли и пріюты для охраны и ухода за оставленными крестьянами на волю Божию дѣтьми. Въ достаточныхъ классахъ многіе родители могли бы воспитывать своихъ дѣтей, но не умѣютъ, а потому охотно отдаютъ ихъ въ дѣтскіе сады и другія общественныя учрежденія. Родители достаточныхъ классовъ, умѣющіе и желающіе воспитывать своихъ дѣтей, все же признаютъ желательной помощь общественныхъ организацій при семейномъ воспитаніи, чтобы дѣти могли пользоваться товариществомъ, а мать имѣла нѣсколько свободныхъ часовъ въ день. Такіе родители заводятъ семейные союзы, семейные

дѣтскіе сады и семейныя школы по воспитанію дѣтей, потому что сами дѣти и при хорошемъ воспитаніи въ семьѣ рвутся къ товарищамъ, остро чувствуютъ нужду въ болѣе широкомъ обществѣ, чѣмъ общество братьевъ и сестеръ.

Такимъ образомъ жизненная нужда уже въ значительной степени социализировала семейное воспитаніе и на помощь ему создала слѣдующія общественныя учрежденія: воспитательные дома, ясли, дѣтскіе сады, дѣтскіе пріюты, семейные союзы и дѣтскіе сады, семейныя школы, не говоря уже о чтеніи для дѣтей—дѣтской журналистикѣ, дѣтской литературѣ, курсахъ для подготовки нянь, матерей и т. п. Чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе такія общественныя организациі. Вопросъ теперь не о томъ, можно или нельзя социализировать семейное воспитаніе, социализациа семейнаго воспитанія, просачиваясь въ семью со всѣхъ сторонъ, все больше и больше завладѣваетъ семейнымъ воспитаніемъ, а о томъ, нужно ли стремиться къ всецѣлой замѣнѣ семейнаго воспитаніе общественнымъ, или же устройствомъ общественныхъ учрежденій слѣдуетъ только помогать семейному воспитанію, считая его самага по его сущности многоцѣннымъ и незамѣнимымъ.

Семейное воспитаніе имѣетъ два незамѣнимыя свойства на своей сторонѣ: индивидуализацию воспитанія и широкое развитіе чувства.

Обычное школьное воспитаніе и образованіе есть воспитаніе массовое, въ которомъ учителямъ и воспитателямъ весьма трудно добираться до отдѣльныхъ учащихся, ихъ изучать и поступать съ ними согласно ихъ личнымъ особенностямъ. Общественное воспитаніе есть общественное не только потому, что оно создается обществомъ и ведется въ обществѣ, но и потому, что оно имѣетъ своей первой и самой главной задачей развитіе въ дѣтяхъ общихъ, т.-е. сходныхъ свойствъ, оставляя безъ вниманія, или мало удѣляя вниманія, тѣмъ свойствамъ, которыми дѣти отличаются одно отъ другого. Инымъ общественному воспитанію быть трудно: если въ классѣ 30—40 учащихся, то какъ учитель узнаетъ ихъ во время обученія

и какъ будетъ примѣняться къ нимъ? А наши учителя обыкновенно преподають не въ одномъ заведеніи, а въ двухъ и даже трехъ, и въ каждомъ заведеніи у учителя классъ изъ 30—40 учащихся. Какая же индивидуализація образованія возможна при такихъ условіяхъ? Личность учащагося въ школѣ тонетъ въ массѣ учащихся, она, какъ индивидуальность, никому неизвѣстна, ни учителямъ, ни воспитателямъ, она, если не очень выдается чѣмъ-либо, представляется учебно-воспитательному персоналу школы въ видѣ существа, получающаго больше троекъ или четверокъ или пятерокъ по учебнымъ предметамъ, а по поведенію четверки или пятерки. Очевидно, такое познаніе учащагося неимовѣрно скудно, а слѣдовательно въ школѣ отсутствуетъ всякое индивидуальное воспитаніе и образованіе. Если воспитывать дѣтей, какъ различныхъ существъ, стремясь къ развитію ихъ различныхъ свойствъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга, то для воспитанія каждаго дитяти потребуется нѣсколько особенная, своя педагогическая система, особая школа. Другими словами, такое строго индивидуалистическое воспитаніе можетъ быть только одиночнымъ, а не совмѣстнымъ, не общественнымъ. А между тѣмъ различія между дѣтьми и между взрослыми—источникъ жизни, дѣятельности, культуры; отличительныя свойства дѣтей составляютъ ту одаренность, ту геніальность, малую частичку которой приносятъ съ собой въ міръ каждый нормальный рождающійся младенецъ.

Отъ школьной казенщины, формализма и принудительнаго обученія учащейся спасается въ семью, гдѣ онъ цѣнится не какъ учащійся, одинъ изъ многихъ, до котораго собственно дѣла никому нѣтъ, учишься и живи, какъ и другіе, какъ приказано школьнымъ уставомъ, а какъ именно такая-то личность, со всѣми имѣющимися у нея свойствами. Въ семьѣ всѣ члены знаютъ другъ друга отлично, въ семьѣ приглядываются къ особенностямъ каждаго члена семьи и, по мѣрѣ возможности, стараются удовлетворять всѣмъ личнымъ запросамъ, развивать всѣ индивидуальныя черты, если онѣ, конечно, имѣютъ цѣнность. Семья придерживается всегда культа индивидуальности, разнообразія воспитательныхъ приемовъ и свободы, какъ школа.

цѣпляется за средняго воспитываемаго, принудительныя мѣры и начало однообразія во всемъ и для всѣхъ.

Въ серьезной заботѣ о развитіи индивидуальности путемъ примѣненія разнообразныхъ педагогическихъ мѣръ, сообразно съ личными особенностями воспитываемыхъ, и заключается главнѣйшее незамѣнимое преимущество семейнаго воспитанія предъ общественнымъ. Безъ семьи и семейнаго воспитанія дѣтямъ пришлось бы плохо, ихъ нѣжная индивидуальность стиралась бы общими, рассчитанными на средняго воспитываемаго порядками, а вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразнаго и оригинальнаго въ человѣчествѣ было бы меньше. Семья—питомникъ индивидуальности.

Другое весьма цѣнное и незамѣнимое никакими общественными учрежденіями свойство семейнаго воспитанія есть широкое развитіе чувства въ воспитываемомъ. Общественное учрежденіе для воспитанія дѣтей можетъ быть организовано прекрасно, на строго научныхъ началахъ; работающіе въ немъ взрослые могутъ отлично выполнять свои обязанности, быть людьми широко образованными, чуждыми пристрастій, совершенно справедливыми, любящими и хорошо подготовленными къ тому дѣлу, которому они посвящаютъ всѣ свои силы. Но и въ такомъ прекрасномъ учрежденіи на дѣтей будетъ вѣять холодкомъ, ихъ сердце не будетъ согрѣто любовью, ихъ никто не поцѣлуетъ такъ горячо и любовно, никто не заглянетъ имъ въ глаза съ такою нѣжностью и лаской, съ какой глядитъ на свое дитя мать въ семьѣ, съ какой любовью она цѣлуетъ. Можно любить дѣтство и дѣтей вообще, можно отдаваться дѣлу воспитанія дѣтей, увлекаться имъ, но это не значитъ любить данное отдѣльное дитя, со всѣми его достоинствами и недостатками. Любить всѣхъ отдѣльныхъ дѣтей, за всѣхъ болѣть душой, къ каждому ребенку относиться не только внимательно, но и нѣжно, тепло, съ сердечнымъ трепетомъ, слѣдить за каждымъ испытующимъ безпокойнымъ взглядомъ можетъ только мать или отецъ, или лицо, выдающееся по своему нервно-психическому строенію. Но такія высоко одаренныя личности рѣдки, обыкновенная личность изливаетъ горяч-

ность своего сердца въ предѣлахъ семьи. Мать любить свое дитя, можетъ быть, некрасивое, больное, безталанное, и никто его, вѣроятно, не полюбитъ, кромѣ его матери. А между тѣмъ материнская любовь проникаетъ въ сердце дитяти, раскрываетъ его и съѣтъ въ немъ сѣмена любви къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, ко всѣмъ людямъ, оно создаетъ основу для позднѣйшихъ гуманныхъ и широкихъ благожелательныхъ настроеній человѣка. Никакая воспитательница ничего подобнаго сдѣлать не можетъ, она любитъ дѣтей, но совсѣмъ не такъ, какъ мать, ея любовь вяла и блѣдна, она любитъ по долгу, больше умомъ, чѣмъ сердцемъ. Такая любовь не плодотворна, не заразительна, не дѣйствительна, она не раскроетъ дѣтскаго сердца. А безъ любви дитя жить не можетъ, оно жаждетъ любви и ласки. Вы лучше лишите дитя хлѣба, вы, если хотите, побейте его въ сердцахъ, но не лишайте его ласки, не лишайте любви; безъ нихъ оно завянетъ, замретъ, а вашу вспышку, вашъ ударъ оно скоро забудетъ.

Великій пѣвецъ семьи, семейнаго воспитанія и значенія родительской любви въ дѣлѣ формировки человѣческой личности, знаменитый педагогъ Генрихъ Песталоцци, такъ рассуждалъ: семейныя радости человѣка—самыя прекрасныя въ мірѣ, а радость родителей, возбуждаемая дѣтьми, есть самая святая радость человѣчества. Люди приближаются къ Богу семейными радостями и добродѣтелями, Богъ награждаетъ отцовскую преданность и материнскую заботливость въ отношеніи дѣтей. Въ семьѣ особенно вліятельна мать, она хранитъ семью, ея съ виду незамѣтная дѣятельность устрояетъ семью. «Такъ шествуетъ по своему пути Божье солнце съ утра до вечера. Твой глазъ не замѣчаетъ ни одного его шага, и твое ухо не слышитъ его движенія. Но при закатѣ его ты знаешь, что оно опять взойдетъ и опять станетъ согрѣвать землю пока земные плоды не созрѣютъ... Этотъ образъ великой матери, стерегущей землю, есть образъ Гертруды и каждой женщины, которая дѣлаетъ изъ своего жилища святилище Бога и заслуживаетъ себѣ небо своими заботами о мужѣ и дѣтяхъ». (Лингардъ и Гертруда, ч. I, гл. 47; ч. II, гл. 24).

Чувство любви въ ребенкѣ есть тотъ общій центръ, то средоточіе, которое упорядочиваетъ и оживляетъ всѣ остальные чувства; любовь есть положительная и неизмѣнная основа, отъ которой проистекаетъ развитіе всѣхъ способностей, содѣйствующихъ нашему усовершенствованію. Искать другого пути, помимо развитія любви, къ усовершенствованію рода человѣческаго, напрасно. Отсюда необычайно высокая оцѣнка семьи, какъ органа воспитанія любви и чрезъ любовь. «Каждый кусокъ хлѣба, съѣдаемый ребенкомъ, если ему даетъ его любящая мать, становится для развитія любви въ дитяти и его дѣятельности совсѣмъ инымъ, чѣмъ если бы онъ нашелъ этотъ кусокъ на улицѣ или получилъ изъ чужихъ рукъ.—Чулочкъ, который мать вяжетъ дитяти на его глазахъ, представляетъ для развитія его любви и дѣятельности совсѣмъ иное, чѣмъ чулокъ, покупаемый на рынкѣ или въ другомъ мѣстѣ, который онъ надѣваетъ не зная, откуда онъ попалъ въ его руки».

Семья есть самое главное и самое лучшее педагогическое учрежденіе, воспитывающее живымъ дѣломъ, а не словами. Естественнаго воспитанія въ семьѣ нельзя замѣнить искусственнымъ, школьнымъ. Естественное семейное воспитаніе есть ядро, а школьное обученіе только оболочка ядра въ дѣлѣ развитія личности. «Вообще домашняя жизнь въ образованіи человѣка то же, что стволъ для дерева. На немъ должны быть какъ бы привиты всѣ вѣтви человѣческихъ знаній, научныя дисциплины и жизненные цѣли. Но тамъ, гдѣ самый стволъ болѣетъ и слабъ, привитые ростки вянутъ и побѣги засыхаютъ».

Въ семейной жизни и семейномъ воспитаніи главное любовь, а въ любви выражается истинная человѣчность. «Въ своей чистотѣ семейная жизнь есть самое высокое, самое возвышенное, что только можно придумать для воспитанія нашего рода, и о чемъ можно только мечтать». Любящій не боится никакихъ усилій и трудовъ для любимаго, для него онъ старается быть лучше, любовь вызываетъ довѣріе, благодарность, бодрую дѣятельность. Сущность богопочтенія и нравственности

дается въ семьѣ отношеніемъ матери къ ребенку, любовь къ матери и послушаніе учать любви и послушанію Богу. Мать и творецъ, мать и хранитель сольются у ребенка въ одномъ чувствѣ и любить мать будетъ значить для дитяти любить Бога. (Взгляды и опыты. Письма IV, V и VIII).

Энтузіастъ Песталоцци, можетъ быть, преувеличивалъ значеніе семейной любви и семейнаго воспитанія въ развитіи человѣка, но одно несомнѣнно, что семейному воспитанію свойственны такія существенно важныя черты, которыя отсутствуютъ въ общественныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, а потому и замѣна семейнаго воспитанія общественнымъ, полная социализація семейнаго воспитанія и невозможна и нежелательна. Общественныя воспитательныя учрежденія могутъ и должны помогать семьѣ и семейному воспитанію, но не могутъ замѣнить его; у семейнаго воспитанія есть основы для выработки своей педагогической системы, есть незамѣнимыя преимущества, потерю которыхъ не можетъ вознаградить никакое, самое усовершенствованное, общественное воспитаніе. Что же касается недостатковъ семейнаго воспитанія, то они могутъ быть значительно смягчены серьезной разработкой вопросовъ семейнаго воспитанія. Нѣтъ сомнѣній, что педагогика несравненно больше занималась школьнымъ образованіемъ, чѣмъ семейнымъ воспитаніемъ; однихъ учебниковъ, методикъ и трактатовъ по изученію только латинскаго языка наберется гораздо больше, чѣмъ сочиненій по всему семейному воспитанію. Неудивительно поэтому, что оно и въ его теоретическомъ обоснованіи и въ его практической постановкѣ значительно запущено. Семейное воспитаніе можно, до извѣстной степени, назвать новооткрытою областью научной педагогики.

#### IV.

##### Организація семейнаго воспитанія.

Признавая семейное воспитаніе, по существу, незамѣнимымъ общественными учрежденіями, а лишь находящимъ помощь въ

послѣднихъ, педагогъ долженъ выяснитъ себѣ условія благопріятной обстановки (среды) семейнаго воспитанія, чтобы въ семьѣ правильно раскрывались и укрѣплялись все цѣнныя свойства дѣтской, природы.

Въ первые мѣсяцы жизни у дитяти преобладаетъ физическая сторона, оно много спитъ, быстро растетъ, душа его пробуждается лишь мало-по-малу. Поэтому и въ воспитаніи на первыхъ порахъ особенно важенъ физическій уходъ за дѣтей. Его постановка нынѣ въ достаточной мѣрѣ разработана и слѣдуетъ, по возможности, тщательно выполнять имѣющіяся указанія по этой сторонѣ воспитанія. Самое важное въ немъ: правильное питаніе, чистота воздуха и одежды, свобода движеній.

Естественная кормилица младенца, никѣмъ и ничѣмъ незамѣнимая, это родная мать, если она въ достаточной мѣрѣ здорова. Наемная кормилица есть уже суррогатъ, хотя и хорошій; искусственное вскармливаніе дѣло рискованное, его очень трудно провести безъ опасности болѣе или менѣе серьезныхъ угрозъ здоровью и правильному развитію младенца. Поэтому нужно постоянно настаивать на кормленіи младенца самой матерью.

Второе условіе, почти столь же важное, для правильнаго развитія дитяти—это чистота и свѣжесть воздуха, которымъ дышитъ ребенокъ, а вмѣстѣ чистота тѣла младенца, его одежды, дѣтской, всей обстановки. Богатая, но грязная среда, окружающая младенца, самый выдающійся признакъ малокультурности, образовательнаго убожества вообще и педагогическаго въ частности. Пыль на мебели, грязныя пеленки, спертый, непровѣтренный воздухъ—великій вредъ для младенца, источникъ болѣзней и дѣтскаго безсилія. Воздухъ—вторая пища младенца, стоящая на ряду съ материнскимъ молокомъ, а потому онъ и все вокругъ дитяти должно быть чисто.

Третье существенное условіе правильнаго физическаго роста дитяти—обиліе и свобода движеній. Все живое любитъ движенія и развивается только посредствомъ нихъ. Поэтому ничто не должно препятствовать свободнымъ движеніямъ младенца,



ни свивальники, ни узкія одежды, ни какія-либо другія мѣропріятія, въ родѣ постоянного ношенія младенцевъ на рукахъ. Самое лучшее оставлять младенца лежать и барахтаться на полной свободѣ въ одной рубашонкѣ.

Результатомъ выполненія указанныхъ трехъ условій благоприятной обстановки младенца, въ соединеніи съ правильнымъ порядкомъ его жизни вообще, т.-е. съ правильнымъ, въ опредѣленные часы, кормленіемъ, съ прогулками по комнатамъ и на свѣжемъ воздухѣ, достаточнымъ сномъ и притомъ во-время, будетъ жизнерадостное, веселое настроеніе младенца, его спокойный характеръ, его интересъ къ окружающимъ предметамъ, его довольство. Душа его будетъ раскрываться, какъ почка въ благоприятную весну. Дитя, такъ воспитываемое, будетъ мало докучать взрослымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ младенцѣ будетъ закладываться фундаментъ будущаго ровнаго, спокойнаго и дѣятельнаго человѣка.

Въ первый же годъ жизни проявляются у насъ довольно разнообразныя чувствованія и начинается нравственное воспитаніе. Малаго младенца невозможно учить самообладанію прямо, но косвенно можно. Этотъ косвенный путь къ самообладанію заключается въ возможно быстромъ успокоеніи младенца, въ случаяхъ раздраженія, отвлеченіемъ его вниманія съ предмета даннаго чувства на другіе. Дитя расплакалось, впало въ сильный гнѣвъ, испугалось — средство къ его успокоенію одно и то же во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: показать ему новый интересный предметъ, пропѣть или сыграть что-либо на рояли, поднести къ окну, посадить на мягкую вещь и т. п. Нужно дать ему новыя впечатлѣнія, новые толчки его нервной системѣ, которые приковали бы къ себѣ вниманіе дитяти и заставили забыть предметъ огорченія или гнѣва. А успокоеніе дитяти необходимо: длительныя сильныя грустныя чувствованія, и даже веселыя, вредны, держатъ дитя въ очень напряженномъ состояніи, истощая нервную систему. Ровное свѣтлое настроеніе, безъ сильныхъ размаховъ въ сторону печали и радости, самое полезное и для тѣлеснаго и для духовнаго здоровья дитяти. Постоянныя противодѣйствія сильнымъ аффек-

тамъ дитяти, стараніе вернуть его къ обычному ровному настроенію, удовольствіе взрослыхъ при видѣ, что налетѣвшая на дитя буря миновала, дадутъ соотвѣтственный осадокъ въ сознаніи, дитяти, укрѣпятъ его въ мысли о неудобствахъ сильно и долго гнѣваться, долго плакать, неистово радоваться; такая практика помаленьку разъяснитъ дитяти, что оно, дитя, гораздо милѣе взрослымъ, когда оно весело и довольно, чѣмъ когда сердится или плачетъ. Такое сознаніе есть побудитель къ сдержкѣ, къ самообладанію, — вѣдь дѣти такъ дорожатъ одобреніемъ и любовью матери и всѣхъ близкихъ, а развитіе самообладанія есть одна изъ самыхъ важныхъ задачъ нравственнаго воспитанія.

Такимъ образомъ родители незамѣтно вступятъ на путь нравственнаго развитія своего дитяти, который и будетъ проходить дальше одновременно и совмѣстно съ физическимъ воспитаніемъ. На этомъ продолжительномъ и тернистомъ пути правильнаго развитія дитяти одно изъ самыхъ важныхъ средствъ—отсутствіе дурныхъ примѣровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе вліятельное поученіе есть поученіе не словомъ, а дѣломъ. Слова часто отскакиваютъ отъ дѣтей, какъ отъ стѣны горохъ, а дѣйствіе заражаетъ невольно. Всѣ дѣйствія заразительны, вплоть до самоубійства и его способа, поэтому самое дѣйственное воспитаніе всегда было и есть дѣйствіемъ, примѣромъ. Педагогъ-теоретикъ и поклонникъ полной разумности во всемъ ходѣ педагогическаго процесса останется недоволенъ такимъ вліаніемъ примѣра, такую серьезностью роли подражанія въ воспитаніи, онъ потребуетъ, если не всецѣлаго искорененія, то возможно сильнаго уменьшенія подражательности и расширенія сферы разума и его органа—слова. Но педагогъ-практикъ и реалистъ не можетъ внять подобнымъ требованіямъ, потому что подражательность необходимый и видный дѣятель въ дѣтской природѣ, его не только что искоренить нельзя, но и ограничить сколько-нибудь существенно очень трудно. Притомъ постоянное выдвиганіе на первый планъ сознательности и требованіе разумности въ дѣйствіяхъ непосильно дѣтямъ, есть выраженіе неуваженія къ данному со-

стоянію дитяти, стремленіе во чтобы то ни стало привить ему свойства позднѣйшихъ возрастовъ. А такое воспитаніе вполнѣ искусственно и вредно, о полной несостоятельности такого воспитанія у насъ уже была рѣчь (см. гл. 11). Требованіе сознательности и разумности въ дѣйствіяхъ, опережающихъ возрастъ, грозитъ опасностью воспитанія сухихъ, отчаянныхъ резонеровъ, маленькихъ старичковъ, которые ухитрились состариться, не будучи дѣтьми. Лучше позволимъ природѣ развиваться по ея законамъ, не торопя ее, не предписывая ей ускореннаго движенія по нашимъ желаніямъ. Разумность, цѣлесообразность, нравственная красота дѣйствій, конечно, въ высокой степени желательны всюду, а также и у дѣтей, но достигать этой цѣли нужно путями именно разумными, требуя разумности и цѣлесообразности отъ тѣхъ, которые ее могутъ и должны дать, а не отъ тѣхъ, кто ею не владѣетъ, т. е. разумности и цѣлесообразности дѣйствій нужно требовать отъ окружающихъ дитя взрослыхъ, а не отъ дитяти. Разумность и цѣлесообразность дѣйствій дитяти на первыхъ порахъ можетъ быть только отраженной, т. е. заимствованной отъ взрослыхъ, подражательной.

На основаніи изложенныхъ соображеній слѣдуетъ заключить, что основы первоначальнаго нравственнаго воспитанія ребенка суть отсутствіе дурныхъ примѣровъ въ окружающей средѣ и обиліе хорошихъ образцовъ для подражанія во всѣхъ отношеніяхъ. Однакоже важна и положительная и отрицательная сторона, и отсутствіе дурныхъ примѣровъ и наличность хорошихъ образцовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ практической трудностью—требованіемъ отъ родителей и всѣхъ окружающихъ дитя взрослыхъ, чтобы они не только не были бы дурны, но, наоборотъ, были бы нравственно хороши. А такъ какъ нравственная чистота и красота встрѣчаются рѣже, чѣмъ противоположныя свойства, то отъ многихъ взрослыхъ, во имя правильнаго воспитанія дѣтей, придется требовать перевоспитанія, борьбы съ своими недостатками и дурными привычками, работы надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Взрослымъ же переучиваться и перевоспитываться трудно, многіе от-

кажутся. Какъ же быть съ воспитаніемъ дѣтей? Придется ихъ или воспитывать въ неподходящей педагогической средѣ семьи, словами учить одному—хорошему, а поступками другому—худому, или же отдать на воспитаніе въ какое-либо общественное учрежденіе, въ которомъ дѣйствуютъ люди, не представляющіе образцовъ противорѣчія между словами и дѣлами. Такимъ образомъ трудность 'надлежащаго нравственнаго воспитанія въ семьѣ влечетъ нерѣдко признаніе на практикѣ необходимости социализаціи семейнаго воспитанія.

Съ возрастомъ все больше и больше будетъ сказываться у дитяти запросъ на умственно-эстетическія впечатлѣнія. Прежде всего, здѣсь важны обиліе и разнообразіе впечатлѣній, впечатлѣній естественныхъ и не особенно сильныхъ, не пугающихъ, для правильнаго развитія всѣхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Послѣднія имѣютъ опредѣленные локализованные центры въ головномъ мозгу, но эти центры при рожденіи дитяти бываютъ еще недостаточно развитыми. Они развиваются подъ влияніемъ возбужденій отъ внѣ и ассоціонной дѣятельности другъ съ другомъ, развиваются довольно медленно. Обиліе и разнообразіе впечатлѣній, доступность всѣхъ окружающихъ предметовъ дитяти, возможность все внимательно рассмотреть, потрогать, веѣмъ постучать, взять въ ротъ—существенныя условія развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ. Поэтому въ дѣтской не должно быть предметовъ, которыхъ нельзя было бы трогать, близко разглядывать и т. п. Возникаетъ вопросъ, гдѣ дѣтямъ лучше расти и развиваться—въ деревнѣ или городѣ? Непосредственное обращеніе дѣтей съ землей, съ водой, съ растеніями, съ животными есть существенная потребность дѣтства и вмѣстѣ существенное условіе правильнаго развитія дитяти. Ребенокъ, родившійся и выросшій въ большомъ городѣ, не есть естественное существо, это есть искусственное, по крайней мѣрѣ на половину, созданіе. Представьте, что дитя родилось на пятомъ этажѣ, въ томъ же этажѣ растеть. Оно нисходитъ на землю только изрѣдка и, нисходя, никогда не увидитъ настоящей земли, а улицы и площади, замощенныя камнемъ, торцомъ, асфальтомъ, плитные каменные тротуары, масеу ка-

менныхъ ящиковъ, вмѣсто деревьевъ, луговъ, полей. Первый человѣкъ, который его постоянно встрѣчаетъ и провожаетъ, а потому очень прочно отпечатлѣвается въ его памяти, есть домовый швейцаръ или дворникъ и рядъ сосѣднихъ швейцаровъ и дворниковъ, стоящихъ у подъѣздовъ или въ воротахъ домовъ. Ни восхода, ни заката солнца дитя не видитъ, а нерѣдко ему не хватаетъ и просто свѣта. Оно живетъ между небомъ и землей, въ пятомъ этажѣ, слыша непрерывный городской гулъ, и можетъ считаться столько же гражданиномъ неба, сколько и земли, но собственно дитя не знаетъ ни неба, ни земли, а виситъ въ воздухѣ, нисходя иногда на землю. Оно растетъ среди искусственной обстановки, окружено суррогатами: вмѣсто луговыхъ цвѣтовъ и лѣсовъ—горшокъ съ цвѣтами на окнѣ, вмѣсто вольныхъ животныхъ—домовыя мыши и кошка, вмѣсто сіянія солнца—косые рѣдкіе лучи, падающіе въ окна, вмѣсто природнаго приволья и шири—узкія каменные улицы и такія же площади. Стэнли Холль разспрашивалъ цѣлый рядъ городскихъ дѣтей, имѣвшихъ отъ роду около шести лѣтъ, о самыхъ обыденныхъ предметахъ, о которыхъ говорится обыкновенно въ учебникахъ младшихъ классовъ школъ. Изъ его разспросовъ оказалось слѣдующее: 14% подвергнутыхъ изслѣдованію дѣтей никогда не видѣли звѣздъ и не имѣли о нихъ никакого представленія; 35% никогда не были въ деревнѣ; 20% не знали, что молоко получается отъ коровъ; отъ 13 до 15% не умѣли назвать зеленаго, голубого и желтаго цвѣтовъ; 47% никогда не видѣли свиньи; 60% никогда не видѣли дрозда; отъ 13 до 18% не знали, гдѣ ихъ щека, лобъ и горло. Еще меньшее число знало, что такое локоть, кисть руки и ребра. Болѣе трехъ четвертей никогда не видали, какъ растетъ какой-нибудь изъ самыхъ распространенныхъ злаковъ или овощей; 18% думали, что корова въ натурѣ не больше, чѣмъ на картинкѣ. А между тѣмъ каждое дитя есть песчинка той громадной среды, которая называется вселенной, и съ которой человѣкъ волей-неволей живетъ душа въ душу. Законы міровой жизни вполне тяготеютъ надъ человѣкомъ и неизмѣнно

опредѣляютъ все его развитіе. Поэтому правильное, чуждое искусственности, первоначальное воспитаніе человѣка можетъ совершаться только *при непосредственномъ общеніи съ природой.*

Дѣти должны рано и на долгое время окунуться въ природу, впитать въ себя ея впечатлѣнія, пережить тѣ мысли и чувствованія, которыя она возбуждаетъ въ каждой живой душѣ. Дѣтямъ непремѣнно самимъ нужно мерзнуть зимой, играть въ снѣжки, кататься на санкахъ, попадать руками въ снѣгъ, ясно понимать, какъ морозъ щиплетъ щеки и уши; имъ нужно насладиться прелестями лѣта, собирать грибы и ягоды, купаться, изныватьъ отъ жары, прятаться отъ нея въ тѣни лѣса, мокнуть подъ дождемъ, шлепать по грязи, имъ нужно пережить всѣ свойства времянь года, ихъ пріятныя и непріятныя стороны, самимъ видѣть всѣ сельскія работы на полѣ, на лугу, на току, на мельницѣ, деревенскіе праздники, деревенскую жизнь, столь близкую къ природѣ, такъ тѣсно къ ней примыкающую; дѣтямъ самимъ нужно видѣть восходъ и закатъ солнца, звѣзды, луну, словомъ, нужно сжиться съ природой въ ея разнообразныхъ явленіяхъ, самимъ наблюдать и объяснять природу. Только при этомъ условіи правильно разовьются внѣшнія чувства дитяти, умъ напитается здоровыми, соотвѣтствующими возрасту впечатлѣніями, а сердце переживетъ простѣйшія человѣческія радости и печали. Было бы крайне печально, если бы дитя начало знакомиться съ природой въ паркахъ и зоологическихъ садахъ.

Городъ есть искусственная отгородка дѣтей отъ природы, и никакіе парки, никакіе зоологическіе сады не въ состояніи замѣнить дѣтямъ ширь, волю и простоту настоящей природы. Городская жизнь, съ превращеніемъ ночи во время бодрствованія и удовольствій, а значительной части дня во время сна, съ массой искусственныхъ и сильныхъ возбужденій отъ матеріальной культурной обстановки, сконцентрированной на небольшомъ пространствѣ, съ отсутствіемъ свѣта, воздуха, зелени, простора, такая жизнь представляетъ великое препятствіе въ дѣлѣ правильнаго развитія дѣтей. Города нужно пре-

доставите взрослымъ для ихъ собраній, съѣздовъ, театраль-ныхъ и иныхъ зрѣлищъ, ученыхъ работъ, торговли и пр., а дѣтей нужно вести на луга, въ поля, въ лѣса, словомъ, въ природу. Деревенскій человѣкъ—обыкновенно, человѣкъ спокойный, уравновѣшенный, умѣющій и наслаждаться и, особенно, терпѣть и страдать. Деревенскій людъ—это запасъ страны, источникъ ея силы и обновленія; города высасываютъ соки изъ деревни, портятъ и развращаютъ, вмѣстѣ съ фабриками и заводами, деревенскій людъ; они хотя и создаютъ такъ называемую культуру, но по своему существу представляютъ чрезвычайно много серьезныхъ неудобствъ для правильного развитія человѣческой жизни. Городскіе люди все какіе-то взбудораженные, недовольные, нервныя, за чѣмъ-то вѣчно гонятся, соперничаютъ, враждуютъ изъ за ничтожныхъ мелочей и сходятъ въ могилу съ глубокимъ удивленіемъ предъ пустяками, наполнявшими ихъ жизнь. Общеніе съ природой ставитъ человѣка на надлежащее мѣсто—песчинки вселенной, учитъ спокойному подчиненію законамъ природы, вливаетъ мужество при страданіи и смерти. Человѣкъ, выросшій корнями въ землю, не стремится къ несбыточнымъ мечтамъ и ничего не боится. Конечно, при настоящемъ положеніи культуры и общественной жизни масса дѣтей обречена расти и развиваться въ городской обстановкѣ. Поэтому необходимо притти на помощь городскимъ дѣтямъ и хотя бы въ слабой степени замѣнять для нихъ жизнь въ природѣ лѣтними прогулками, экскурсіями, дачами, городскими парками и зоологическими садами, комнатными аквариумами, террариумами и т. п.

Если въ городахъ бываетъ большой недостатокъ по части впечатлѣній природы, то города зато располагаютъ многими искусственными средствами воспитанія, особенно по части эстетическаго развитія дѣтей. У городскихъ дѣтей обыкновенно бываетъ много игрушекъ, картинокъ и книгъ съ картинками, они занимаются и лѣпкой, и рисованіемъ, и пѣніемъ, и музыкой, къ ихъ услугамъ разные музеи, выставки, дѣтскіе театры и спектакли и т. п., словомъ, масса пособій и развлеченій, которыхъ бываютъ лишены дѣти сель и деревень. У городскихъ

дѣтей есть много наглядныхъ воспріятій, но совершенно своеобразныхъ, воспріятій сложныхъ техническихъ предметовъ, машинъ и разныхъ предметовъ культурной обстановки, въ изобиліи выставленныхъ въ магазинахъ и отчасти вошедшихъ въ употребленіе въ повседневномъ городскомъ обиходѣ. Къ нимъ невольно привлекается вниманіе дѣтей, вниманіе, конечно, очень бѣглое и поверхностное, такъ какъ масса наблюдаемыхъ дѣтьми предметовъ выше ихъ пониманія. У городскихъ дѣтей быстрѣе развивается рѣчь, чѣмъ у деревенскихъ дѣтей, но городскія дѣти болѣе деревенскихъ бываютъ склонны къ пустой болтовнѣ, къ бессодержательной игрѣ словами, къ вербализму. Да и вообще педагогическая цѣнность всѣхъ городскихъ преимуществъ—музеевъ, театровъ и всякихъ развлеченій будетъ зависѣть отъ того, насколько дѣти, пользуясь ими, проявятъ собственную дѣятельность, будутъ активными существами. Если всѣ поименованныя орудія эстетическаго воспитанія превратятся въ простые средства доставленія дѣтямъ удовольствій, дѣти для полученія и при полученіи удовольствій ничего сами дѣлать не будутъ, все имъ будетъ сдѣлано и доставлено, тогда педагогическая цѣнность городской культуры для умственно-эстетическаго развитія дѣтей будетъ невелика, она будетъ тогда орудіемъ удовольствія, но не орудіемъ развитія; если же всѣ поименованныя средства тѣми или другими сторонами будутъ пробуждать дѣтскую самодѣятельность, то, служа развлеченіемъ дѣтей, они будутъ также служить и ихъ умственно-эстетическому образованію и развитію <sup>1)</sup>.

Человѣкъ, составляя въ органическомъ отношеніи самостоятельное и обособленное цѣлое, проявляетъ и развиваетъ свои органически-индивидуальныя свойства лишь въ связи *со обществомъ и внѣшней природой*—двумя великими средами, въ которыхъ онъ живетъ. Поэтому правильное, вполнѣ естествен-

<sup>1)</sup> О вліяніи города на развитіе дѣтей есть недурная статья Max Lergiebel *Der Einfluss des Gross stadtmilieus auf das Schulkind* въ *Zeitschrift für Pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik*. 13 Jahrg. Heft. 6. См. также выпускъ III Энцикл. семейн. восп. и обуч. И. О. Фесенко, *Городъ и деревня въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей*.



ное воспитаніе чловѣка, чуждое искусственности, возможно только въ связи съ жизнью внѣшней природы и дѣятельностью общества.

Правильное воспитаніе непремѣнно должно быть общественнымъ воспитаніемъ. Дитя должно расти и развиваться среди сверстниковъ. Одиночкой растущій ребенокъ, т.-е. ребенокъ, вырастающій среди взрослыхъ безъ товарищей, несчастный ребенокъ, это рыба, вытщенная изъ воды и помѣщенная въ другую жидкость, можетъ быть, и очень возбуждающую, но не свойственную данному организму. Непрерывное исключительное общеніе дитяти лишь съ старшими возрастами вредно для него. Старшіе возрасты имѣютъ свои особенные интересы, несвойственные дѣтству, мысли и чувства взрослыхъ во многомъ неясны дѣтямъ. Взрослые обыкновенно и не умѣютъ обращаться съ дѣтьми: то слишкомъ много и часто поучаютъ ихъ, запрещаютъ, не даютъ шагу свободно ступить; то слишкомъ много ласкаютъ и цѣлуютъ, чрезмерно нѣжатъ и балуютъ; то задавливаютъ ихъ массой разнообразныхъ впечатлѣній; то слишкомъ суживаютъ дѣтскій горизонтъ. Взрослый въ обращеніи съ дитяти, по необходимости, постоянно приспосабливается, старается быть понятнымъ, всегда разумнымъ, знающимъ, добродѣтельнымъ; только въ обществѣ равныхъ взрослыхъ людей онъ чувствуетъ себя совершенно свободно. Дитя въ обществѣ взрослого также чувствуетъ себя не вполне хорошо, постоянно усиливаясь понять взрослого, подняться до него; оно вынуждено, въ свою очередь, взбираться на ходули и на нихъ ходить, чтобы быть на одномъ уровнѣ съ взрослымъ. Дитяти вполне хорошо и свободно только съ дѣтьми. Взрослый съ дѣтьми искусственно принижается и вынужденъ постоянно быть насторожѣ; дитя со взрослыми искусственно вытягивается и напрягается въ пониманіи ему неяснаго. Оставимъ каждаго его естественному обществу: взрослому—взрослыхъ, дитя—дѣтей, иначе мы рискуемъ внести много ложнаго въ жизнь взрослого и дитяти. Дѣти учатся другъ отъ друга совершенно незамѣтно весьма многому, и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и это дѣтское взаимное

обученіе не можетъ быть замѣнено никакими, даже самыми мудрыми, уроками взрослыхъ. Дѣтямъ со взрослыми будетъ постоянно недоставать полной ясности взаимнаго пониманія, а потому нѣкоторыя стороны дѣтства взрослыми даже и не могутъ быть затронуты. Пусть дѣти сами играютъ, по возможности, сами учатся, сами себѣ помогаютъ, сами устроятся какъ знаютъ, конечно, при необходимой помощи и общемъ руководствѣ взрослыхъ. Мы такъ мало умѣемъ дѣйствовать сообща, вести совмѣстно дѣла, такъ мало развиты въ насъ инстинкты общественной дѣятельности, мы такъ легко расходимся, бросаемъ при первой затрудняющей насъ случайности общее дѣло, что въ своихъ дѣтяхъ должны позаботиться о развитіи и укрѣпленіи противоположнаго качества. Славянская разнь—дѣло извѣстное; неумѣнье помочь себѣ, постоять за себя, вести общепольное предпріятіе—также нашъ извѣстный недостатокъ. Будемъ же съ самаго начала воспитывать общественность въ дѣтяхъ, развивать и укрѣплять способность самопомощи какъ личной, такъ и общественной. Настоящій человекъ тотъ, кто самъ силенъ, увѣренъ, мужествененъ, и кто проявляетъ эти же свойства въ совмѣстной работѣ съ своими ближними по общепольному дѣлу.

Такъ какъ воспитаніе въ дѣтяхъ общественнаго духа есть дѣло чрезвычайной важности, то мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на развитіи этой стороны первоначальнаго воспитанія дѣтей.

Одна изъ формъ человѣческихъ отношеній есть государство. Значеніе государственной формы жизни для развитія и успѣховъ человечества велико и благотѣльно; но одна эта форма людскихъ отношеній не можетъ создать человѣческаго благополучія. Въ государствѣ отдѣльная личность тонетъ, государство преслѣдуетъ такіе общіе, широкіе, безличныя интересы, при которыхъ не можетъ обращать вниманіе на отдѣльныхъ личностей: онѣ должны служить государственнымъ интересамъ, приносить себя въ жертву. Государство не содѣйствуетъ развитію личности, такъ какъ разсматриваетъ индивидуумовъ, какъ простой строительный социальный матеріалъ.

На ряду съ государственными интересами постоянно идутъ личные. Личность не можетъ превратиться всецѣло въ члена государства, жить одними его интересами и заботами: у нея есть свои заботы и интересы, которые нерѣдко не совпадаютъ съ государственными. Возникаетъ борьба между личными и государственными интересами, обходъ интересовъ государства, перевѣсъ личнаго интереса надъ государственнымъ. Личность никакъ не можетъ утвердиться въ правильныхъ отношеніяхъ къ государству,—и свои интересы соблюсти и добродѣтель свою къ государству сохранить; она видитъ постоянно необходимость жертвовать либо собой, либо государствомъ. Жертвовать собой слишкомъ уже добродѣтельно, жертвовать государствомъ слишкомъ уже своекорыстно.

По срединѣ между интересами личными и государственными стоятъ интересы общественные. Они не такъ широки, какъ государственные интересы, и не такъ узки, какъ личные. Они вырываютъ личность изъ круга ея маленькихъ и тѣсненькихъ интересовъ и вводятъ въ широкое море разнообразной совмѣстной дѣятельности; они составляютъ естественный переходъ отъ личныхъ интересовъ къ государственнымъ.

Государственные интересы, какъ самые общіе, не слѣдуетъ считать, въ силу этого, самыми высокими и важными въ человѣческой жизни. Государственные интересы отличаются въ значительной степени матеріальнымъ и формальнымъ характеромъ, ихъ предметъ очень часто составляютъ внѣшнее благосостояніе и матеріальная обеспеченность людскихъ массъ. Это, конечно, также высокія задачи, но общественные интересы тѣмъ важны, что они представляютъ сочетаніе личнаго начала съ общимъ; они даютъ возможность удовлетворенія личныхъ вкусовъ, взглядовъ и потребностей въ связи съ интересами другихъ. Поэтому общественные интересы ближе отдѣльнымъ людямъ, понятнѣе для нихъ, больше говорятъ ихъ сердцу и уму, чѣмъ государственные. Общественные интересы—источникъ живой дѣятельности, одушевленія, личнаго почина. При однихъ только государственныхъ интересахъ люди живутъ вяло, скучно, государственный режимъ слишкомъ однообразенъ

и прямолинеенъ; противовѣсъ имъ составляютъ разнообразные и живые общественные интересы. Полною жизнью человѣкъ живетъ только въ томъ случаѣ, когда онъ есть дѣятельный членъ и государства и общества.

Едва ли нужно настаивать на той мысли, что мы очень много живемъ личными интересами, гораздо меньше государственнымими и очень мало общественными, и что оттого наша жизнь такъ безцвѣтна, скудна, мы часто никакъ не можемъ уловить смысла жизни, даже не находимъ вкуса въ ней, стремимся къ небытію. Кромѣ безцвѣтности жизни, существенный недостатокъ отсутствія общественныхъ интересовъ есть отрицательный характеръ нравственности. Государство запрещаетъ преступленія и караетъ за нихъ, но не награждаетъ за добродѣтель. Кто не совершилъ преступленій и отбылъ государственныя повинности, тотъ чистъ предъ государствомъ и съ государственной точки зрѣнія добродѣтеленъ. Но въ то же время онъ можетъ быть весьма вреднымъ членомъ общества, дѣйствующимъ пагубно на всѣ общественныя отношенія. У человѣка безъ общественныхъ интересовъ нѣтъ близкихъ его сердцу, разумныхъ и достаточно широкихъ, руководительныхъ началъ въ дѣятельности, помимо эгоистическихъ, такъ какъ государственныя начала въ значительной степени отрицательны и для большинства недостаточно ясны и вразумительны.

Не слѣдуетъ отождествлять общественные интересы съ чисто нравственными. Общественные интересы могутъ быть разнаго достоинства: они могутъ быть и нравственными, такъ какъ нравственныя заповѣди суть санкція извѣстныхъ общественныхъ отношеній; они могутъ быть безразличными для нравственной области, касаясь предметовъ науки, искусства, торговли и разныхъ другихъ сторонъ человѣческой жизни; они могутъ противорѣчить нравственности, какъ скоро имѣютъ предметомъ благоденствіе сословія или партіи на счетъ другихъ сословія и партій. Въ настоящемъ случаѣ общественность важна для насъ во всѣхъ перечисленныхъ видахъ, какъ дающая возможность развивать личную инициативу, личную

выдержку въ связи съ интересами другихъ и совместно съ ихъ дѣятельностью.

Какъ скоро рѣчь идетъ объ общественности въ широкомъ смыслѣ слова, то сейчасъ же припоминается извѣстное изреченіе Аристотеля, что человѣкъ есть общественное животное. По силѣ этого изреченія, хлопотать особенно о развитіи въ человѣкѣ общественности нѣтъ нужды, такъ какъ послѣдняя заключена въ самой природѣ человѣка, составляетъ одно изъ существенныхъ ея свойствъ. Не нужно только препятствовать обнаруженію этого врожденнаго свойства, а развиваться оно будетъ само. Такова природа человѣка.

Мы не можемъ согласиться съ изложеннымъ мнѣніемъ. Природа человѣка гораздо болѣе эгоистична, чѣмъ общественна, общественныя начала человѣческой природы очень слабы сравнительно съ эгоистическими. У человѣка по природѣ есть масса потребностей, которыя онъ можетъ удовлетворять только при помощи другихъ людей, вмѣстѣ съ ними. Но эти потребности еще не создаютъ широкой общественности, и при нихъ человѣкъ долгое время склоненъ къ уединенной, обособленной жизни. Повидимому, естественныя потребности должны бы очень рано и крѣпко сдружить и сплотить лицъ различнаго пола въ ту ячейку, которая называется семьей. На самомъ же дѣлѣ было не такъ: семьи долгое время не существовало, а фیزیологическая связь между полами отличалась кратковременностію. Проходило время страстныхъ порывовъ и человѣкъ бродилъ одиноко, подозрительно смотря при встрѣчахъ на своихъ случайныхъ сотоварищей.

Первоначальная обособленность постепенно преодолевается и человѣкъ достигаетъ фазы семейной жизни. Теперь является новый видъ обособленности—семейной. Семья составляетъ весь міръ для человѣка: его интересы строго семейные, его боги—семейные, его имущество—только семейное, его языкъ носить особый семейный отпечатокъ. Кромѣ семьи онъ не хочетъ никого знать, за предѣлами семьи начинаются враги. Все его государство, весь его міръ—семья. Отдѣльныя семьи еще не сплотились въ болѣе широкій союзъ.

Постепенно побѣждается семейный эгоизмъ, семьи сплачиваются, образуются роды, племена. Тогда является племенной эгоизмъ, — одно племя въ другомъ видитъ врага: доріецъ въ іонійцѣ, римляне въ этрускахъ. Сплотятся племена — враждуютъ народы. Чужіе, даже сосѣдніе, народы — варвары для грека, враги для римлянъ, соперники, постоянно кующіе ковы, — для европейца. И нынѣ нѣмецъ косо смотритъ на француза, французъ на нѣмца, германецъ на славянина и т. д. Широкая общественность, доходящая до человѣчности, находится нынѣ еще въ весьма несовершенномъ состояніи, такъ какъ не только внѣ, въ отношеніяхъ народности къ народности, но и внутри каждой народности существуютъ многія противоположенныя стремленія и теченія, если понимать общественность въ гуманномъ широкомъ смыслѣ.

Если наблюдать дѣтей, то можно замѣтить, что первые годы они живутъ довольно замкнуто и въ обществѣ не нуждаются. Они любятъ, чтобы кто-нибудь былъ около нихъ, принималъ участіе въ ихъ играхъ и забавахъ; но чтобы это было такое же дитя, какъ они сами, въ этомъ нѣтъ нужды. Товарищей въ игрѣ имъ не нужно, имъ нужно лишь, чтобы кто-нибудь ихъ развлекалъ и занималъ. Потребность въ обществѣ сверстниковъ появляется позже, лѣтъ въ 5—6; тогда дѣти прямо наслаждаются товариществомъ. Но и это наслажденіе строго эгоистическое: дитя любитъ товарищество ради тѣхъ игръ, которыя затѣваются сообща, ради удовольствій, извлекаемыхъ изъ общей игры, но не ради самихъ товарищей. Оно спокойно съ ними разстается, легко мѣняетъ однихъ на другихъ, лѣтнихъ на зимнихъ, школьныхъ сотоварищей на простыхъ знакомыхъ, и никакихъ особенныхъ страданій отъ этого не испытываетъ. Очевидно, что товарищество есть средство полученія нѣкотораго удовольствія, но самые товарищи имѣютъ еще мало значенія.

Между тѣмъ для развитія общественности необходимо, чтобы дѣти цѣнили не только удовольствіе, извлекаемое изъ товарищества, но и самыхъ товарищей, входили въ ихъ положеніе, интересовались ихъ горемъ и радостью. Къ достиженію

такой цѣли и должно быть направлено, между прочимъ, воспитаніе.

Первое условіе для развитія общественности въ дѣтяхъ состоитъ въ томъ, чтобы дитя, почувствовавъ потребность въ обществѣ сверстниковъ, постоянно имѣло возможность пользоваться имъ. Дитя, растущее среди взрослыхъ и рѣдко пользующееся обществомъ дѣтей, лишено весьма существеннаго условія для правильнаго развитія. Стремленіе къ обществу товарищей имѣетъ у дѣтей, какъ выше замѣчено, эгоистическій характеръ; но оно важно тѣмъ, что вводитъ дитя въ общество, втягиваетъ помаленьку въ интересы другихъ, научаетъ дѣйствовать сообща. Первоначальный безпредѣльный дѣтскій эгоизмъ нѣсколько ослабляется отъ столкновенія съ такими же эгоизмами, умѣряется, въ сознаніе дитяти закрадывается мысль, что не всѣ и не все на свѣтѣ должно служить его удовольствію, что есть многія другія существа, имѣющія тѣ же притязанія и тѣ же права, что и оно.

Чтобы изъ товарищества дитя извлекло всю возможную пользу для развитія общественности, для этого оно должно располагать *полною свободою въ выборѣ друзей и пріятелей*, ближайшихъ участниковъ игръ. Очень часто родители, по своимъ высшимъ и непонятнымъ для дѣтей соображеніямъ, а не въ интересахъ своихъ сыновей и дочерей, навязываютъ имъ товарищей, побуждаютъ дружиться съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, между тѣмъ какъ къ указываемымъ личностямъ дитя влеченія не имѣетъ; съ другой стороны, дѣтскія симпатіи направляются на такого-то товарища, а родители стараются разстроить начинающуюся дружбу, считая избранное лицо неподходящимъ къ ихъ сыну или дочери. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ развитія общественнаго чувства, въ сознаніе дитяти закрадывается фальшь, дитя испытываетъ принужденіе и вся область общественныхъ отношеній представляется ему чѣмъ-то скучнымъ и нежелательнымъ. Лучше уже оставаться одному, чѣмъ играть и проводить время въ обществѣ такого товарища, который не нравится.

Если товарищъ избранъ свободно и по сердцу, то обыкновенно

венно пріатели предпринимають сообща многое: вмѣстѣ занимаются или только помогаютъ другъ другу, вмѣстѣ гуляютъ, играютъ, собираются что-либо устроить и т. п. Въ этихъ дѣтскихъ дѣлахъ дѣтямъ не только не нужно препятствовать, но, напротивъ, помогать, поощрять ихъ строго выполнять данныя обѣщанія, совмѣстныя работы. Въ такихъ совмѣстныхъ работахъ, заключается начало настоящей общественной дѣятельности, такъ какъ онѣ предпринимаются и выполняются свободно, по собственному почину, каждый участникъ въ работѣ старается примѣниться къ товарищу, работать съ нимъ дружно, такъ, чтобы общее дѣло было результатомъ равной, по возможности, дѣятельности обоихъ. Совмѣстная работа создаетъ убѣжденіе, что сообща работается легче и веселѣе; если встрѣчается препятствіе, его легче устранить; если дѣло кончается удачей, радость бываетъ сильнѣе и живѣе; если оказалась неудача, то не бѣда, дѣло можно передѣлать и дружными общими усиліями привести его къ благополучному концу.

Въ высшей степени было бы желательнo устройство между учащимися *союзовъ*, преслѣдующихъ различныя цѣли, каковы: изученіе иностраннаго языка, науки, искусства, мастерства, покровительство животнымъ, помощь бѣднымъ, большія прогулки пѣшкомъ, ѣзду на велосипедѣ и т. д. Каждый союзъ долженъ выработать главныя основы своей дѣятельности и каждый членъ союза обязанъ строго исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя обществомъ; иначе онъ подлежитъ исключенію изъ числа членовъ. Подобныхъ союзовъ между школьниками много въ Англіи, въ которой такъ высоко развита общественная самодѣятельность. Несомнѣнно, что такіе союзы прекрасно готовятъ къ общественной самодѣятельности въ жизни. Такъ какъ подобныя союзы дѣло вполне естественное, а не специальная принадлежность англичанъ, то они возникаютъ и у насъ, но, къ сожалѣнію, мало встрѣчаютъ поддержки въ родителяхъ и руководителяхъ школъ, а иногда рассматриваются даже, какъ неудобныя явленія, и преслѣдуются. Вслѣдствіе этого подобныя союзы вынуждены бывать скрываться и существуютъ въ формахъ неопредѣленныхъ,



всегда близкихъ къ распаденію. Едва ли нужно распростра-  
няться о томъ, что подобные союзы между дѣтьми явленіе  
вполнѣ нормальное, даже необходимое; для развитія же въ  
дѣтяхъ общественности трудно указать какое-либо другое  
средство, которое вѣрнѣе и быстрѣе приводило бы къ намѣ-  
ченной цѣли. А нужно замѣтить, что участіе въ подобныхъ  
союзахъ скрашиваетъ школьную жизнь, придаетъ ей содер-  
жаніе и интересъ и позднѣе служитъ матеріаломъ для благо-  
дарныхъ воспоминаній. Стоитъ только припомнить рассказы  
С. Т. Аксакова объ устройствѣ театра и собираніи коллекцій  
бабочекъ въ Казани и проф. Богданова о ловлѣ птицъ въ  
сибирскихъ садахъ. У cadaго найдутся пріятныя воспоми-  
нанія изъ періода ученія, относящіяся къ тому же предмету.

Естественнымъ союзомъ въ школахъ служатъ *классы*. У  
cadaго класса много общихъ интересовъ: уроки, учителя,  
частое обращеніе съ извѣстными товарищами, общій отдыхъ,  
общее помѣщеніе и пр. Всѣ эти общія условія жизни неиз-  
бѣжно сближаютъ и сдружаютъ одноклассниковъ, создаютъ  
одинаковые интересы, однѣ и тѣ же причины симпатій и  
антипатій. Въ силу такихъ особенныхъ интересовъ, каждый  
классъ представляетъ собою своеобразный собирательный инди-  
видуумъ, имѣющій свою духовную фізіономію, свои отличи-  
тельные свойства, выдѣляющія данный классъ изъ всѣхъ  
другихъ. Къ сожалѣнію, на развитіе этихъ естественныхъ  
школьныхъ союзовъ такъ же мало обращается вниманія руко-  
водителями школъ, какъ и на развитіе всѣхъ другихъ сою-  
зовъ между школьниками, вслѣдствіе чего школьные классы  
обыкновенно бываютъ все какіе-то сѣрые, однообразные, очень  
похожіе одинъ на другой. Рѣдко-рѣдко встрѣтится такой  
классъ, который имѣетъ совершенно опредѣленную фізіоно-  
мію. А, между тѣмъ, выработка своеобразной фізіономіи клас-  
сомъ возможна лишь при разносторонней и энергичной само-  
дѣятельности всѣхъ учащихся, наиболѣе же, конечно, его во-  
жаковъ. Классъ, имѣя свои интересы, долженъ отстаивать  
ихъ предъ другими классами и предъ начальствомъ школы,  
и энергическая самооборона класса должна быть причисляема

къ добродѣтелямъ класса, а не къ порокамъ, какъ то обыкновенно бываетъ <sup>1)</sup>).

При воспитаніи въ дѣтяхъ общественнаго духа, способности самимъ помогать себѣ и другимъ, неизбѣжно встрѣтятся одно существенное затрудненіе, именно отсутствіе желаемыхъ свойствъ въ старшихъ поколѣніяхъ. Какъ извѣстно, на весь ходъ развитія дитяти значительное вліяніе оказываетъ примѣръ старшихъ, складъ той общественной среды, въ которой дитя живетъ. Если старшія поколѣнія отъ головы до пятъ проникнуты эгоистическими интересами, если они постоянно говорятъ и думаютъ только о себѣ и о присныхъ, если къ общему благу они относятся какъ къ пустой фантазіи, которой не могутъ заниматься люди дѣла, то въ дѣтяхъ такихъ отцовъ трудно насаждать общественность. Почва окажется чрезвычайно неудобной для развитія способности общественнаго почина и настойчивости. А въ такомъ именно положеніи и находится русское общество въ значительной своей части. Меньшая часть общества, съ общественнымъ духомъ и общественными стремленіями, должна увлечь за собою большинство и въ себѣ самой поддерживать, развить и укрѣпить общественное самосознаніе.

Съ разсматриваемой точки зрѣнія — воспитанія въ дѣтяхъ общественности — весьма полезны семейные союзы съ цѣлью устройства общихъ игръ, прогулокъ, маленькихъ путешествій, совместнаго занятія дѣтьми нѣсколькихъ семействъ танцами, рисованіемъ, лѣпкой, языкомъ и т. п. Важно и посѣщеніе дѣтьми дѣтскихъ садовъ. Въ дѣтскомъ саду дѣти остаются три — четыре часа, такъ что связь ихъ съ семьей не только не разрушается, но и не ослабляется, дѣти много больше принадлежатъ семьѣ, чѣмъ дѣтскому саду. А между тѣмъ въ дѣтскомъ саду дѣти встрѣтятъ много товарищей и подругъ, вслѣдствіе чего дѣтская потребность въ обществѣ будетъ удо-

<sup>1)</sup> Больше подробно объ этомъ сказано нами въ LVI выпускѣ Энциклопедіи семейнаго воспитанія и обученія — Объ общественно-нравственномъ развитіи дѣтей.

влетворена сполна. Обиліе товарищей и разнообразіе занятій дѣтскаго сада сдѣлають часы пребыванія дѣтей въ дѣтскомъ саду очень пріятными, и, вволю наигравшись съ шумливыми товарищами, дѣти тѣмъ охотиѣ вернуться домой, къ тихой семейной обстановкѣ, съ ея своеобразнымъ уютомъ и удобствами. Поэтому въ интересахъ общественнаго развитія дѣтей, а равно и по многимъ другимъ педагогическимъ соображеніямъ, полезно рекомендовать родителямъ посылать своихъ дѣтей въ дѣтскіе сады.

Воспитаніе дѣтей лицомъ къ лицу съ природой и среди общества товарищей важно не только само по себѣ, но и потому еще, что оно постепенно подготовляетъ путь къ болѣе высокому состоянію развитія—религіозному общенію каждаго конечнаго существа съ безконечнымъ источникомъ міровой жизни. Сущность религіознаго настроенія заключается въ чувствованіи и постепенно все болѣе и болѣе выясняющемся сознаніи связи своей личности, своего бытія со всеѣмъ окружающимъ міромъ, съ его жизнью и порядкомъ, съ божественной силой, держащей всю вселенную. Совершенно безнадежное дѣло учить религіи того, въ комъ нѣтъ ни чувства, ни сознанія связи—а религія и есть именно связь—своей личной жизни съ міровой жизнью. Какъ можетъ понять Бога человѣкъ, воспитываемый обособленно, въ родѣ Эмиля Руссо, у котораго нѣтъ ни друзей, ни пріятелей, ни отца, ни матери, который вѣчно носится съ своимъ маленькимъ я, а потому воображаетъ себя центромъ вселенной? Что такое будетъ Богъ для него? Хозяинъ, а онъ его батракъ? Нѣжный или грозный покровитель, а онъ покровительствуемый? Или Богъ живетъ по ту сторону міра самъ по себѣ, а человѣкъ живетъ господиномъ самъ по себѣ, по сую сторону міра? Богъ предполагаетъ объединеніе и цѣлостность міровой жизни, нити всей вселенной сходятся въ Богѣ, Онъ есть первоисточникъ всего. Не почувствовавъ, не сознавъ своей связи съ міровымъ бытіемъ, какъ мы можемъ проникаться божественнымъ началомъ? Кто любитъ свою мать и своего отца, кто чувствуетъ себя безраздѣльнымъ съ родной семьей, съ род-

нымъ домомъ, тотъ учится, готовится любить и Бога. Кто любить своихъ товарищей и сверстниковъ, охотно играетъ и рѣзвится съ ними, кто безъ нихъ скучаетъ, чувствуетъ, что безъ нихъ жизнь неполна, невесела, тотъ проходитъ приготовительный классъ любви къ Богу. Кто дышитъ одною жизнью съ природой, кому дороги не только прекрасные, пышные цвѣты, но и каждая былинка въ полѣ, кто другъ и братъ животнымъ, тотъ любитъ Бога. Мать, говорилъ Песталоцци, сѣмъбеть показать ребенку Бога и въ восходящемъ солнцѣ, и въ бушующемъ потокѣ, и въ блескѣ цвѣтка, и въ блескѣ его собственныхъ глазъ. Всюду Богъ. Чувствованіе трепета личной жизни, какъ отраженія міровой, сознаніе себя ничтожной пылинкой, несущейся въ потокѣ мірового бытія и подчиненнаго всѣмъ его законамъ—въ этомъ основа и сущность религіознаго настроенія. Нѣтъ этого чувства и сознанія, не можетъ быть и религіи, а можетъ быть только фарисейство, грубый матеріализмъ и торгъ съ Богомъ, ты мнѣ дай то, а я тебѣ за это принесу такую-то жертву; можетъ быть не трепеть души предъ безконечнымъ міровымъ бытіемъ, а холодная бездушная молитва — просьба, выходящая изъ мертвыхъ устъ.

Что касается частной формы, какую можетъ принять это основное религіозное чувство міровой связи и зависимости личнаго бытія отъ законовъ вселенскаго существованія и первоисточника міровой жизни, то этотъ вопросъ имѣетъ уже меньшее значеніе по сравненію съ развитіемъ и укрѣпленіемъ основнаго настроенія, о которомъ мы говоримъ. Всего вѣроятнѣе этой формой будетъ принятое роднымъ, окружающимъ дитя, народомъ религіозное вѣрованіе, такъ какъ убережъ дитя отъ встрѣчъ съ проявленіями религіознаго чувства взрослыхъ нѣтъ никакой возможности, а разбираться въ различныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ дитя не въ состояніи. Дитя усвоитъ религіозное міровоззрѣніе окружающихъ его взрослыхъ лицъ, со всѣми его дивными сказаніями и обрядами. Никакихъ особенныхъ неудобствъ въ этомъ нѣтъ, такъ какъ съ позднѣйшимъ умственнымъ образованіемъ дитя будетъ развиваться

и въ религіозномъ отношеніи, будетъ по естественному порядку переходить на высшія ступени религіознаго сознанія. А усвоеніе народной религіи весьма важно для приобщенія личности къ народной душѣ, къ ея вѣрованіямъ и быту, иначе родной народъ покажется въ извѣстной мѣрѣ чужимъ. Важно лишь, чтобы никогда не упускалось изъ вида развитіе и укрѣпленіе связи личности съ всемірнымъ бытіемъ, зависимости отъ него; при наличности же этого чувства и настроенія можетъ быть сполна усвоено народное религіозное вѣроученіе, конечно, при полной терпимости и уваженіи ко всѣмъ другимъ народнымъ вѣрованіямъ, какъ столь же законнымъ и имѣющимъ тѣ же права, что и наше собственное <sup>1)</sup>). Религіозный фанатизмъ, виѣдреніе въ дѣтское сознаніе убѣжденія, что право вѣрую только я и мой родной народъ, отъ котораго я научился вѣрѣ, а всѣ другія личности и народности, вѣрующія не такъ, какъ я и мой родной народъ, вѣрують неправильно и за это попадутъ въ адъ, есть насиліе надъ душой дитяти, препятствованіе его свободному и правильному развитію.

Извѣстный американскій психологъ и педагогъ Стэнли Холль полагаетъ, что Библія представляетъ картину развитія человѣческой души настолько хорошо, что, будучи правильно понята, оставляетъ лучшихъ классиковъ другихъ народовъ далеко позади себя. «Ветхій Завѣтъ начинается съ сказанія о происхожденіи міра, переходитъ къ пастушескому быту Каина и Авеля, къ героическому періоду Авраама, Исаака, Иакова, Моисея и Иисуса Навина, къ царству Саула, Давида и Соломона; къ эпохѣ законности и справедливости, столь привлекательной для мальчиковъ, къ появленію пророковъ и т. д. Все это объективно, смѣло, полно драматическихъ событій, сраженій и со множествомъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь есть страхъ, гнѣвъ, ревность, ненависть, но не любовь, и все это рисуетъ намъ возрастъ дисциплины и авторитета. Затѣмъ слѣдуютъ юношескій Новый Завѣтъ съ его альтруисти-

---

<sup>1)</sup> См. о религіозномъ воспитаніи наши статьи въ Воспитаніи и Обученіи 1908 г. № 4 и 1905 г. № 9.

ческими мотивами и, наконецъ, философская ступень ученія Павла и другія доктрины, обращающіяся къ разуму. Все это нормально и расположено въ педагогической послѣдовательности, порядка которой не слѣдуетъ нарушать, какъ это часто дѣлается въ религіозномъ обученіи»<sup>1)</sup>.

Съ этой точки зрѣнія находятъ, что Ветхий Завѣтъ, разумѣется съ исключеніемъ всѣхъ мѣстъ, рѣзко противорѣчащихъ христіанской нравственности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будетъ больше соответствовать вкусамъ и интересамъ дѣтей и отроковъ, а Новый Завѣтъ—потребностямъ юношества. Чудесныя и героическія сказанія Ветхаго Завѣта, его увлекательныя повѣствованія, строгое управленіе народомъ въ лицѣ самого Бога; власть закона, установленнаго порядка, съ побіеніемъ камнями нарушителей его—все это отвѣчаетъ наивнымъ и прямолинейнымъ вкусамъ малышей, еще не оставившихъ періода миѳовъ и переходящихъ къ господству обычая и порядка, когда, напримѣръ, въ общественныхъ играхъ требуется самое строгое соблюденіе традиціонныхъ правилъ и установленнаго хода игры. Вообще при религіозномъ воспитаніи слѣдуетъ пользоваться естественнымъ стремленіемъ къ героизму и идеализму мальчиковъ и дѣвочекъ, поддерживать и расширять въ нихъ стремленія ко всему честному и благородному, къ жизни болѣе высокой, гуманной и идеальной, чѣмъ окружающая. Такое воспитаніе даетъ болѣе правильное понятіе о Богѣ, что нынѣ уже и замѣчается, такъ какъ дѣти на вопросы о Богѣ въ своихъ отвѣтахъ на первый планъ выдвигаютъ уже не то, что Богъ грозенъ, страшенъ и всемогущъ, но то, что Онъ есть любовь, что Онъ благъ. Болѣе правильная постановка религіознаго воспитанія создаетъ основу и для дальнѣйшаго надлежащаго развитія религіознаго чувства. Исслѣдователи замѣчаютъ усиленіе интереса къ религіи въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ. Всего чаще религіозныя сильныя переживанія наблюдаются въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, при чемъ замѣчаютъ, что этой «большой волнѣ религіознаго пробужденія предшествуетъ мень-

<sup>1)</sup> Stanley Hall, Adolescence. Vol. II, p. 360 (1905 г.).

шая волна, у дѣвочекъ въ возрастѣ около 13 лѣтъ, а у мальчиковъ въ возрастѣ около 12 лѣтъ». Одинъ изслѣдователь — Ланкастеръ — нашель, что изъ 598 молодыхъ людей 518 въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ пережили сильныя религіозныя возбужденія. По его словамъ, «до этого возраста религія была просто формой. Теперь она получаетъ настоящій смыслъ. Это—новый интересъ, и многіе говорятъ о немъ, какъ о внезапномъ пробужденіи. Онъ часто бываетъ самопроизвольнъ, подобно интересу къ живописи или музыкѣ, или подобно любви къ природѣ. Гдѣ не навязывалось никакихъ вынудительныхъ формъ, тамъ религіозное чувство возникаетъ такъ же естественно, какъ восходитъ солнце» <sup>1)</sup>.

## V.

### Органы семейнаго воспитанія.

Органы семейнаго воспитанія слѣдующіе: родители, родственники, прислуга.

#### Родители.

Въ высокой степени важно и даже прямо необходимо для правильной постановки семейнаго воспитанія, чтобы и отецъ и мать принимали, по возможности, равно дѣятельное участіе въ воспитаніи дѣтей. Мужской и женскій типы различны по своимъ физическимъ и духовнымъ свойствамъ. Участіе въ воспитаніи того и другого обезпечиваетъ разносторонность вліяній, дѣйствующихъ на дитя; отсутствіе одного или слабое и малое участіе сразу дѣлаетъ воспитаніе одностороннимъ, вычеркиваетъ изъ впечатлѣній дитяти весьма важную группу данныхъ, оскудняетъ дѣтскую душу. Можно разнo думать о томъ, какія свойства составляютъ существенныя характерныя черты мужскаго и женскаго типовъ, и откуда эти черты беруть свое начало, но несомнѣнно одно, что это типы раз-

<sup>1)</sup> Lancaster, The Psychology and Pedagogy of Adolescence въ «Ped. Sem.» Т. V, 1897.

личные. Ихъ встрѣча въ любви даетъ начало новой жизни, а ихъ сотрудничество въ воспитаніи новыхъ поколѣній кладетъ основу правильной формировкѣ и будущей разносторонней и плодотворной дѣятельности этихъ поколѣній. Поэтому педагогамъ нужно энергично бороться съ укоренившимся обычаемъ отсутствія отца въ дѣтской и семьѣ <sup>1)</sup>. Конечно, условія современной культуры таковы, что заставляютъ отца отсутствовать; но дѣла отнимаютъ не цѣлый же день, не на весь выгоняютъ изъ дому. А отцы должны твердо запомнить, что участіе ихъ въ воспитаніи дѣтей есть также дѣло, и дѣло большое, серьезное, которому поэтому ежедневно нужно посвящать часть своего времени. Пусть внѣшнія дѣла важны, пусть они имѣютъ общественный и государственный характеръ,—все это прекрасно, но и воспитаніе дѣтей въ концѣ-концовъ имѣетъ и общественное и государственное значеніе, отъ участія въ немъ невозможно отговориться общественно-государственною важностью внѣсемейныхъ занятій.

Мать очень часто беретъ на себя и отцовскую долю по воспитанію дѣтей. Но она не можетъ взять на себя эту долю по содержанію, по качеству, по своеобразности дѣйствія, такъ какъ ея типъ, ея природа другіе; она можетъ взять на себя отцовскій воспитательный трудъ лишь со стороны времени и расхода энергіи, тратя на воспитаніе своихъ дѣтей больше времени и силъ, чѣмъ сколько приходилось бы на ея долю при участіи отца въ воспитаніи. Конечно, такой большой трудъ матери значительно сближаетъ ее съ дѣтьми, но онъ же утомляетъ мать, лишаетъ ее свободы и времени для своихъ личныхъ занятій, для личнаго самоусовершенствованія, для полнаго и спокойнаго продумыванія тѣхъ же педагогическихъ задачъ.

Притомъ нужно сказать, что обыкновенно матери, какъ и отцы, бываютъ слабо подготовлены къ выполненію своихъ педагогическихъ обязанностей, ихъ любовь къ дѣтямъ бываетъ

<sup>1)</sup> По «Половой переписи московскаго студенчества», оба родителя участвуютъ въ воспитаніи въ большинствѣ случаевъ (62,1%) но, сверхъ сего, отецъ воспитывалъ въ 93 случаяхъ (6,1%), а мать въ 487 (31,8%). (стр. 34).



несоразмѣрна съ ихъ педагогическими знаніями и искусствомъ. Матери оказываются слишкомъ субъективными при воспитаніи дѣтей, часто измѣнчивыми и неустойчивыми въ осуществленіи принятыхъ ими началъ: такое настроеніе — такое примѣненіе принятыхъ педагогическихъ правилъ, другое настроеніе — другое примѣненіе; сегодня одно, завтра — другое.

Естественная, органическая, связь матери съ дитятей, значительное время и трудъ матери по воспитанію, ея умѣнье понимать дитя и нѣкоторая духовная близость къ нему — все это закладываетъ въ матери талантъ воспитательницы; но страстность чувства матери къ дитяти толкаетъ мать на эгоистическое воспитаніе, а отсутствіе педагогической подготовки и вліянія отца дѣлаетъ это воспитаніе очень узкимъ, одностороннимъ, чуждымъ твердой устойчивости и широты. Участіе отца въ воспитаніи, лица обыкновенно съ менѣе страстнымъ чувствомъ, но съ большей выдержкой и спокойствіемъ, можетъ во многомъ улучшить постановку семейнаго воспитанія.

Въ тѣхъ счастливыхъ семьяхъ, въ которыхъ отцы принимаютъ дѣятельное участіе въ воспитаніи своихъ дѣтей, они должны проводить въ сущности ту же самую воспитательную систему, которой держатся и матери. Система должна быть одна, а не двѣ, одна папенькина, а другая маменькина. Это не значитъ, что отецъ долженъ вторить матери, а мать отцу, и оба съ азартомъ дудѣть въ одну дудку. Отецъ и мать люди разные, на все въ мірѣ смотрятъ нѣсколько по-своему, нѣсколько различно. Пусть эта типическая разница мужчины и женщины выражается и въ ихъ отношеніи къ дѣтямъ, это естественно и необходимо, не можетъ же мужчина превратиться въ женщину, а женщина въ мужчину, да и не нужно, не къ чему. Но при естественной разницѣ отношеній двухъ природныхъ типовъ къ одному и тому же субъекту, при всей разницѣ въ поведеніи мужчины и женщины, должна быть наблюдаема одна основа въ педагогической системѣ, какъ отцомъ, такъ и матерью. Единство основанія не исключаетъ разнообразія въ примѣненіи системы, построенной на этомъ основаніи. Дитя скоро замѣтитъ раз-

ницу въ отношеніяхъ отца и матери, но вреда отъ этого не будетъ, дитя только на опытъ уразумѣетъ ту истину, что одно дѣло отецъ, а другое мать, одно мужчина, другое женщина, но оба его любятъ и каждый, хотя и нѣсколько по-своему, заботится о немъ.

Собственно для правильнаго воспитанія дѣтей нужно требовать отъ родителей хорошей подготовки, заключающейся въ общемъ образованіи и специально педагогическомъ. «Имѣть дѣтей ума кому не доставало?» Но хорошо воспитывать дѣтей недостаетъ ума весьма многимъ. Чтобы быть порядочнымъ сапожникомъ, нужна выучка, подготовка, а чтобы быть воспитателемъ ея не требуется? Самый простенькій и дешевенькій учитель грамоты, преподающій буквально азы, нуждается въ подготовкѣ, а родители - педагоги въ ней не нуждаются? Нужно помнить, что на обязанности родителей лежитъ и физическое и нравственно-общественное и умственное и эстетическое и религіозное воспитаніе дѣтей, родители должны умѣть во-время пригласить врача къ заболѣвшему ребенку, должны умѣть ухаживать за нимъ и т. п. Но выполнить такія многосложныя обязанности можно только челоуѣку, получившему хорошее общее и нѣкоторое педагогическое образованіе. А если его нѣтъ, то что же — и жениться нельзя? Нельзя и родителемъ быть? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно предварительно выяснить себѣ, обязаны родители воспитывать своихъ дѣтей или нѣтъ? Если обязаны, то они должны быть поставлены въ состояніе возможности выполнить лежація на нихъ обязанности, что невозможно сдѣлать, не сообщая имъ основательнаго, хотя бы и не широкаго, общаго и педагогическаго образованія; если же не обязаны, то должны быть заведены общественныя или государственныя учрежденія для воспитанія маленькихъ дѣтей, куда и можно было бы передавать на воспитаніе всѣхъ новорожденныхъ. Иного выхода нѣтъ, *tertium non datur*.

Мы уже говорили, что уничтожить семейное воспитаніе невозможно, да и не нужно, и въ настоящее время прибавимъ, что педагогическая функція семьи, правильно и серьезно раз-

виваемая, подниметь культурность семьи, внесеть въ нее много крупныхъ духовныхъ интересовъ, согрѣеть сердце родителей и возбудить въ нихъ рядъ нѣжныхъ и благородныхъ волненій. Безъ семейнаго воспитанія семья поглубѣтъ, обѣднѣтъ духовно, потому что глубоко важное и интересное дѣло — слѣдить за всестороннимъ раскрытіемъ человѣческаго организма — будетъ изъято изъ вѣдѣнія родителей. Конечно, это дѣло требуетъ свободнаго времени, нѣкотораго матеріальнаго достатка и знаній, подготовки отъ родителей, если они хотятъ быть и педагогами. И будемъ всего этого требовать отъ родителей во имя блага общественнаго, во имя блага человѣчества, потому что въ дѣтяхъ заключено будущее рода человѣческаго, а не будемъ пугаться сложности и трудности дѣла, не будемъ говорить, что легче, лучше снять съ родителей педагогическую отвѣтственность, оставивъ за ними лишь звѣриное дѣло — поддержаніе и размноженіе рода человѣческаго.

Такъ какъ задачи семейнаго воспитанія не только тѣсно связаны съ задачами воспитанія во всѣ дальнѣйшіе возрасты, но и тождественны съ ними по существу, такъ какъ воспитаніе есть нѣчто единое и цѣлое, то тѣмъ болѣе необходима педагогическая подготовка родителей къ воспитанію. Родители будутъ воспитателями и учителями своихъ дѣтей, и ихъ педагогическая дѣятельность значительно отразится на плодотворности и успѣшности всего дальнѣйшаго педагогическаго процесса, на всѣхъ школьныхъ занятіяхъ. Родители должны понимать задачи и цѣли всего педагогическаго процесса и отчетливо представлять себѣ средства достиженія этихъ цѣлей за время семейнаго воспитанія. Они должны такъ широко и умно повести дѣло, чтобы все дальнѣйшее воспитаніе дитяти, въ семьѣ, было надстройкой надъ семейнымъ воспитаніемъ, органически съ нимъ связанной, чтобы въ семьѣ былъ заложенъ педагогическій фундаментъ ко всему дальнѣйшему развитію дитяти. А вполне разумная дѣятельность по отношенію къ такому сложному объекту, какъ дѣтскій организмъ, дѣятельность, сопряженная съ предусматриваніемъ слѣдствій въ сравнительно далекомъ будущемъ, предполагающая большую

осторожность и разностороннюю сообразительность при большой массѣ разнородныхъ данныхъ, невозможна безъ предварительной серьезной педагогической подготовки, безъ сознанія цѣлей воспитанія, безъ постановки педагогическихъ идеаловъ. Родители, не менѣ школьныхъ учителей, вліятельны и отвѣтственны за развитіе обучаемыхъ; а отъ школьныхъ учителей нынѣ всѣ требуютъ серьезной обстоятельной подготовки, и по части общаго образованія и по части педагогической. Между тѣмъ родители, воспитывая дѣтей, проявляютъ мало интереса къ педагогической наукѣ.) При опросѣ московскихъ студентовъ, имъ былъ поставленъ вопросъ: проявляли родители интересъ къ теоретическимъ вопросамъ воспитанія или нѣтъ? Изъ полученныхъ 1966 отвѣтовъ утвердительныхъ было 514 (26,1%), а отрицательныхъ 1452 (73,9%). Про родителей же нельзя было сказать, чтобы они были люди необразованные. Объ образованіи родителей были даны такіе отвѣты: объ отцѣ—2150 отвѣтовъ: высшее образованіе 560 (26%), среднее 695 (32,3%), низшее 474 (22%), домашнее 328 (15,2%), никакое 96 (4,5%); о матери 2106 отвѣтовъ: высшее—118 (5,6%), среднее—786 (37,3%), низшее—289 (13,7%), домашнее—686 (32,6%), никакое—227 (10,8%)<sup>1)</sup>.

#### Родственники.

Семья слагается изъ двухъ поколѣній: родителей и дѣтей. Между двумя поколѣніями всегда бываетъ большая или меньшая разнь, потому что одно поколѣніе развивается при однихъ условіяхъ, другое — при нѣскольکو иныхъ. Эта неизбѣжная разнь поколѣній сказывается и въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, но сглаживается любовью родителей къ дѣтямъ, самымъ искреннимъ стремленіемъ старшаго поколѣнія войти въ положеніе младшаго, преемственностью нѣкотрыхъ культурныхъ началь и порядковъ, переходящихъ отъ одного поколѣнія къ другому. Кромѣ родителей и дѣтей, въ составъ семьи входятъ тетушки, дядюшки, двоюродные братцы и сестрицы и пр. Но о нихъ особенно нечего говорить, такъ какъ они принадлежатъ

<sup>1)</sup> Членовъ, Половая перепись московскаго студенчества. Стр. 29, 34.

къ одному поколѣнію съ родителями, развились подѣ тѣми же общественными вліяніями и могутъ имѣть большее или меньшее значеніе для дѣтей, какъ личности, имѣющія свои особенныя свойства, а не какъ представители извѣстнаго поколѣнія и, вмѣстѣ съ этимъ, извѣстнаго общественнаго міровоззрѣнія.

Къ двумъ поколѣніямъ часто присоединяется въ семьѣ третье — бабушки и дѣдушки. Это совсѣмъ новый элементъ, иные взгляды, другое міровоззрѣніе. Бабушки и дѣдушки росли при такихъ условіяхъ, которыя составляютъ уже достояніе исторіи; они придерживаются такихъ взглядовъ и убѣжденій, которые во многомъ считаются устарѣвшими, отжившими; ихъ костюмъ, равно какъ ихъ идеи и многія отношенія къ окружающему, — все это «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма», плохо ладитъ съ современной обстановкой, сильно измѣнившейся со времени ихъ юности. А, между тѣмъ, бабушки и дѣдушки стремятся вліять на ходъ семейныхъ дѣлъ, вмѣшиваться въ воспитаніе внучатъ, особенно бабушки, и, вопреки взглядамъ и убѣжденіямъ родителей, смѣло держатся своей прежней педагогіи, не признавая никакихъ новшествъ. Дѣти неизбежно поддаются такимъ образомъ подѣ вліяніе двухъ поколѣній, двухъ міровоззрѣній, двухъ разныхъ педагогій. Разсмотримъ основныя начала педагогіи старѣйшаго поколѣнія въ семьѣ — бабушекъ и дѣдушекъ.

Для всякой педагогіи самый важный, существенный вопросъ есть вопросъ о положеніи дѣтей въ семьѣ. Кто господа въ семьѣ, центръ семейной жизни: родители или дѣти? Или ни тѣ, ни другія не угнетаютъ другъ друга, а живутъ въ добромъ согласіи, мирно и, по возможности, свободно, безъ суровыхъ мѣръ, съ одной стороны, и безъ вынужденнаго послушанія, съ другой? На этотъ коренной вопросъ представители стараго поколѣнія обыкновенно отвѣчаютъ такъ: господа въ семьѣ родители, ихъ покой и благополучіе выше всего, ихъ дѣти должны слушаться и за страхъ и за совѣсть, потому что сами-то дѣти суть только терпимый придатокъ въ семьѣ. Лучшая комната, лучшій кусокъ, лучшее мѣсто — родителямъ, а дѣтямъ — остаточки, все, что похуже. Когда дѣти вырастутъ

и сдѣлаются сами родителями, тогда и будутъ пользоваться соотвѣтственными выгодами своего положенія.

Когда родители кушаютъ, пьютъ чай, отдыхаютъ, когда они разговариваютъ между собою и вообще что-нибудь дѣлаютъ, тогда дѣти ни въ какомъ случаѣ не должны докучать родителямъ, не должны обращаться къ нимъ съ какими-либо вопросами. Какія у дѣтей дѣла? Что за вопросы? Могутъ и обождать. А то пусть идутъ въ дѣтскую и играютъ съ няней. Дѣти должны стараться проводить больше времени съ няней и гувернанткой, а не съ родителями; родителямъ некогда заниматься много съ дѣтьми, родители или своими дѣлами удручены, или отдыхаютъ. Сказки пусть дѣтямъ рассказываетъ няня, книжки читаетъ также няня, а родители лишь надзираютъ за няней. Словомъ, старое поколѣнiе стремится отдалить дѣтей отъ родителей, воздвигнуть между ними средостѣнiе, сдѣлавъ дѣтей на руки наемнымъ людямъ. Его представителямъ въ голову не приходитъ мысль, что важнѣйшая обязанность родителей—не деньги платить нянямъ и гувернанткамъ, а самимъ принимать непосредственное участіе въ воспитаніи дѣтей. «Вѣдь есть няня, гувернантка, часто говорятъ бабушки, — зачѣмъ же самимъ итти, зачѣмъ самимъ дѣлать? За что же будутъ тѣ (разумѣются няня и гувернантка) получать деньги?» Натуральную воспитательную повинность родителей старое поколѣнiе очень легко и охотно замѣняетъ денежной—наймомъ нянь, гувернантокъ, учителей. Отецъ служи и доставай деньги, мать занимайся по хозяйству, а дѣтей пусть воспитываютъ няни и гувернантки—такъ распредѣляетъ занятія между членами семьи старое поколѣнiе. А сами дѣды и бабушки будутъ надъ всѣмъ надзирать, во все вмѣшиваться, давать совѣты и непрерывно ворчать.

Не признавая за дѣтьми никакихъ правъ, а одну обязанность безусловнаго послушанія, бабушки по отношенію къ внучатамъ естественно придерживаются запретительной системы. Боже мой, чего только онѣ ни запрещаютъ! Бѣгать много и скоро не годится, кричать нельзя, лазать и прыгать неприлично; выбѣгать въ кухню или къ пришедшимъ незнакомымъ

людямъ тоже неприлично; всякія дѣйствія, сопряженныя съ опасностью запачкать или разорвать платье, разбить чашку, повредить игрушку или мебель, безусловно воспрещаются; съ чужими дѣтьми, особенно встрѣчающимися случайно, не играть, съ кухаркой и горничной не разговаривать, никакихъ свободныхъ позъ, жестовъ, рѣчей не допускать. Сидитъ бабушка цѣлый день въ креслѣ, совсѣмъ почти не двигается и высшимъ идеаломъ добродѣтели для всѣхъ считаетъ чинную малоподвижность. Насколько такой идеалъ отвѣчаетъ свойствамъ дѣтской природы, насколько система безконечныхъ запрещеній удовлетворяетъ потребностямъ внучатъ—подобнымъ вопросамъ бабушка совсѣмъ и не задается. Что еще за природа? Какія потребности? Все это пустяки, ведущіе къ ослабленію дисциплины. «Мы, — скажетъ бабушка, — были дѣтьми и никакихъ природъ не знали, воспитывались въ строгости, а, слава Богу, выросли и стали людьми». Въ этой запретительной системѣ, въ этомъ неуваженіи потребности дѣтской природы скрывается полное умственное убожество бабушекъ, незнаніе самыхъ элементарныхъ вещей, соединенное съ закоренѣлымъ упрямствомъ. Попробуйте вы растолковать такой бабушкѣ что-нибудь о потребностяхъ дѣтской природы, — какъ къ стѣнѣ горохъ. Старушка ничего не пойметъ и будетъ упрямо держаться своей системы, такъ что надъ нею придется устроить надзоръ болѣе строгій и бдительный, чѣмъ надъ дѣтьми; иначе она своими запрещеніями напутаетъ, раздражитъ и даже ожесточитъ дѣтей. Если няня усвоила взгляды и правила родителей, бабушка непременно вступитъ въ пререканія съ няней и будетъ упрекать ее въ томъ, что она не смотритъ за дѣтьми, все имъ позволяетъ, будетъ дѣлать ей выговоры и въ заключеніе непременно вооружитъ ее противъ себя, а сама будетъ считать ее своимъ исконнымъ, заклѣтымъ врагомъ. А дѣти все это отлично увидятъ и поймутъ, присутствуя при неизбѣжныхъ стычкахъ и пререканіяхъ.

Запретительная система въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, какъ неизбѣжное логическое слѣдствіе, влечетъ за собою наказанія и награды. Бабушки весьма склонны награждать и наказывать

и обыкновенно стараются осуществить и эту немаловажную, по ихъ мнѣнію, сторону педагогическихъ вліяній на дѣтей. Въ большинствѣ образованныхъ русскихъ семействъ наказанія дѣтей почти совсѣмъ вышли изъ употребленія и бабушкамъ приходится плохо; карательную власть приходится держать въ карманѣ и не показывать никому; только тайкомъ онѣ могутъ удовлетворить свое стремленіе къ карѣ и то въ весьма смягченной формѣ, именно — въ лишеніи внучатъ какого-либо лакомства. Зато награждать, и награждать именно съѣстными, лакомствами, бабушки очень любятъ. Другого вида наградъ онѣ почти не знаютъ, развѣ подарятъ куклу, но чаще всего дѣло сводится къ лакомствамъ. При раздачѣ лакомствъ бабушки лишены безпристрастія: у нихъ сейчасъ же между внучатами оказываются любимцы, которымъ дается больше, и нелюбимцы, которые получаютъ меньше. Приходится слѣдить за бабушками и въ этомъ случаѣ, чтобы онѣ не внесли раздора въ дѣтскую среду. Дѣти обыкновенно очень тщательно сравниваютъ и даже измѣряютъ полученные гостинцы, и сестра, получившая меньше, считаетъ себя несправедливо обиженной.

Изъ положительныхъ воздѣйствій бабушекъ на внучатъ слѣдуетъ отмѣтить ихъ религіозное вліяніе. Бабушки обыкновенно бываютъ очень набожными по-своему: онѣ набожны въ церковномъ смыслѣ слова, ходятъ въ церковь, дома читаютъ много молитвъ, соблюдаютъ посты, нѣкоторыя очень свѣдущи въ святцахъ. Но этимъ ихъ набожность и ограничивается, — истиннаго христіанскаго духа у нихъ или совсѣмъ не бываетъ, или же очень мало. Съ набожностью у нихъ въ мирѣ уживается челоуѣконенавистничество, суровое отношеніе къ прислугѣ, наклонность пользоваться чужимъ трудомъ, рѣзкія и часто огульныя осужденія. Ихъ набожность не только внѣшняя, церковно-формальная, но нерѣдко и лицемѣрная. При такой набожности бабушекъ религіозность, прививаемая ими дѣтямъ, бываетъ чисто внѣшней и состоитъ въ соблюденіи постовъ, въ кушаніи вмѣстѣ съ внучатами освященной просфоры, въ посѣщеніи церкви и т. п. Что-нибудь серьезно объяснить и растолковать дѣтямъ по части религіи бабушки не



могутъ, — онѣ сами слишкомъ необразованны, слишкомъ мало понимаютъ сущность религіи и христіанства, чтобы быть разумными руководительницами религіозно-нравственнаго чувства дѣтей. Притомъ сами онѣ постоянно фальшивятъ, постоянно лицемѣрятъ, что дѣти очень скоро и постигаютъ. Онѣ все стараются скрыть отъ дѣтей, отъ всего удалить ихъ, и въ этихъ видахъ, для успокоенія дѣтей, говорятъ имъ ложь, выдумываютъ Богъ знаетъ что, а все такія лживыя объясненія скоро раскрываются, и дѣти замѣчаютъ, что бабушки говорятъ имъ неправду.

Стоитъ упомянуть еще одну черту изъ педагогіи бабушекъ, собственно изъ гигиѣны. Едва ли на свѣтѣ есть еще существа, болѣе боящіяся свѣжаго воздуха, чѣмъ бабушки. Прогулки на открытомъ воздухѣ, открытыя окна, форточки, вентиляція — все это великія опасности, по мнѣнію бабушекъ. Все почти болѣзни, по ихъ мнѣнію, возникаютъ отъ простуды, отъ прогулокъ; кто хочетъ быть здоровъ, тотъ долженъ сидѣть дома. И бабушки подолгу не выходятъ изъ квартиры, жмутся къ печкамъ, а когда выходятъ, тогда укутываются неимовѣрнымъ образомъ. Въ этой боязни свѣжаго воздуха сказывается старинная черта русскаго воспитанія: наши предки всякими мѣрами старались обезпечить тепло себѣ и дѣтямъ, никакихъ форточекъ и вентиляцій не знали и потѣли самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ такомъ же духѣ бабушки стремятся воспитывать и внучатъ, такъ что со старушками приходится буквально вести войну изъ-за свѣжаго воздуха, особенно зимой. Всякое провѣтриваніе комнатъ онѣ считаютъ совершенно лишнимъ дѣломъ и довольствуются затхлымъ воздухомъ, лишь бы онъ былъ тепелъ. Ваннъ и бань бабушки также побаиваются, такъ какъ послѣ нихъ легко можно простудиться.

Бабушки бываютъ, конечно, разныя, ихъ личныя свойства могутъ быть весьма разнообразны. Мы говоримъ о бабушкахъ необразованныхъ, каковыхъ весьма много. Женскія гимназіи возникли у насъ такъ недавно, что бывшихъ гимназистокъ-бабушекъ почти нѣтъ, а если есть, то это совершенно новая формація бабушекъ, имѣющихъ другія свойства. Бабушекъ-

институтокъ бывало всегда немного, такъ какъ институтовъ было ограниченное число. Женскихъ пансіоновъ было также не много. Дѣвицы получали большею частью домашнее образованіе, которое было еще легче, чѣмъ институтское. Всѣ такія полуобразованныя дѣвицы довольно скоро совлекали съ себя, подъ вліяніемъ жизни, легкіе слѣды полученнаго образованія и возвращались въ первобытное состояніе. Истинно образованныхъ женщинъ было очень мало. Поэтому мы полагаемъ, что указанныя черты педагогіи бабушекъ суть черты весьма распространенныя, выражающіяся въ семейной жизни то болѣе рѣзко, то мягче.

#### Прислуга.

Въ обыкновенной средней семьѣ дѣти не отдѣляются отъ прислуги стѣной, на прислугу не смотрятъ, какъ на особенную, худшую породу людей, какъ на какихъ-то парій, за прислугой признается человѣческое достоинство, а потому и дѣти допускаются до общенія съ нею, хотя родители и не признаютъ такое общество вполне желательнымъ и благопріятнымъ. Въ такой средней семьѣ на развитіе дитяти могутъ имѣть, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, большее или меньшее вліяніе слѣдующія лица, причисляемая къ прислугѣ: кормилица, няня, бонна, горничная, кухарка.

#### Кормилица.

Обычай брать кормилицъ былъ широко распространенъ еще въ древнее время, именно у грековъ и римлянъ. Распространенъ онъ у насъ не менѣе, чѣмъ у древнихъ классическихъ народовъ. Такимъ образомъ съ первыхъ дней жизни дитяти одной изъ воспитательницъ его является прислуга, такъ какъ кормилица хотя и состоитъ въ большемъ почетѣ, чѣмъ другая прислуга, но тѣмъ не менѣе трактуется какъ прислуга и причисляется къ ней. Каково воспитательное значеніе кормилицы? Оно разнообразно и значительно.

Прежде всего, кормилица вліяетъ на дитя своими физическими свойствами, обуславливая благосостояніе или неблаго-состояніе одного изъ важнѣйшихъ органическихъ процессовъ

дитяти — питанія. Количество и качество молока, даваемого кормилицей — дѣло громадной важности для всего физическаго развитія дитяти, его роста, крѣпости членовъ, настроенія, а слѣдовательно и психическаго усовершенствованія. Далѣе — для благосостоянія дитяти имѣютъ большое значеніе общее хорошее здоровье кормилицы или какая-либо присущая ей болѣзнь, ея чистоплотность или небрежное отношеніе къ своему тѣлу. То или другое свойство кормилицы прямо и непосредственно отражается на здоровьи ребенка. Кормилица своими физическими качествами такъ глубоко вліяетъ на дитя, что это вліяніе не сотрется всю жизнь; сила или слабость организма, недочеты и сильныя свойства будутъ существенно зависѣть отъ качества пищи въ первый годъ жизни, такъ какъ въ это время происходитъ усиленная стройка организма, закладывается его фундаментъ.

Далѣе, сказывается склонность или нерасположеніе кормилицы къ порядку, къ строгому распредѣленію времени. Распорядокъ дня и тщательное его выполненіе — определенное время для кормленія, для спанья, для гулянья дитяти, быстрое переодѣваніе ребенка, содержаніе въ определенныхъ мѣстахъ дѣтскаго бѣлья и одежды, соблюденіе чистоты и порядка въ дѣтской — все это имѣетъ весьма большое значеніе для развитія дитяти, рано приучая его къ твердому порядку въ окружающей обстановкѣ, къ чистотѣ, определенности и ловкости дѣйствій.

Еще важнѣе общій душевный складъ кормилицы, ея мягкость или черствость, любовь къ дѣтямъ или равнодушіе и холодность, гнѣвливость и ворчливость или спокойствіе и выдержка, манеры мягкія, плавныя, голосъ звучный, пріятный или рѣзкій, крикливый, движенія рѣзкія, порывистыя. Конечно, грудной младенецъ не въ состояніи анализировать свойствъ своей кормилицы, но они тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ на него, возбуждаютъ въ немъ соответствующія волненія, особенно во вторую половину года, когда дитя начинаетъ больше бодрствовать, лучше видѣть, слышать, осязать, а вмѣстѣ наблюдать и запоминать. Дѣло въ томъ, что у насъ душевныя явленія не-

разрывно соединены съ опредѣленною дѣятельностью нервной системы, а эта послѣдняя—съ дѣятельностью всего тѣла, которое подъ вліяніемъ душевныхъ возбужденій и производитъ опредѣленные перемѣны во внѣшнемъ мірѣ. Эти внѣшнія перемѣны, достигая зрителя или слушателя, помимо всякой воли и желанія производятъ въ его нервной системѣ измѣненія, подобныя измѣненіямъ дѣятеля, а вслѣдъ за возбужденіемъ нервной системы возникаютъ соотвѣтственные перемѣны и въ сознаніи, т. е. создаются душевныя явленія, сходныя съ душевными состояніями дѣятеля. Это процессъ необходимый, и имъ объясняется подражательность различныхъ видовъ и формъ. Если маленькое дитя часто будетъ слышать ворчливый или гнѣвный голосъ, крики, грубый смѣхъ, если оно часто будетъ видѣть рѣзкія, угловатыя движенія, выраженіе эгоистическихъ грубыхъ чувствованій въ лицѣ и во всей фигурѣ, если дитя будутъ стремительно выхватывать изъ рукъ, изъ кровати и столь же стремительно класть, почти бросать, то оно не будетъ въ состояніи повимать смыслъ каждаго отдѣльнаго звука, выраженія лица, движенія, но всѣ эти внѣшнія выраженія опредѣленныхъ психическихъ состояній окружающихъ его лицъ будутъ будить и въ немъ, сообразно указанному выше процессу, соотвѣтствующія темныя чувствованія и психическія состоянія вообще. Выраженія гнѣва въ кормилицѣ будутъ и въ дитяти пробуждать гнѣвливость, выраженія любви — нѣжныя чувствованія, выраженія печали—печаль. Дитя отобразитъ въ своей психикѣ психику кормилицы, конечно только до извѣстной степени, потому что дитя обыкновенно не находится исключительно въ обществѣ кормилицы, но оно видитъ мать, отца, другихъ лицъ, играетъ съ ними, отображаетъ на себѣ ихъ настроенія, которыя и будутъ сглаживать и ослаблять вліяніе кормилицы. Поэтому дѣтская психика не есть чистое отображеніе психики кормилицы, но смѣшанное отраженіе психики всѣхъ окружающихъ его лицъ, съ прибавкой самобытныхъ унаслѣдованныхъ свойствъ.

Въ кормилицы идутъ обыкновенно женщины низшихъ классовъ общества, совершенно необразованныя, очень часто без-

грамотныя, съ массою всякаго рода предразсудковъ и суевѣрій. Покинувъ свое собственное дитя, такая женщина ради платы и содержанія кормить чужое. Не трудно понять душевное состояніе подобной кормилицы. Едва ли возможно предполагать въ ней какую-либо любовь къ вскармливаемому младенцу: чужой младенецъ постоянно напоминаетъ своего, покинутого, каждая ласка чужому есть какъ бы кража, совершаемая матерью у своего родного дѣтища. У всякой сколько-нибудь порядочной кормилицы, не могущей, конечно, равнодушно бросить свое дитя, настроеніе духа во время кормленія должно быть самое скверное; если же кормилица равнодушно бросила свое дитя, то высокаго мнѣнія о ея нравственныхъ качествахъ быть невозможно. И вотъ такія-то необразованныя, часто съ значительными нравственными недостатками женщины, съ крайне возбужденными нервами и печальнымъ настроеніемъ, являются первыми и ближайшими воспитательницами дитяти, изъ рукъ природы прямо берутъ его въ свои, подчасъ недостаточно чистыя, и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ слова, руки. Невеселая картина! Она свидѣтельствуетъ, что наши общественныя отношенія весьма далеки не только отъ идеальныхъ, но и отъ мало-мальски сносныхъ порядковъ, которые бы обезпечивали новому человѣку разумный уходъ нравственно и физически чистой и здоровой личности.

#### Н я н я.

Изъ рукъ кормилицы дитя переходитъ на руки няни. Ея значеніе въ исторіи развитія дѣтской личности не менѣе важно, чѣмъ значеніе кормилицы.

Физическія свойства няни не имѣютъ такого большого значенія для дитяти, какъ свойства кормилицы, такъ какъ няня не кормитъ дитя своею грудью. Но нельзя сказать, чтобы было безразлично для вполне хорошаго развитія дитяти, какими физическими свойствами владѣетъ его няня. Прежде всего, имѣетъ значеніе возрастъ няни. Нянь придется играть съ дѣтьми, пѣть, возиться, бѣгать, ходить на прогулку; поэтому очень почтенный возрастъ, сопровождающийся обыкновенно

малою подвижностью, неудобенъ для няни. Затѣмъ, нянѣ придется вставать по ночамъ, чтобы успокоить плачущее дитя, переменить ему въ случаѣ нужды бѣлье; если дитя захвораетъ, то ухаживать за нимъ. Для хорошаго выполненія такихъ обязанностей нянѣ нужны хорошее здоровье, выносливость, которыми владѣетъ далеко не каждая женщина, предлагающая исполнять трудъ няни.

Несравненно болѣе вліяющими на развитіе дитяти оказываются душевныя свойства няни. Собственно можно утверждать, что очень часто няня является духовной кормилицей дитяти: все дѣло будетъ зависѣть отъ того, насколько дѣятельное участіе въ воспитаніи дитяти принимаютъ родители. Если они сами много занимаются съ ребенкомъ, тогда вліяніе няни значительно уменьшится, а если мало, то увеличится. Но во всякомъ случаѣ няня будетъ вліятельною персоною въ развитіи дитяти.

Оставаясь подолгу глазъ на глазъ съ няней, переданный на ея попеченіе, ребенокъ естественно будетъ руководиться ея примѣромъ, ея указаніями, будетъ слушаться своей няни, признавать ее авторитетомъ во всемъ. Дитя будетъ подражать нянѣ въ движеніяхъ, манерахъ, тонѣ голоса, психика няни весьма замѣтно отразится на психикѣ дитяти, дитя постепенно, съ часу на часъ, будетъ формироваться по образу и подобию няни. Въ отдѣльности можно указать слѣдующія стороны въ психикѣ дитяти, на развитіе которыхъ няни оказываютъ большее вліяніе.

Дитя учится говорить на глазахъ няни. Первый членораздѣльный дѣтскій лепетъ и затѣмъ весь дальнѣйшій процессъ изученія родной рѣчи совершаются подъ большимъ вліяніемъ няни, такъ какъ няня постоянно съ ребенкомъ, постоянно говоритъ съ нимъ. Естественно поэтому, что особенности рѣчи няни перейдутъ къ дитяти. Деревенскій складъ рѣчи, нечистое, неправильное произношеніе многихъ словъ, провинціализмы, самая интонація—все перейдетъ къ дитяти. Конечно, родители могутъ предохранить дитя отъ многихъ неправильностей няниной рѣчи, если будутъ тщательно слѣдить за ребенкомъ, но

вполнѣ устранить во всякомъ случаѣ довольно значительное вліяніе няни невозможно. А языкъ не есть только собраніе словъ, съ словами соединены понятія. Учить говорить значитъ учить не только словамъ, но и понятіямъ, не только рѣчи, но и мышленію. Такимъ образомъ съ рѣчью будутъ вливаться въ дѣтскую душу міровоззрѣніе няни, ея понятія, ея взгляды и, конечно, ея предразсудки, ея суевѣрія, ея способъ мышленія, отношенія къ вещамъ.

Начавъ говорить и встрѣчая что-либо непонятное, дитя обратится съ вопросами къ нянѣ, отъ нея будетъ требовать объясненія непонятнаго. Такимъ образомъ няня явится въ роли истолковательницы міровыхъ явленій для дитяти. Понадется дитятѣ камешекъ, оно спроситъ у няни, чтò за камешекъ; увидитъ дитя радугу, спроситъ про радугу; встрѣтившись съ какой-либо похоронной или праздничной процессіей, оно спроситъ у своей няни про нихъ. Няня на всѣ вопросы будетъ отвѣчать, и все, что у ней накопилось за ея жизнь, и истиннаго и ложнаго, и хорошаго и дурного, и усвоеннаго со стороны и придуманнаго самой, все это няня выложитъ предъ дитятей, помаленьку, по различнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, раскроетъ всю свою душу; а дитя будетъ жадно пить изъ этого мутнаго источника, по объясненіямъ няни будетъ составлять себѣ первыя понятія объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ. Нянино міровоззрѣніе, нянина философія лягутъ въ основу умственнаго развитія дитяти, послужатъ краеугольнымъ камнемъ разума будущаго интеллигентнаго гражданина или гражданки.

Нравственная природа няни также не останется безъ вліянія на дитя. Няня будетъ судить въ присутствіи дитяти о разныхъ лицахъ и происшествіяхъ, будетъ находить одно хорошимъ, а другое дурнымъ. Няня будетъ рассказывать дитяти разные рассказы и сказки и будетъ ими сильно волновать маленькое дѣтское сердечко, возбуждая и страхъ и радость, и состраданіе и гнѣвъ. Герои и героини дѣтскихъ рассказовъ и сказокъ также будутъ оцѣниваемы, будутъ находимы хорошими или дурными. Такимъ путемъ мало-по-малу няня будетъ фор-

мировать нравственное чувство дитяти, его способность расцѣпки нравственныхъ явленій жизни. Няня же передастъ дитяти и свою религію, свою набожность, если таковая есть, научить дитя креститься, молиться, цѣловать иконы, научить видѣть въ иконѣ божиньку, словомъ, передастъ религію такъ, какъ она ее понимаетъ, со всей своей искренней вѣрой и со всѣмъ формализмомъ и буквализмомъ внѣшнихъ церемоній и обрядовъ.

Велико и глубоко вліяніе няни! Оно можетъ быть въ значительной мѣрѣ парализовано вліяніемъ родителей, если эти послѣдніе принимаютъ дѣятельное и многостороннее участіе въ воспитаніи своихъ дѣтей. Но родительское участіе въ воспитаніи дѣтей часто бываетъ довольно поверхностнымъ и непостояннымъ. Отецъ занятъ службой, общественной дѣятельностью, онъ часто и много отсутствуетъ изъ дома, а когда и бываетъ въ семьѣ, то по большей части занимается своими, не семейными дѣлами и, во всякомъ случаѣ, не воспитаніемъ своихъ дѣтей. Остается мать. Конечно, мать больше занимается дѣтьми, но и ея вниманіе легко и часто можетъ быть отвлекаемо отъ этого дѣла, если она не имѣетъ твердаго намѣренія серьезно посвятить себя воспитанію своихъ дѣтей. У ней на рукахъ хозяйство, у ней знакомые, она желаетъ пользоваться развлеченіями, она можетъ имѣть даже какое-либо занятіе внѣ дома. Все это даетъ вполне благовидный предлогъ къ тому, чтобы сдать дѣтей на руки няни и вести надъ няней лишь контроль, болѣе или менѣе близкій и строгій, смотря по желанію.

Наши няни, въ большинствѣ случаевъ, совершенно необразованы до безграмотства. Онѣ не получаютъ никакой подготовки къ своей дѣятельности. Въ няни идутъ бывшія кормилицы. Откормивъ благополучно младенца и походивъ за нимъ въ теченіе года, поприсмотрѣвшись въ это время къ пріемамъ и требованіямъ барыни, кормилица считаетъ себя достаточно подготовленной къ роли няни и предлагаетъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Горничная, которой надоѣло мыкаться на побѣгущкахъ, которая рассчитываетъ получить большее вознагра-



жденіе и занять лучшее положеніе въ домѣ, заявляетъ желаніе поступить въ няни. Нерѣдко приходится буквально встрѣчать такія публикаціи: «ищу мѣста няни или одной прислугой». Наконецъ, различныя пожилыя, а иногда и молодыя женщины, неопредѣленной профессіи и положенія, предлагаютъ свои услуги въ качествѣ нянь. Найти опытную, хорошую и не особенно дорогую няню очень трудно.

Итакъ, въ данномъ случаѣ получается такая же печальная картина, какъ и при обсужденіи вопроса о кормилицахъ; только въ вопросѣ о няняхъ общественное неблагоустройство сказывается еще сильнѣе. Дѣло такого громаднаго значенія и вдругъ оказывается совершенно неорганизованнымъ. Контингентъ нянь пополняется Богъ знаетъ кѣмъ, чуть ли не каждой желающей служанкой; заведеній же, имѣющихъ цѣлью раціональную подготовку нянь, крайне мало, они съ своими ничтожными выпусками равняются каплѣ въ морѣ.

#### Б о н н а.

Изъ рукъ няни дитя переходитъ на руки бонны. Это тоже няня, но только имѣющая дѣло съ дѣтьми болѣе подростыми, чѣмъ съ какими занимается няня. У насъ въ бонны обыкновенно выбираются иностранки, французенки и нѣмки, для обученія дѣтей путемъ живой рѣчи иностранному языку; иногда бонны учатъ дѣтей и еще кое-чему. Содержаніе онѣ получаютъ лучшее по сравненію съ обыкновенными нянями.

Исполняя обязанности няни, бонны естественно имѣютъ такое же глубокое и разностороннее вліяніе на развитіе дитяти, какъ и няни, но зато и бывають, по большей части, такъ же плохи, такъ же мало подготовлены къ серьезному дѣлу воспитанія дѣтей, какъ и обыкновенныя няни.

Самое главное качество, цѣнимое въ боннѣ, это ея иностранный языкъ. Но вѣдь одного знанія иностраннаго языка недостаточно, чтобы быть хорошей бонной. Дѣти не просто говорятъ съ бонной, дѣти цѣликомъ довѣряются боннѣ, какъ и нянѣ. Бонна приходитъ съ дѣтьми въ разностороннія отношенія, вліяетъ на нихъ всею своею личностью, всѣми своими

свойствами, а не учить только говорить. Слѣдовательно при наймѣ бонны, какъ и няни, нужно ставить вопросъ не только о степени совершенства, съ которымъ бонна говоритъ на иностранномъ языкѣ, но и о всей ея личности, о ея педагогическихъ способностяхъ и склонностяхъ. Обыкновенно этотъ послѣдній вопросъ почти никогда не ставится. Родители только спрашиваютъ: чистокровная французенка? доподлинная нѣмка? Если да, то они безъ всякихъ дальнѣйшихъ сомнѣній и разсужденій говорятъ: иди и воспитывай нашихъ дѣтей. А какъ воспитывать? — это уже ея дѣло, на то она и бонна, да еще нѣмецкая или французская, она должна знать. Результаты очень часто получаются плачевные.

Иностранному языку дѣти научаются отъ бонны довольно скоро и быстро начинаютъ болтать на немъ <sup>1)</sup>. Но дальше въ своемъ психическомъ развитіи они движутся очень мало съ своими иностранными боннами. Дѣло въ томъ, что эти бонны по большей части сами бываютъ или совершенно необразованныя, или мало образованныя особы, не могущія благотворно вліять на умственное и нравственное развитіе дѣтей. Контингентъ боннъ пополняется всякими людьми: сегодня она бонна, завтра конторщица или приказчица, а послѣзавтра — дѣвица неопредѣленныхъ занятій. Образовательнаго ценза онѣ часто не имѣютъ никакого, а нравственный также бываетъ невысокъ. Извѣстно, что какъ няни, такъ и бонны во время прогулокъ съ дѣтьми очень любятъ заниматься пріятными разговорами и довольно невнимательно слѣдятъ за дѣтьми. Дѣти составляютъ свое общество, а няни и бонны свое. Словомъ, бонна это та же няня, только иностранная, но столь же необразованная, какъ и русская няня, съ невысокимъ нравственнымъ уровнемъ, не подготовленная къ своему сложному, серьезному и отвѣтственному дѣлу. Если русская няня будетъ внушать дитяти русскія суевѣрія, различныя примѣты, суевѣрные взгляды, то бонна сообщитъ все это иностранное, нѣмецкое или фран-

<sup>1)</sup> См. вып. LIV Энцикл. семейн. восп. и обуч. Н. С. Карцовъ, Иностраные языки въ семьѣ

цузское. Но сущность будетъ та же самая. Только бонна пропитаетъ нѣсколько дитя иностраннымъ духомъ, наскажетъ ему своихъ иностранныхъ разказовъ, внушитъ свои національные взгляды, пристрастія и предразсудки и, пожалуй, научитъ нѣ-которому презрѣнію своего родного, отечественнаго, и высокой оцѣнкѣ иностраннаго, его обычаевъ и дѣятелей. Бывали случаи, что нѣмки-бонны внушали русскимъ дѣтямъ благоговѣніе предъ Бисмаркомъ.

Конечно, попадаются и хорошія бонны, хотя и рѣдко. Но изрѣдка попадаются хорошія няни и русскія. Хорошія бонны-нѣмки отличаются хозяйственностью и чистоплотностью, онѣ могутъ дѣлать въ семьѣ разныя хозяйственныя вещи; хорошія бонны-француженки отличаются веселостью, умѣньемъ занять и возбудить дѣтей.

#### Горничная и кухарка.

Можетъ показаться страннымъ, что горничная и кухарка записываются въ число воспитательницъ господскихъ дѣтей. Но это такъ есть на самомъ дѣлѣ: горничная и кухарка воздѣйствуютъ, каждая своимъ особеннымъ образомъ, свойственнымъ ея профессіи, на развитіе дитяти.

Въ обыкновенной средней семьѣ дѣти имѣютъ болѣе или менѣе свободныя сношенія съ прислугой, время отъ времени посѣщаютъ кухню и комнату для прислуги, разговариваютъ съ горничной и кухаркой, наблюдаютъ, что онѣ дѣлаютъ, и многое перенимаютъ. Дитя сейчасъ же оцѣнитъ свойства прислуги: разговорчивая или молчаливая, ласковая или суровая, любитъ играть съ дѣтьми или нѣтъ и т. д. Сообразно съ этими свойствами, дитя испытаетъ большее или меньшее вліяніе отъ прислуги. Во время отсутствія родителей прислуга обыкновенно овладѣваетъ дѣтьми, занимается, играетъ съ ними; время отъ времени няня бываетъ вынуждена отлучаться отъ дѣтей, и тогда по присмотру за дѣтьми няню замѣщаетъ горничная или кухарка. Если же няня уходитъ въ отпускъ, то горничная и кухарка правятъ ея дѣло, исполняютъ ея обязанности, конечно,

подъ надзоромъ матери. Словомъ, пути вліянія горничной и кухарки на дитя многообразны и часты.

Чѣмъ же онѣ занимаются съ дитятей?

Каждая знакомитъ съ своимъ дѣломъ. Горничная показываетъ, какъ метутъ полъ, чистятъ мебель, выколачиваютъ ковры и платье, она объясняетъ смыслъ и необходимость всѣхъ этихъ дѣйствій. А такія дѣйствія — пища для дѣтскаго ума, предметъ для подражанія, наблюденія, разговора. Посмотрѣвъ нѣсколько разъ, какъ горничная убираетъ квартиру, дитя непременно попытается ей подражать и, кромѣ того, видѣнное воспроизведетъ въ игрѣ. Горничная можетъ научить дитя какой-либо игрѣ, сообщить ему новыя выраженія, слова, обороты, рассказать сказку, такъ какъ горничная часто бываетъ въ господскихъ комнатахъ и имѣетъ много случаевъ бесѣдовать съ дѣтьми. Поэтому своеобразныя свойства горничной отражаются на дитяти. Горничными обыкновенно бываютъ молодыя дѣвушки, которыя не прочь порѣзвиться и поиграть съ дѣтьми, пошалить, попѣть, выучить дитя какой-нибудь пѣсенкѣ. Въ этой пѣсенкѣ скажется нравъ, интересы, вкусы распѣвающаго ее лица. Дѣвочка трехъ съ небольшимъ лѣтъ подошла къ матери и заявила: «мама, а я знаю новую пѣсенку» — «Какую?» — «Вотъ такую:

Мимо кузницы шла,  
Молоточекъ нашла.  
Люби меня ковалѣкъ,  
Отдамъ тебѣ молотокъ».

— «Кто тебя научилъ этой пѣсенѣ? — «Горничная». А что разъ запало въ дѣтскую головку, то будетъ держаться въ ней продолжительное время.

Кухня — совершенно новый и весьма интересный міръ для дѣтей. Тамъ много весьма любопытныхъ предметовъ: кастрюли, самовары, плита, ведра, ножи и многое множество всякихъ другихъ вещей; тамъ совершается много весьма интересныхъ дѣйствій: готовятъ супъ, рубятъ и готовятъ котлеты, чистятъ картофель и т. д.; тамъ, на кухнѣ, бываютъ такія лица, которыхъ не бываетъ въ господскихъ комнатахъ: туда заходятъ

дворники, чужія горничныя, кухарки и т. д. А все это крайне интересуетъ дѣтей. Кухарка и посвящаетъ дитя въ тайны кухни, помаленьку объясняя, что въ ней дѣлается, какъ, зачѣмъ, показываетъ все на живомъ примѣрѣ, на дѣйстви. Никакихъ отвличенностей здѣсь не допускается, отсутствуетъ, повидимому, и покой: постоянно кипитъ работа, варятъ, жарятъ, чистятъ, рѣжутъ. Все это крайне соблазняетъ дѣтей, и они съ большимъ удовольствіемъ готовы бываютъ посѣщать кухню и наблюдать, что тамъ дѣлается. Въ дѣтской игрѣ кухня отражается весьма замѣтно: у дѣтей, особенно у дѣвочекъ, нерѣдко бываетъ своя игрушечная посуда, плита и даже цѣлая кухня.

Кухарками обыкновенно бываютъ женщины болѣе солидныя и пожилыя, чѣмъ горничныя, поэтому ихъ вліяніе на дитя направляется въ болѣе серьезную сторону, чѣмъ вліяніе часто легкомысленныхъ горничныхъ. У послѣднихъ и въ рѣчи и въ пѣсенкѣ скорѣе можетъ проскользнуть сальность, чѣмъ у кухарки. Періодъ юношескихъ увлеченій кухарка обыкновенно оставила уже позади себя, пережила, и въ данный моментъ сильно занимается стряпаньемъ во всѣхъ видахъ. Поэтому на міръ она смотритъ съ болѣе серьезной и практичной точки зрѣнія, чѣмъ горничная, она прививаетъ дитяти болѣе серьезные и практическіе взгляды. Если она научитъ дитя какой-либо пѣсенкѣ, то и пѣсенка будетъ серьезная, въ которой отсутствуютъ слова любви.

Та же дѣвочка, о которой выше упомянуто, заявила однажды матери, что она знаетъ еще новую пѣсню и проговорила слѣдующее:

«Чу-чу-чу, чу-чу-чу,  
Я горохъ молочу.  
Ко мнѣ куры бѣгутъ,  
Всѣ вороны летятъ,  
Я по курицѣ цѣпомъ,  
По воронѣ топоромъ.  
Какъ изъ курицы перо,  
Изъ вороны ничего».

Пѣсенкѣ, оказалось, дѣвочку выучила на досугѣ кухарка.

Изложенныя соображенія о вліяніи прислуги на развитіе господскихъ дѣтей ставятъ внѣ всякихъ сомнѣній ту весьма важную роль, которую играетъ прислуга въ жизни дѣтей. Прислуга принимаетъ дитя на свои руки со дня рожденія и долгое время остается около него въ качествѣ самыхъ близкихъ лицъ. Кормилица передаетъ дитя нянѣ, няня боннѣ, бонна передаетъ въ свою очередь гувернанткѣ, а эта послѣдняя—школѣ и разнымъ учителямъ и учительницамъ. Въ то же время другія лица служебнаго персонала—горничныя и кухарки—также оказываютъ вліяніе на представленія дитяти о различныхъ предметахъ. Изъ лицъ прислуги и постороннихъ лицъ (гувернантки, учителя, учительницы) образуется цѣлая цѣпь, которая и держитъ дитя, глубоко проникая въ дѣтскую душу, формируя ее въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ, существенно вліяя и на тѣлесное развитіе дитяти. Всякаго рода привычки и правила, способъ пониманія и мышленія, отношенія къ людямъ, форму рѣчи и религіи—все передадутъ и привьютъ эти лица дитяти. Глубина вліянія прислуги на дѣтей обусловливается и нѣжнымъ возрастомъ дѣтей, ихъ чрезвычайною воспріимчивостью и весьма продолжительнымъ временемъ вліянія. Все это должно вызывать родителей на серьезныя размышленія объ относительномъ значеніи родительскаго вліянія на дитя сравнительно съ вліяніемъ прислуги.

Родители считаютъ необходимымъ доставать средства для оплаты лицъ, занимающихся воспитаніемъ ихъ дѣтей—кормилицъ, нянь, боннь и т. д., но часто не считаютъ необходимымъ сколько-нибудь серьезно самимъ заниматься воспитаніемъ дѣтей. Они только надзираютъ, при чемъ тщательность надзора бываетъ весьма различна. Отсюда возникаетъ серьезная опасность, что дѣти будутъ дѣтьми своихъ родителей главнымъ образомъ по плоти, по духу же они будутъ дѣтьми тѣхъ лицъ, которыя фактически занимаются ихъ воспитаніемъ, слѣдятъ за ними съ часа на часъ, съ минуты на минуту, т.-е. дѣтьми прислуги. Этотъ выводъ очень грустный, очень обидный для родителей, но весьма правдоподобный, близкій къ дѣйствитель-

ности, если родители слишкомъ много полагаются на прислугу, передаютъ ей своихъ дѣтей. На этотъ выводъ мы особенно хотѣли бы обратить вниманіе интеллигентныхъ родителей. Они много живутъ умомъ, разными духовными и общественными интересами, они стараются по мѣрѣ возможности приносить пользу другимъ, содѣйствовать общему благу. Все это, конечно, прекрасно. Но, стремясь къ осуществленію болѣе или менѣе отдаленныхъ благихъ цѣлей, имѣющихъ предметомъ общество, родители нерѣдко упускаютъ изъ вида ближайшее, находящееся подъ рукой, въ своей семьѣ, и въ то же время чрезвычайно важное — воспитаніе своихъ дѣтей. Мы, конечно, далеки отъ мысли посовѣтовать интеллигентнымъ родителямъ ослабить свою общественную дѣятельность — на Руси такъ мало общественной инициативы и дѣятельности, а онѣ такъ крайне необходимы, что всякое помышленіе объ ихъ сокращеніи есть тяжкій грѣхъ предъ обществомъ; мы хотимъ только сказать, чтобы интеллигентные родители расширили кругъ своей интеллектуальной дѣятельности и захватили въ этотъ кругъ не отдаленное, а ближайшее—свою семью, ея юныхъ членовъ, чтобы въ разрядъ своихъ дѣйствительно важныхъ дѣлъ они поставили и личное серьезное занятіе воспитаніемъ своихъ дѣтей. Если важность этого дѣла будетъ чистосердечно и твердо признана, то для него всегда найдется время, безъ ущерба для другихъ серьезныхъ важныхъ дѣлъ. Въдь много и у интеллигентныхъ людей идетъ времени даромъ, на пустяки, напримеръ, у отцовъ на винтъ, а у матерей на безцѣльные и неинтересные визиты и разговоры. Если же родители не признаютъ необходимымъ лично и серьезно заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, то имъ будетъ угрожать весьма незавидная участь: они останутся родителями своихъ дѣтей только по плоти, по духу же ихъ дѣти будутъ дѣтьми прислуги.

Отчасти это такъ и есть въ современной семьѣ. При опросѣ московскаго студенчества былъ поставленъ такой вопросъ: воспитывали главнымъ образомъ родители или нѣтъ, или же воспитаніемъ никто не занимался? Отвѣтовъ на этотъ вопросъ было получено 2147. Изъ нихъ, конечно, оказалось, что вос-

питывали, главнымъ образомъ, родители (1531 отвѣтъ, 71,3%), но сдѣлано было и такое любопытное заявленіе, что воспитаніемъ никто не занимался (376 отвѣтовъ, 17,5%), или же занимались другія лица, не родители. Кто же именно? Братья (75 отвѣтовъ, 14%), сестры (100 отв., 18,6%), родственники (46 отв., 8,6%), посторонніе (94 отв., 17,7%), няньки (65 отв., 12,1%), бонны (116 отв., 21,6%), гувернантки (37 отв., 6,7%), гувернеры (4 отв., 0,7%). Всѣ эти лица занимались воспитаніемъ дѣтей взамѣнъ родителей. Но и при дѣятельномъ занятіи родителей воспитаніемъ означенныя лица нерѣдко, вѣроятно, являлись помощниками родителей по воспитанію дѣтей, болѣе или менѣе важными. Отсюда понятно, что на вопросы, поставленные московскимъ студентамъ: существовала нравственная близость съ родителями или съ воспитывавшими лицами или нѣтъ? И сохранилась духовная связь съ семьей или порвалась? — были получены такіе отвѣты: на первый — при большинствѣ утвердительныхъ отвѣтовъ (1329 изъ 2107) было дано 778 (36,9%) отрицательныхъ, весьма значительное число; а на второй — при 1452 утвердительныхъ отвѣтахъ изъ общаго числа 1923 отрицательныхъ отвѣтовъ было дано 471 (24,5%), каковое число также значительно <sup>1)</sup>.

## VI.

### Расширеніе дѣтской индивидуальности.

Создать благопріятную среду для развитія всѣхъ цѣнныхъ свойствъ воспитываемой личности не значить сдѣлать все, что нужно, для правильной постановки семейнаго воспитанія. Пусть цѣнные свойства личности развиваются всѣ; но личность никогда не можетъ представить совокупности всѣхъ цѣнныхъ человѣческихъ свойствъ. Каждая личность есть ограниченное существо, далеко не исчерпывающее богатства человеческой природы. У данной личности, скажемъ, пять цѣнныхъ

<sup>1)</sup> Членовъ, Половая перепись моск. студенчества. Стр. 34.



свойствъ, а въ человѣческой природѣ ихъ 30 или 50. Конечно, стремиться сдѣлать воспитываемаго владѣльцемъ всѣхъ цѣнныхъ человѣческихъ свойствъ, значить задаваться невыполнимою задачей: совмѣстить въ одной личности все цѣнное, исчерпать человѣческую природу невозможно, идеалы всегда бываютъ гораздо шире, богаче и прекраснѣе дѣйствительности. Но, съ другой стороны, и оставаться при наличности цѣнныхъ свойствъ даннаго воспитываемаго субъекта, нерѣдко весьма ограниченнаго, неудобно. Нужно расширить дѣтскую индивидуальность, если не всеми, то нѣкоторыми новыми цѣнными свойствами, которыхъ у ней нѣтъ, нужно обогатить ее, сдѣлать дитя изъ скуднаго человѣческаго образа и подобія настоящимъ, по возможности, полнымъ человѣкомъ, которому ничто человѣческое не было бы чуждо. Нужно, чтобы человѣкъ жилъ полною человѣческою жизнью, а не глядѣлъ на нее, не понимая ее и не принимая въ ней дѣятельнаго участія.

На ряду съ цѣнными свойствами въ каждой воспитываемой личности есть и недостатки. У каждаго воспитываемаго есть своя наслѣдственность, и добрая и худая, въ каждомъ воспитываемомъ живутъ его предки, и ближайшіе и отдаленные. Неудовлетворительная наслѣдственность бываетъ разнообразна: то встрѣчаются предрасположенія къ довольно многимъ тѣлеснымъ заболѣваніямъ, то обнаруживается цѣлый рядъ духовныхъ недочетовъ и недостатковъ. Какъ съ ними быть? Оставить ихъ въ покоѣ нельзя, плевелы, пожалуй, совѣмъ заглушатъ пшеницу и изъ воспитываемаго образуется нѣчто весьма непривлекательное и недоброкачественное. Нужно съ недостатками бороться, нужно ихъ искоренять, вмѣсто дурнаго необходимо насаждать хорошее. А чтобы съ успѣхомъ приняться за измѣненіе личности въ видахъ ея усовершенствованія, предварительно неизбѣжно изучить воспитываемую личность, выяснить ея цѣнные свойства, ея неудовлетворительную наслѣдственность и выработать правильную систему дѣйствій, опредѣлить тѣ свойства, къ насажденію которыхъ нужно стремиться.

Совершенно справедливо писалъ Прейеръ въ предисловіи къ

первому изданію своей книги *Die Seele des Kindes* (1882 г.), что душа новорожденнаго младенца не *tabula rasa*, на которой внѣшнія впечатлѣнія отражаются во всей своей силѣ и неприкосновенности, а такая доска, «на которой до рожденія дитяти уже написаны многіе весьма нечеткіе, едва читаемые и видимые знаки, представляющіе слѣды безчисленныхъ чувственныхъ впечатлѣній, полученныхъ давно жившими поколѣніями... Чѣмъ внимательнѣе дитя наблюдается, тѣмъ болѣе читаемыми становятся знаки, принесенные дитятей съ собою въ міръ. Тогда узнаютъ тотъ капиталъ, который каждое отдѣльное дитя унаслѣдовало отъ своихъ предковъ и который не получается отъ впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ, и что ложно думать, что будто бы человекъ учится мыслить, хотѣть и чувствовать только благодаря своимъ внѣшнимъ чувствамъ. Въ психогенезисѣ наследственность такъ же важна, какъ и собственная дѣятельность. Поэтому предстоитъ задача «распознать и разобрать іероглифы души дитяти».

Слѣдовательно, работа по расширенію дѣтской индивидуальности распадается на три частныя задачи:

а) изучить дѣтскую индивидуальность, всѣ ея свойства, и хорошія и слабыя;

б) вступитъ въ борьбу съ дѣтскими недостатками и попытаться искоренить ихъ;

в) стремиться къ привитію воспитываемой личности новыхъ цѣнныхъ свойствъ.

а) Изученіе дѣтской индивидуальности.

Чѣмъ ранѣе начать изученіе дѣтской индивидуальности, тѣмъ лучше, потому что первоначальныя обнаруженія дѣтской души весьма просты. Они заключаются въ отвѣтахъ на получаемыя возбужденія — зрительныя, слуховыя, осязательныя, обонятельныя, тепловыя, голода, жажды, боли и т. п. и состоятъ въ крикахъ, плачѣ, движеніяхъ всѣмъ тѣломъ или отдѣльными органами, въ краснотѣ лица и тѣла, въ потѣ и т. д. Эти простѣйшія реакціи дѣтей бываютъ различны, каждое дитя нѣсколько по-своему сосетъ грудь, обнаруживаетъ жадность или спокойствіе при сосаніи, сосетъ слабо или

энергично, ищетъ свѣта или равнодушно къ нему, совершаетъ обильныя движенія или слабыя, кричитъ и плачетъ громко или тихо, къ одному предмету тянется, отъ другого отворачивается и такъ безъ конца: каждый младенецъ нѣсколько по-своему и ѣсть и спитъ и плачетъ и смѣется и сидитъ и ходить, словомъ, все дѣлаетъ съ нѣкоторыми особенностями. Одни дѣти очень воспріимчивы къ теплу и холоду, другія относительно равнодушны; одни постоянно веселы и хорошо переносятъ боль, другія пищать и плачутъ при малѣйшемъ поводѣ; у однихъ видъ сонный и вялый, раздражительность слабая, есть какъ будто бы какая-то угрюмость, сухость и даже тупость, у другихъ видъ оживленный и даже иногда нѣсколько лукавый, рано обнаруживается способность подражать и даже понимать нѣжность и ласковость. Вотъ эти-то особенности и нужно наблюдать и изучать, чтобы понять, что за младенецъ сидитъ на рукахъ.

Родителямъ и воспитателямъ довольно долгое время придется быть не столько руководителями развитія родившагося организма, сколько тщательными и совѣтливыми его наблюдателями. Дитя медленно, какъ бы ощупью, будетъ приспосабливаться къ окружающей средѣ, жадно и въ то же время боязливо ловить всѣ впечатлѣнія. Оно будетъ какъ бы выпускать изъ себя невидимыя щупальцы и ими дотрогиваться до всего, до чего оно можетъ дотронуться. Не только нужно наблюдать, но и изучать, къ чему дитя тянется и отъ чего отворачивается, чтобы понять дитя, его индивидуальность. Родителямъ и воспитателямъ нужно воздерживаться на первыхъ порахъ отъ вмѣшательства въ реакціи дитяти на впечатлѣнія среды, потому что для того, чтобы понять природу родившагося, что онъ съ собою принесъ въ міръ, какую наслѣдственность, какой даръ жизненнаго строительства, для этого необходимо тщательно изучать реакціи самого дитяти на впечатлѣнія, не примѣшивая къ самобытной дѣятельности дѣтскаго организма своихъ элементовъ, воздѣйствій и указаній.

По мѣрѣ возраста реакціи дитяти на впечатлѣнія будутъ опредѣленнѣе и рѣзче, оно будетъ все замѣтнѣе и сильнѣе вы-

дѣлаться изъ другихъ дѣтей. Явленія, въ которыхъ съ большею или меньшею опредѣленностью будетъ выражаться индивидуальность дитяти, и которыя поэтому должны подлежать особому тщательному наблюденію, суть слѣдующія, въ порядкѣ ихъ постепеннаго усложненія:

1) Разнообразныя движенія органовъ тѣла вообще, со включеніемъ криковъ, и личная мимика въ частности. Отвѣтъ на получаемыя впечатлѣнія различными движеніями и криками—самая простѣйшая реакція организма. Сообразно съ различіемъ строенія органовъ, и движенія ихъ бываютъ различны. Сила впечатлѣнія также много вліяетъ на энергію реакціи. Всѣ эти разнообразныя движенія и крики и подлежатъ тщательному наблюденію, такъ какъ въ силѣ или вялости реакцій, ихъ разнообразіи или однообразіи, ихъ большомъ или маломъ числѣ уже будутъ сказываться врожденныя особенности дитяти.

2) Дѣтская рѣчь. Въ усвоеніи дитятей членораздѣльной рѣчи все любопытно и характерно: и начало попытокъ говорить и постепенное овладѣніе связною рѣчью, и богатство дѣтскаго словаря въ разные возрасты дитяти, и преобладающіе роды словъ, и главные недостатки и искаженія рѣчи, и явныя попытки собственнаго творчества въ области языка. Въ развитіи дѣтской рѣчи и въ ея особенностяхъ будутъ съ значительною ясностью проглядывать даровитость дитяти или слабость его духовныхъ силъ, преобладающіе интересы и склонности дитяти и общій тонъ и темпъ его духовной жизни—бодрый, быстрый, рѣшительный или вялый, медленный и слабый. Было бы очень желательно поэтому вести тщательный дневникъ по развитію рѣчи дитяти и отмѣчать въ немъ все, касающееся дѣтскаго языка.

3) Дѣтскія игры и отношенія къ товарищамъ. Въ дѣтскихъ играхъ сказывается вся природа дитяти, преимущественно же общественныя инстинкты. Дитя съ сильнымъ общественнымъ инстинктомъ будетъ тянуться къ общимъ играмъ съ товарищами, причемъ весьма характерно будетъ его поведеніе въ общественной игрѣ—будетъ ли дитя стремиться командовать

товарищами въ игрѣ, выбирать для себя соотвѣтствующія командующія роли, или оно охотно будетъ удовлетворяться и ролями болѣе скромными, не только безъ командованія, но и съ подчиненнымъ положеніемъ. Въ играхъ и вообще въ сношеніяхъ съ товарищами отчетливо обнаружится, что дитя завистливо или нѣтъ, доброжелательно ли къ другимъ, готово поступиться своимъ въ пользу другого, или, наоборотъ, готово отнимать у другихъ имъ принадлежащее, что оно предприимчиво, настойчиво въ своихъ начинаніяхъ или бросаетъ ихъ при первомъ препятствіи, насколько склонно оно къ аффектамъ и насколько бурно они протекаютъ и т. п. И другія стороны природы дитяти, напримѣръ, склонность къ той или другой дѣятельности, къ шумной или тихой, къ одиночной или совмѣстной съ другими, къ дѣятельности, требующей главнымъ образомъ помощи глаза или слуха или крѣпкой мускулатуры—все это очень опредѣленно обнаружится въ играхъ и въ отношеніяхъ съ товарищами.

4) Различныя образовательныя упражненія. Дѣтей учатъ рисовать, лѣпить, читать, показываютъ имъ книжки съ картинками, даютъ читать произведенія дѣтской литературы, учатъ считать, наблюдать природу и т. п. Интересно и важно подмѣчать, къ чему дитя будетъ относиться съ интересомъ и къ чему безъ интереса, какія упражненія его будутъ привлекать и увлекать, за какія оно будетъ братья неохотно, съ нерасположеніемъ, что ему будетъ удаваться и что нѣтъ. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ дитя будетъ пытаться само сочинять, рассказывать, рисовать картины, воздвигать постройки и т. п. Всѣ особенныя склонности дѣтей въ перечисленныхъ и подобныхъ упражненіяхъ будутъ, несомнѣнно, яснымъ указаніемъ на характерныя свойства, сильныя и слабыя, воспитываемой личности.

Наблюденіе и изученіе дѣтскихъ свойствъ займутъ много времени, они будутъ продолжаться годы. Поэтому замѣченное легко можетъ забыться или подвергнуться искаженію отъ дѣйствія новыхъ наблюденій и впечатлѣній, отчего практика воспитанія, цѣлесообразность предпринимаемыхъ мѣръ постро-

даютъ. Для избѣжанія такихъ недостатковъ въ семейномъ воспитаніи полезно было бы родителямъ и воспитателямъ вести правильно, изо дня въ день, педагогическій дневникъ, въ который и заносить ежедневно всѣ сколько-нибудь важныя и значительныя наблюденія надъ воспитываемымъ, въ строго объективномъ и беспристрастномъ духѣ, безъ примѣси своихъ субъективныхъ чувствъ и расположеній. Такой дневникъ очень важенъ для всѣхъ дѣятелей по семейному воспитанію, онъ былъ бы педагогическимъ евангеліемъ семьи, въ которомъ постепенно, рукой внимательнаго и любящаго наблюдателя, были бы обрисованы всѣ воспитываемые, были бы изображены ихъ портреты. Чрезвычайно любопытно и поучительно было бы перелистывать такое семейное евангеліе членамъ семьи, характеристики которыхъ даны въ немъ, по достиженіи ими зрѣлаго возраста, при устройствѣ собственнаго семейнаго очага и при воспитаніи своихъ дѣтей. Существенное изъ этого дневника и въ самомъ сжатомъ видѣ слѣдовало бы сообщать школьному начальству при поступленіи дѣтей въ школу <sup>1)</sup>.

Изученіе дѣтей указаннымъ способомъ приведетъ къ раскрытію дѣтской природы, къ обнаруженію ея цѣнныхъ свойствъ. Нѣтъ дитяти, у котораго не было бы положительныхъ цѣнныхъ свойствъ, каждое владѣтъ, можетъ быть и невидимымъ, не бросающимся въ глаза, но какимъ-либо цѣннымъ своеобразнымъ свойствомъ. Ни одна личность не повторяетъ другую не только физически, но и духовно, въ каждой есть нѣчто свое. Это-то свое и цѣнно, потому что оно неповторяемо, индивидуально. Даже у малоспособныхъ дѣтей, съ явными недочетами по сравненію съ нормальными, очень часто встрѣчаются свои спеціальныя умѣренныя дарованія, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, даже чаще, чѣмъ у совершенно нормальныхъ. Тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ, кромѣ идио-

---

<sup>1)</sup> Желаящимъ получить болѣе подробныя указанія о томъ, какъ изучать дѣтей, какими методами и приемами и какъ вести дневники наблюденій, совѣтуемъ заглянуть въ книгу У. Друммонда. Введеніе въ изученіе ребенка (Москва, 1910 г.) и особенно внимательно прочитать главы V и VI. (Методы изученія дѣтства и Какъ изучать младенца).

тизма, ничего не видитъ, тамъ тщательный наблюдатель открываетъ цѣнное качество. Напримѣръ, вотъ 12-лѣтній мальчикъ, не умѣющій отличить, что выше, что ниже, что короче, что длиннѣе, спрашивающій при видѣ идущихъ рядомъ доктора и его дочери: кто выше, докторъ или его дѣвочка? А дѣвочка была почти вдвое меньше своего отца. Потребовалось два мѣсяца ежедневныхъ систематическихъ упражненій, чтобы научить этого мальчика отличать чучело зайца отъ чучела пѣтуха и узнавать ихъ. Слова: сегодня, завтра, вчера, мѣсяць назадъ, прошлый годъ были пустымъ звукомъ для этого мальчика, не возбуждали никакихъ представлений. Значитъ — идиотъ. А между тѣмъ этотъ идиотъ по части иностранныхъ языковъ, исторіи и всего того, что требовало участія слуха, рѣчи и памяти, проявлялъ способности, особенно же хорошо онъ декламировалъ, не хуже актрисы. И такихъ наблюденій много <sup>1)</sup>.

Подобныя цѣнныя свойства, въ большей или меньшей мѣрѣ, или оригинальныя сочетанія обыкновенныхъ свойствъ, есть въ каждой личности, ихъ-то и нужно открыть внимательнымъ изученіемъ ея природы, а потомъ ихъ культивировать, создавая для ихъ развитія во всѣхъ отношеніяхъ благоприятную воспитательную среду, очерченную въ предъидущихъ главахъ.

б) Виды дѣтскихъ недостатковъ и средства борьбы съ ними.

Вопросъ о дѣтскихъ недостаткахъ, ихъ классификаціи и, отчасти, о борьбѣ съ ними давно уже привлекаетъ вниманіе педагоговъ. Едва ли можно указать между выдающимися педагогами хотя бы одного, который не сдѣлалъ бы краткихъ или пространныхъ замѣчаній по этому предмету. Но особенное вниманіе вопросъ о дѣтскихъ недостаткахъ привлекъ къ себѣ съ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда появился

---

<sup>1)</sup> Дефективныя дѣти и школа. Сборникъ статей подъ редакціей Каченко. М. 1912 г. Статья И. И. Воскобойникова, Специальныя дарованія и творчество дефективныхъ дѣтей.

цѣлый рядъ изслѣдованій по упомянутому вопросу, какова книга Дюпанлу L'Enfant (въ 1889 году вышла пятымъ изданіемъ). Вообще всѣ педагоги-богословы, которые основывали свою теорію на догматѣ о первородномъ грѣхѣ, внимательно относились къ вопросу о дѣтскихъ недостаткахъ, сообразно съ самымъ существомъ своей педагогической теоріи.—Множество статей о дѣтскихъ недостаткахъ вызвалъ Штрюмпель своей книгой Die Pädagogische Pathologie (второе изданіе 1892 года). За Штрюмпелемъ послѣдовали Кёцле, написавшій книгу подъ тѣмъ же заглавіемъ (Die Pädagogische Pathologie in der Erziehungskunde des 19 Jahrhunderts, 1893), Трюперъ (Psychopathische Mindervertigkeiten im Kindesalter, 1893), Шольцъ (Die Charakterfehler des Kindes, 1891, есть въ русскомъ переводѣ); А. Spitzner Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Lehre von den psychopathischen Mindervertigkeiten für die Pädagogik. 1894; W. Strohmayer, Лекціи по психопатологіи дѣтскаго возраста для врачей и педагоговъ. Москва, 1913 г. и другіе.

Прежде чѣмъ вступать въ борьбу съ дѣтскими недостатками, нужно ознакомиться съ ними, съ ихъ числомъ, свойствами и причинами.

Штрюмпель и по пятамъ слѣдующій за нимъ Кёцле для ознакомленія съ дѣтскими недостатками поступили слѣдующимъ образомъ: пользуясь собственнымъ опытомъ и наблюденіями надъ дѣтьми, педагогической литературой (этимъ источникомъ широко пользовался Кёцле) и сообщеніями знакомыхъ учителей и учительницъ, они составили алфавитный списокъ дѣтскихъ недостатковъ, съ ихъ краткой характеристикой. Списокъ оказался довольно длиннымъ, у Штрюмпеля онъ заключаетъ 300, а у Кёцле 914 наименованій дѣтскихъ недостатковъ.

Насколько полезна такая работа?

Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣтскихъ недостаткахъ даетъ и она, изъ алфавитнаго списка можно составить себѣ нѣкоторое общее обозрѣніе дѣтскихъ недостатковъ, прежде всего въ количественномъ отношеніи. Но болѣе серьезнаго и глубокаго значенія она не имѣетъ, ей присущи, напротивъ,



весьма важные недостатки. Въ алфавитномъ спискѣ не выдѣлены недостатки дѣтскаго возраста отъ другихъ возрастовъ, большинство наименованій указываетъ на недостатки, присутіе всеѣмъ возрастамъ, напримѣръ, безхарактерность, эгоизмъ, лѣность, злой языкъ, тщеславіе, жадность, лживость, кокетство и т. д. Даже можно утверждать, что многіе изъ поименованныхъ недостатковъ гораздо болѣе свойственны возрастамъ выше дѣтскаго, чѣмъ дѣтскому, каковы кокетство, безхарактерность, лѣность и др. Далѣе, въ числѣ недостатковъ поименованы нѣкоторыя физическія и психическія болѣзни, чуждыя нормальному здоровому дитяти, каковы кретинизмъ, болѣзненные расположенія и настроенія чувства, ипохондрія и истерія, онанизмъ, заиканіе, тупость осязанія и обонянія, болѣзненная острота этихъ органовъ и т. д. Затѣмъ, вникая въ смыслъ поименованныхъ дѣтскихъ недостатковъ и ихъ взаимныя отношенія, мы легко открываемъ, что многія наименованія обозначаютъ по существу одинъ и тотъ же недостатокъ, вся разница смысла касается лишь оттѣнковъ, видоизмѣненій, степени и т. п. того же самаго явленія. Такъ, число недостатковъ, основное значеніе которыхъ есть злость—злоба, злобный, злой характеръ, злая воля,—превосходитъ 30; число недостатковъ, относящихся къ собственному я и выражающихъ преобладаніе собственной личности и ея интересовъ надъ личностью и интересами другихъ, свыше 100; число недостатковъ, выражающихъ лѣность, боязнь работы, свыше 50; честолюбіе, гордость, высокомеріе и т. п. свыше 100; боязливость—около 50; жестокость, гнѣвливость—свыше 100; живость—свыше 60 и т. д. Само собой разумѣется, что въ алфавитномъ спискѣ дѣтскихъ недостатковъ нѣтъ указаній на причины ихъ, развитіе, на средства борьбы съ ними, словомъ, на все то, что такъ нужно и важно знать о дѣтскихъ недостаткахъ. Алфавитный списокъ—это только первое, самое грубое, поверхностное и недостаточное знакомство съ дѣтскими недостатками, это камни, разложенные одинъ возлѣ другого, которые нужно обдѣлать, разсортировать и потомъ уже строить изъ нихъ зданіе.

Обратимся къ разсмотрѣнію классификаціи дѣтскихъ не-

достатковъ. Въ классификаціяхъ, какъ извѣстно, классифицируемыя явленія распределяются въ логическомъ, а не въ алфавитномъ порядкѣ, и самыя классификаціи нерѣдко заключаютъ указанія на причины классифицируемыхъ явленій.

Такъ какъ дѣтскіе недостатки систематически и серьезно изучаются преимущественно лишь въ послѣднее время, то установившейся ихъ классификаціи не существуетъ и вообще не существуетъ подробно и основательно разработанной классификаціи дѣтскихъ недостатковъ, за исключеніемъ классификаціи Штрюмпеля, о которой будетъ рѣчь. Существующія классификаціи суть лишь бѣглые общіе очерки классификацій, составленные на основаніи совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ какъ и такія классификаціи даютъ нѣкоторыя представленія о главнѣйшихъ группахъ дѣтскихъ недостатковъ и ихъ происхожденіи, то мы и остановимся на характеристикѣ существующихъ классификацій.

I. Есть нѣсколько классификацій, построенныхъ въ сущности на одномъ и томъ же принципѣ, имѣющихъ въ основѣ одну и ту же мысль. Это раздѣленіе дѣтскихъ недостатковъ на наслѣдственные и приобрѣтенные, естественные и искусственные, внутренніе и внѣшніе, хроническіе и острые. По этимъ классификаціямъ всѣ дѣтскіе недостатки распадаются на двѣ большія группы: такіе недостатки, источникъ которыхъ заключается въ самомъ чловѣкѣ, въ его природѣ, въ его врожденныхъ свойствахъ, и такіе, которые возникаютъ въ чловѣкѣ подъ влияніемъ другихъ, окружающей среды, или прививаются данному субъекту. Несомнѣнно, что такое раздѣленіе имѣетъ свое основаніе, что такимъ раздѣленіемъ указываются два главные источника дѣтскихъ недостатковъ. Но этой классификаціи недостаточно, потому что какъ наслѣдственные недостатки, такъ и приобрѣтенные бываютъ весьма различными. Классификація должна быть болѣе обширной и болѣе гибкой, чтобы свободно охватывать всѣ группы недостатковъ, не только главные, но и второстепенные. Кромѣ того, даже и съ указанной точки зрѣнія разсматриваемая классификація не была подробно разработана.

II. Вторая классификація распредѣляетъ недостатки также на двѣ группы. Недостатки первой группы возникаютъ изъ преобладанія тѣлесныхъ вліяній надъ духовными въ сознаніи человѣка, а недостатки второй группы имѣютъ чисто духовныя причины своего возникновенія. Такое различеніе дѣтскихъ недостатковъ само по себѣ до извѣстной степени справедливо, но это слишкомъ частная точка зрѣнія, не дающая возможности съ достаточною основательностью обозрѣть всю обширную область дѣтскихъ недостатковъ и указать характерныя особенности каждой отдѣльной группы ихъ.

III. Третья классификація дѣтскихъ недостатковъ принадлежитъ Шольцу. Онъ различаетъ недостатки чувствованій, мышленія и желаній съ дѣйствіями. Его классификація совпадаетъ такимъ образомъ съ принятымъ дѣленіемъ душевныхъ явленій на три класса и вмѣстѣ съ этимъ дѣленіемъ стоитъ и падаетъ. Недостатки, присущіе общей психологической классификаціи, очевидно, переходятъ и на частную классификацію дѣтскихъ недостатковъ, послѣдняя самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Тотъ, кто признаетъ традиционное трехклассное дѣленіе душевныхъ явленій удовлетворительнымъ, того удовлетворитъ и частная классификація Шольца; кто же ищетъ основъ для иной классификаціи душевныхъ явленій вообще, тотъ признаетъ недостаточнымъ и трехклассное дѣленіе дѣтскихъ недостатковъ. По Шольцу, главнѣйшихъ дѣтскихъ недостатковъ 34.

IV. Четвертая классификація принадлежитъ Штрюмпелю. Это наиболѣе подробно разработанная классификація, по которой дѣтскіе недостатки распадаются на четыре группы. Къ первой группѣ принадлежатъ недостатки, возникающіе изъ перевѣса тѣлесныхъ вліяній на психическія явленія, изъ вынужденнаго подчиненія психики тѣлу, таковы изнѣженность, вялость, лѣнь, нервозность, недостатокъ чувствительности къ внѣшнимъ возбужденіямъ, склонность къ лакомству, гнѣвливость, холодность чувства, склонность къ жестокости, грубость различныхъ видовъ и многіе другіе. Обычныя недостатки этой группы основываются на различіяхъ въ тѣлесномъ складѣ личностей, на измѣненіяхъ въ состояніи тѣлеснаго здоровья.

Ко второй группѣ принадлежатъ такіе недостатки, которые возникаютъ въ психическомъ механизмѣ изъ внутреннихъ причинъ, изъ различныхъ нарушеній и неправильностей его, преимущественно жизни представленій, въ неудовлетворительной выработкѣ логическаго связыванія и его соотношенія съ желаніями и хотѣніями, каковы затрудненное и недостаточное запоминаніе видѣннаго, слышаннаго, вообще пережитаго, неправильное припоминаніе, смѣшеніе одного съ другимъ, расплывающаяся фантазія, невнимательность, болтливость, тяжелое и медленное пониманіе, беспомощность въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ и дѣйствіяхъ, недостатокъ памяти, желаній и многіе другіе. Недостатки этой группы коренятся главнымъ образомъ въ умственной дѣятельности дитяти и съ ними приходится имѣть дѣло преимущественно при преподаваніи и обученіи, слѣдовательно въ школахъ. Къ третьей группѣ принадлежатъ недостатки, возникающіе изъ неправильныхъ отношеній между психическимъ механизмомъ и высшимъ свободнымъ душевнымъ развитіемъ—эстетическимъ, нравственнымъ, логическимъ, а равно и изъ недостаточности послѣднихъ, каковы нетерпимость, бранчивость, лживость, гордость, зависть, упрямство, самолюбіе, неблагодарность, злость, слабость воли въ выполненіи принятыхъ рѣшеній, недостатокъ выдержки, эстетичности, благожелательности, нравственныхъ чувствованій и многіе другіе. Недостатки этой группы преимущественно принадлежатъ областямъ сердца и характера и касаются индивидуальнаго развитія сознанія въ опредѣленной личности. Къ четвертой группѣ принадлежатъ недостатки, возникающіе вслѣдствіе того, что различныя направленія высшаго свободнаго развитія, свободныя причинности не дѣйствуютъ настолько дружно между собою, насколько это было бы необходимо, чтобы сообщить ихъ продуктамъ печать идеальной нормальности. Недостатки этой категоріи особенно становятся замѣтными при переходѣ изъ дѣтскаго возраста въ юношескій и въ теченіе послѣдняго. Обозначить недостатки этой группы отдѣльными словами очень трудно, для примѣра можно указать на легкомысліе, недостатокъ самоуправленія, самопринужденія, слабость

въ борьбѣ между объективной и субъективной сторонами характера.

Классификація Штрюмпеля наиболѣе разработанная и подробная, но и она страдает многими недостатками. Прежде всего, она затрудняетъ терминами, которые безъ объясненій не могутъ быть достаточно поняты и которые находятся въ самой тѣсной связи съ психологіей Штрюмпеля, отличающейся отъ обыкновенной. Что собственно нужно понимать подъ психическимъ механизмомъ, что подъ свободными причинностями, какъ мыслить взаимныя отношенія психического механизма и свободныхъ причинностей, какіе могутъ быть недочеты въ дружномъ дѣйствованіи причинностей—все это неясно; а чтобы понять надлежащимъ образомъ дѣло, нужно ознакомиться съ психологіей Штрюмпеля. Обращаясь отъ терминовъ къ внутреннему содержанию и смыслу классификаціи Штрюмпеля, мы не можемъ не замѣтить ея сходства съ классификаціей Шольца. Если выразить классификацію Штрюмпеля простыми словами, то получатся слѣдующія четыре группы дѣтскихъ недостатковъ: 1) недостатки отъ преобладанія физическихъ процессовъ надъ духовными; 2) недостатки представленій и мышленія; 3) недостатки чувствованій и характера и 4) недостатки гармоніи высшей воли, практическаго разума. Поэтому о классификаціи Штрюмпеля въ сущности можно сказать то же, что и о классификаціи Шольца. А о той и другой вмѣстѣ къ замѣченному нужно прибавить, что въ нихъ недостатки дѣтства не обособлены отъ недостатковъ другихъ возрастовъ, а классификація Штрюмпеля построена не столько на изученіи дѣтскихъ недостатковъ, сколько на разсмотрѣннй общихъ отклоненій теченія душевныхъ процессовъ отъ нормы.

При обсужденіи вопроса о дѣтскихъ недостаткахъ необходимо прежде всего имѣть въ виду, что дѣтскіе недостатки бываютъ весьма различны по своей природѣ и происхожденію, что этимъ словомъ обозначаются явленія неодинаковыя.

Къ числу дѣтскихъ недостатковъ нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ Штрюмпель и Кёцле) относятъ свойства дѣтства, которыя недостатками можно называть только съ большою

осторожностью, такъ какъ они суть необходимыя качества всѣхъ дѣтей и съ дѣтствомъ проходятъ, исчезаютъ. Быть дитятей и не имѣть этихъ свойствъ невозможно, это не недостатки дѣтства, а свойства дѣтскаго возраста. Таковы склонность къ плачу, крику, смѣху, склонность рвать и разрушать, непосѣдливость, нетерпѣливость, необдуманность, поверхностность, механичность, болтливость, боязливость, эгоистичность, неблагодарность. Поименованныя качества суть недостатки дѣтей съ точки зрѣнія взрослого и по сравненію съ взрослымъ, но въ строгомъ смыслѣ слова ихъ недостатками называть нельзя. Они суть неизбѣжныя свойства дѣтства, всѣ дѣти имѣютъ ихъ. Предпринимать особенныя мѣры противъ этихъ неприятныхъ свойствъ нѣтъ никакой нужды, противъ нихъ самое лучшее лѣкарство — правильное общее развитіе дитяти. Съ возрастомъ эти свойства исчезаютъ. Недатками поименованныя свойства могутъ быть признаваемы лишь тогда, когда они изъ дѣтскаго возраста переходятъ въ другіе, не исчезаютъ тогда, когда, при правильномъ общемъ развитіи дитяти, они должны исчезнуть. Ихъ существованіе въ позднѣйшіе возрасты будетъ служить непререкаемымъ свидѣтельствомъ допущенныхъ промаховъ въ постановкѣ общаго воспитанія личности.

Другой обширный классъ дѣтскихъ свойствъ также называется недостатками, впрочемъ съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ первый. Это такія свойства, которыя суть результатъ природы дитяти, унаслѣдованной имъ организациі. Эти свойства такъ же безраздѣльны съ отдѣльною личностью, какъ первые безраздѣльны съ возрастомъ дѣтства. По сравненію съ свойствами дѣтей, богато одаренныхъ или даже просто вполне нормальныхъ, такія свойства суть недостатки. Они суть результатъ несовершенства, недочетовъ въ организациі личности, таковы тупой слухъ, близорукость, тупость осязанія, обонанія, вкуса, слишкомъ сильная возбудимость виѣшними впечатлѣніями, слабость памяти, слабоуміе, сильная и ранняя склонность къ жестокости, общая вялость и неподвижность, склонность къ обжорству, нервность, очень медленное и трудное физическое

и психическое развитіе. Всѣ эти недостатки имѣютъ свое основаніе въ несовершенствѣ какого либо органа—нервной системы, зрѣнія, слуха и другихъ внѣшнихъ чувствъ, пищеварительной системы, мускульной. Это недостатки, но никогда не нужно забывать, что это суть унаслѣдованные недостатки, что они составляютъ природу личности, что они свойства данной личности. Конечно, перечисленные качества непохвальны, противъ нихъ нужно бороться, но при этомъ соблюдать большую осторожность. Нельзя ставить эти недостатки въ вину человѣку, получившему ихъ по наслѣдству отъ родителей и предковъ, нужно относиться къ нимъ снисходительно, терпѣливо. Третиловать за нихъ дитя, унижать въ глазахъ товарищей было бы не только не гуманно, но и крайне несправедливо. Нельзя забывать и того, что борьба съ недостатками этой категоріи не можетъ обѣщать скорой побѣды. Эти недостатки суть свойства данной личности, закрѣпленные въ ней, можетъ быть, вѣковой наслѣдственностью. Такія свойства искореняются съ трудомъ, ослабляются даже не легко. Скорая побѣда здѣсь невозможна. Прочное, твердое измѣненіе природы личности въ предѣлахъ жизни одного лица мало вѣроятно; чтобы измѣнять природу, нужно дѣйствовать на цѣлый рядъ поколѣній, подвергая каждое дѣйствию однородныхъ педагогическихъ и вообще жизненныхъ вліяній.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ двухъ категорій дѣтскихъ недостатковъ, есть еще двѣ категоріи, которыя съ большимъ правомъ могутъ носить титулъ дѣтскихъ недостатковъ. Эти послѣднія двѣ категоріи можно различать тѣмъ, что въ происхожденіи однихъ недостатковъ больше принимаютъ участіе взрослые, окружающіе дѣтей, и меньшее сами дѣти, а въ происхожденіи другихъ, наоборотъ, большее участіе принимаютъ дѣти и меньшее взрослые. Первая изъ этихъ двухъ послѣднихъ категорій заключаетъ такіе недостатки, которые прививаются дѣтямъ взрослыми, ихъ попустительствомъ, внушеніемъ, молчаливымъ согласіемъ, а иногда и явнымъ одобреніемъ. Въ этихъ недостаткахъ сами дѣти виноваты сравнительно мало, они только пользуются тѣмъ, что даютъ взрослые, что они имъ внушаютъ,

что поощряють. Таковы склонность къ лакомству, тщеславіе своимъ костюмомъ, богатствомъ, красотой, положеніемъ родителей, склонность къ непрерывной смѣнѣ удовольствій, требованіе постоянно новыхъ игрушекъ, книжекъ, развлеченій, склонность къ неискренности, внушаемая родителями въ видахъ соблюденія правилъ общежитія и благовоспитанности, высокомѣрное отношеніе къ прислугѣ, настойчивое желаніе командовать родителями и всѣми взрослыми родственниками въ домѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что перечисленные недостатки внушаются дѣтямъ, а не создаются самими дѣтьми.

Четвертый и послѣдній классъ дѣтскихъ недостатковъ суть недостатки дѣтей въ болѣе строгомъ смыслѣ - этого слова. Ихъ создаютъ сами дѣти, потому что они оказываются имъ выгодными и удобными. Таковы дѣтская ложь, воровство, разныя хитрыя уловки въ сношеніяхъ съ взрослыми для выполненія своего желанія, насиліе надъ товарищами въ видахъ полученія какой либо заманчивой вещи, отлыниваніе отъ обязательной работы и занятій, притворныя дѣтскія болѣзни. Взрослые нерѣдко участвуютъ въ происхожденіи и этихъ недостатковъ своимъ попустительствомъ, дурнымъ примѣромъ, подаваемымъ дѣтямъ, разными косвенными внушеніями.

Такимъ образомъ, терминъ дѣтскіе недостатки обнимаетъ собою весьма различныя явленія, предполагающія и совершенно различное отношеніе къ нимъ воспитателя. Не только въ житейской практикѣ, но и въ сочиненіяхъ ученыхъ изслѣдователей разсматриваемому термину придается совершенно различный смыслъ.

При изслѣдованіи общаго вопроса о дѣтскихъ недостаткахъ нужно, прежде всего, составить обзорѣніе и даже списки тѣхъ свойствъ дѣтства, которыя безраздѣльны съ послѣднимъ, потому не могутъ считаться недостатками, а суть необходимыя характерныя черты дѣтства, обыкновенно съ нимъ и исчезающія, не переходящія въ другіе возрасты. Далѣе, нужно составить списки такихъ недостатковъ, которые унаслѣдованы дѣтьми отъ своихъ предковъ и которые потому составляютъ природу даннаго субъекта. Если списки первой категоріи могутъ имѣть



общее значеніе и примѣняться ко всѣмъ дѣтямъ, то списки второй категоріи будутъ неодинаковы для различныхъ дѣтей. Неудовлетворительная наслѣдственность каждаго бываетъ своеобразна. Точно такъ же будутъ различны и тѣ недостатки, которые внушаются дѣтямъ окружающими и которые создаются самими дѣтьми. Различная обстановка дѣтей будетъ значительно вліять на различіе дѣтскихъ недостатковъ. Но несомнѣнно и то, что во всѣхъ трехъ послѣднихъ спискахъ съ измѣняющимся содержаніемъ будетъ всегда и нѣчто общее, будутъ повторяться одинаковыя черты, такъ какъ человѣческая природа и существенныя человѣческія отношенія одинаковы; національныя и другія различія большого измѣненія не могутъ произвести въ самой природѣ дѣтскихъ недостатковъ.

При изученіи дѣтскихъ недостатковъ было бы весьма важно обратить вниманіе на различіе такихъ недостатковъ, которые присущи только дѣтямъ, и такихъ, которые общи дѣтямъ съ людьми другихъ позднѣйшихъ возрастовъ, которые изъ дѣтства переходятъ въ другіе позднѣйшіе возрасты. При этомъ, конечно, было бы необходимо опредѣлить, какія измѣненія происходятъ съ недостаткомъ, какъ скоро онъ изъ дѣтскаго превращается въ недостатокъ юношескаго и даже зрѣлаго возрастовъ. Было бы точно также весьма важно отмѣтить, какіе недостатки присущи болѣе мальчикамъ и какіе дѣвочкамъ.

При частномъ изслѣдованіи отдѣльныхъ дѣтскихъ недостатковъ было бы полезно обратить вниманіе на слѣдующія три стороны: 1) на естественную исторію избраннаго для изученія дѣтскаго недостатка. Естественная исторія дѣтскаго недостатка есть точное описаніе условій возникновенія недостатка, его развитія и укрѣпленія въ субъектѣ, его измѣненій, ослабленія и уничтоженія, въ связи съ возрастомъ и поломъ дитяти и средой, окружающей его; 2) на выясненіе причинъ возникновенія и развитія недостатка, физическихъ и психическихъ, вліяніе наслѣдственности на недостатокъ и всей окружающей среды и 3) на указаніе мѣръ борьбы съ недостаткомъ: какія мѣры примѣнялись, какое онѣ произвели дѣйствіе, какія мѣры

для борьбы можно было бы рекомендовать вообще, какъ наиболѣе цѣлесообразныя.

Ознакомившись съ различными видами дѣтскихъ недостатковъ, обратимся къ выясненію способовъ борьбы съ ними.

Самое первое и элементарное, что могутъ сдѣлать родители и воспитатели въ отношеніи дѣтскихъ недостатковъ — это самимъ не прививать дѣтямъ недостатковъ, не внушать ихъ, не потворствовать имъ, не допускать ихъ пассивно, молчаливымъ согласіемъ съ ними, отсутствіемъ протеста. Мы уже указывали такіе дѣтскіе недостатки, въ возникновеніи которыхъ повинны сами родители и воспитатели, указывали и на то, что первое условіе нравственно благопріятной обстановки семейнаго воспитанія есть нравственная чистота и благородство самихъ родителей и воспитателей и, въ случаѣ надобности, перевоспитаніе родителями самихъ себя, чтобы своими недостатками не заражать дѣтей. Сказанное приходится повторить еще разъ, съ присовокупленіемъ, что пассивное отношеніе къ дѣтскимъ недостаткамъ не можетъ быть терпимо, что попустительство дѣтскаго недостатка есть косвенная форма его привитія. Необходимо совершенно открыто и сознательно итти на войну съ дѣтскими недостатками, быть ихъ явнымъ врагомъ, борцомъ съ ними.

Есть дѣтскіе недостатки, которые не столько прививаются взрослыми, сколько создаются самими дѣтьми — ложь, воровство, разныя хитрыя уловки въ отношеніяхъ къ взрослымъ, насилія надъ товарищами и т. п. Но въ возникновеніи и этихъ недостатковъ взрослые безвинны. Дѣло въ томъ, что дитя не будетъ безъ причины ни лгать, ни красть. Если же оно дѣлаетъ это, то, очевидно, желаетъ такими дѣяніями доставить себѣ удовольствіе или избѣжать какого-либо страданія. Другими словами, оно испытываетъ какое-либо лишеніе, боится чего-либо и, для восполненія недостатка, прибѣгаетъ къ воровству, или лжи, или насилію, или хитрости. Очевидно, обстановка, въ которой живетъ дитя, не совсѣмъ благопріятна, а эта обстановка зависитъ отъ взрослыхъ. Нужно, чтобы дитя чувствовало себя довольнымъ и жизнерадостнымъ, чтобы оно

не было лишено удовольствій, чтобы оно имѣло все необходимое для своего всесторонняго развитія. Будучи такъ обставлено, оно не будетъ имѣть нужды ни въ хитростяхъ, ни во лжи, ни въ воровствѣ, ни въ насиліяхъ. Если-же оно, несмотря на благопріятную обстановку, будетъ попадать указаннымъ недостаткамъ, то обязанность родителей такъ поставить дѣло воспитанія, чтобы недостатки не достигали цѣли, чтобы и хитрости, и ложь, и воровство, и насилія оказывались бесполезными, приводя лишь въ конфузъ дитя. Конечно, придется тщательно и неуклонно слѣдить за дѣтми, видѣть ихъ насквозь читать по ихъ лицу и дѣйствіямъ, какъ по открытой книгѣ; но безъ труда въ воспитаніи, труда непрерывнаго и часто мелочнаго, ничто не дается. А сдѣлать бесполезными недостатки и зазорныя дѣянія не особенно и трудно: украденное такъ или иначе нужно отбирать и возвращать, на хитрости не поддаваться, лжецу не оказывать довѣрія въ несовсѣмъ правдоподобныхъ заявленіяхъ, любителю насилія предоставить подвергнуться насилію же отъ обиженныхъ имъ, которые, хотя по одиночкѣ, можетъ быть, и слабѣе его, но соединившись вмѣстѣ, могутъ оказать достодолжное сопротивленіе обидчику. Жизнь въ товариществѣ скоро отучитъ отъ склонности къ насильничеству. Конечно, эти отдѣльныя мѣры должны сопровождаться тщательными заботами объ общемъ улучшеніи положенія дитяти и дѣятельности всего его психофизическаго организма.

Гораздо сложнѣе и труднѣе оказывается положеніе воспитателей въ томъ случаѣ, когда имъ придется имѣть дѣло съ недостатками, составляющими унаслѣдованныя свойства дитяти, на примѣръ, съ слабой памятью или необузданной фантазіей, боязливостью, большою раздражительностью и вмѣстѣ быстрою утомляемостью и т. п. Дѣло въ томъ, что такіе недостатки и недочеты воспитываемой личности суть не только ея естественныя свойства, а потому къ нимъ, какъ бы они ни были сами по себѣ нежелательны и досадны, нужно относиться терпѣливо, спокойно, безъ всякаго гнѣва и раздраженія, но они часто составляютъ лишь обратную сторону, изнанку, хорошихъ свойствъ, на примѣръ, гнѣвливость и властолюбіе — неправиль-

ное выраженіе силы и энергіи, нерѣшительность и боязливость—осмотрительности при сложномъ положеніи, необычайная раздражительность — тонкой чувствительности, большая односторонность—глубокой сосредоточенности ума на одномъ рядѣ мыслей и т. п. Борясь съ недостаткомъ, нужно постоянно опасаться, какъ бы не ослабить связаннаго съ нимъ цѣннаго качества, какъ бы, вмѣстѣ съ водой, не выплеснуть изъ ванны, по нѣмецкой поговоркѣ, и ребенка. Хорошо чистить платье и выводить имѣющіяся на немъ пятна, но чистить его до дыръ не годится.

Когда недостатокъ есть неправильное выраженіе силы, энергіи, или чрезмѣрное ея выраженіе, или очень слабое, тогда задача воспитателя будетъ заключаться въ организациі правильныхъ упражненій данной силы. Оставлять безъ упражненій энергію нельзя, каждая накапливающаяся энергія требуетъ выхода, дѣятельности, иначе она будетъ толкать организмъ на порывистую, чрезвычайную трату, или отъ неупражнения будетъ замирать, гибнуть. Правильныя же упражненія силы, расходуя ее, тѣмъ самымъ будутъ предупреждать бурныя ея проявленія, вводить въ надлежащія границы. Ослабленная, вялая дѣятельность, боязливость въ расходованіи силы также мало-помалу исчезнетъ, какъ скоро правильныя упражненія энергіи будутъ давать благопріятные результаты и такимъ образомъ постепенно завлекать на большія усилія. Недѣятельность, сила безъ примѣненія — это одинъ изъ величайшихъ враговъ педагога, обильный источникъ многообразныхъ недостатковъ и всякаго рода неправильностей въ жизни воспитываемой личности. Кто сумѣетъ овладѣть силами воспитываемаго и дать его энергіи достодолжный выходъ, указать надлежащія упражненія, тотъ на правильномъ пути къ удачному разрѣшенію многихъ трудностей въ воспитаніи. Что такое глѣбливость, злость? Неправильно направленная энергія; дайте ей надлежащій выходъ, и она превратится въ полезную работу.

Когда приходится вести борьбу съ недостаткомъ, который составляетъ наслѣдственное свойство личности, тогда самое лучшее орудіе въ борьбѣ есть такое измѣненіе окружающей

дитя среды, чтобы нежелательное свойство не возбуждалось, не приходило въ дѣятельность, совсѣмъ не затрогивалось, чтобы оно оказывалось ненужнымъ, лишнимъ. Это значитъ брать врага изморомъ, неупражненіемъ свойства. А извѣстно, что отъ неупражненія всѣ свойства и силы слабѣютъ, какъ бы замираютъ, и если такое положеніе является очень длительнымъ, то свойство можетъ и совсѣмъ погибнуть. Если же такое длительное невозбужденіе свойства, по обстоятельствамъ, оказывается невозможнымъ, то всѣ усилія нужно направить на ослабленіе обнаруженія свойства, энергіи его выраженія и сокращеніе времени, въ которое свойство обнаруживается. Дитя въ это время необходимо развлекать другими впечатлѣніями, по силѣ превосходящими обыкновенныя, нужно позаботиться объ удаленіи предмета, возбудившаго дѣятельность нежелательнаго свойства, нужно показать дитяти на дѣлѣ неудобства, и для него и для другихъ, его настроенія и поступка. Борьба должна вестись съ большою осторожностью, неспѣшно и съ полнымъ благорасположеніемъ къ дитяти.

## VII.

Привитіе дѣтямъ новыхъ свойствъ. Ихъ виды и способы дѣйствія.

Уничтоженіе недостатковъ дѣлаетъ личность лучше, совершенствуетъ ее, но прямо не расширяетъ индивидуальности. Индивидуальность расширяется привитіемъ ей новыхъ свойствъ, а уничтоженіе недостатковъ численно даже сокращаетъ личность, лишая ее хотя и непривлекательныхъ, но все же принадлежащихъ ей свойствъ. Уничтоженіе недостатковъ расширяетъ личность качественно, сообщая ей дѣятельности правильное теченіе, гармоничность и уравниваемость. Привитіе новыхъ свойствъ личности будетъ обогащать личность и количественно и качественно, дѣлая ее содержательнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, причемъ особенно выдвинется впередъ культура воли. Когда развиваются цѣнныя природныя свойства личности, то, конечно, для развитія ихъ требуются труды и усилія,

такъ какъ и природное наличное свойство можетъ развиваться лишь рядомъ систематическихъ упражненій; но усвоеніе новыхъ свойствъ требуетъ отъ воспитываемаго большаго напряженія, большихъ усилій, такъ какъ самая задача труднѣе. И воспитатель и воспитываемый, при привитіи новаго свойства, должны энергично хотѣть новаго свойства, упорно стремиться къ его насажденію, иначе ничего не выйдетъ. Всякая дряблость, неустойчивость, неработоспособность здѣсь должны исчезнуть.

Новыя свойства, прививаемыя личности, могутъ быть двухъ родовъ: культурныя и естественныя. Первыя прививаются легче, вторыя—труднѣе.

Культурныя свойства, прививаемыя личности, бываютъ весьма различны: чистоплотность въ ея разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, гигиеничность во всей жизненной обстановкѣ и во всемъ поведеніи, твердо установленный порядокъ въ работѣ и отдыхѣ, способность работать много и находить въ работѣ удовольствіе, умѣнье самому ухаживать за собой и по возможности рѣдко обращаться къ помощи другихъ, любовь къ извѣстнымъ наукамъ и искусствамъ, умѣнье держать себя всегда съ достоинствомъ, обращаться въ обществѣ, навыкъ къ внимательному обдумыванію дѣла въ случаѣ важныхъ рѣшеній, способность къ сдержкѣ, развитое самоуправленіе, самоанализъ и десятки другихъ разнообразныхъ навыковъ, расположеній, привычекъ, не существовавшихъ въ воспитываемой личности, но прививаемыхъ ей культурной средой и усиліями воспитателей.

При привитіи культурныхъ новыхъ свойствъ воспитываемой личности нужно поступать такъ же, какъ поступаютъ при созданіи и укрѣпленіи привычекъ, именно начинать привитіе свойствъ возможно ранѣе, еще въ періодъ малосознательнаго состоянія, такъ, чтобы прививаемое свойство крѣпко, почти безраздѣльно, срослось съ воспитываемою личностью. Таковы, напримѣръ, свойства чистоплотности, гигиеничности во всей жизни, твердый порядокъ дня, безусловная правдивость. Если же свойства, сообразно съ ихъ характеромъ, придется прививать позже, когда уже въ воспитываемомъ дѣйствуютъ собственный разумъ и воля, тогда нужно прежде всего озаботиться созда-

ніемъ достаточно сильнаго побужденія къ усвоенію желаемаго свойства. Если нѣтъ побужденія, нѣтъ причины пріобрѣтать какое-либо свойство, то какъ же его привить къ самосознающей и самоуправляющейся личности? А выборъ побужденія— дѣло важное, простымъ насиліемъ или словеснымъ внушеніемъ не побудишь усвоить желаемое свойство. Побужденіе должно быть достаточно сильно и достаточно разумно, быть сообразовано съ другими свойствами воспитываемой личности и съ характеромъ самого свойства, словомъ, это серьезная педагогическая задача, которую можно благополучно разрѣшить, только серьезно обдумавъ все дѣло. Оттого при привитіи новыхъ свойствъ многіе родители и педагоги терпятъ неудачу съ самаго начала— они оказываются не въ состояніи найти достаточно сильное и разумное побужденіе, а потому и не могутъ сдвинуться съ мѣста. Говорить говорятъ и много говорятъ, а толку никакого.

Какъ скоро найденъ надежный мотивъ къ усвоенію желаемаго свойства, то и нужно неуклонно поступать въ духѣ признаннаго побужденія. Наши положенія отличаются сложностью и наши поступки затрогиваютъ насъ съ различныхъ сторонъ. Если мы признали однажды нужнымъ между различными побужденіями держаться одного, то его же должны непременно держаться и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, иначе не сложится твердой ассоціаціи между побужденіемъ и поступкомъ, поступокъ будетъ прицѣпляться то къ одному, то къ другому побужденію, и новое свойство никогда не образуется. Начатая система дѣйствій должна продолжаться безъ уклоненій, тогда только можно рассчитывать на успѣхъ.

Прививаемыя естественныя свойства это такія, которыя должны бы быть у воспитываемаго, или, по крайней мѣрѣ, могли бы быть, по природѣ, но которыхъ на самомъ дѣлѣ у воспитываемаго не оказалось по какимъ-то причинамъ. Это тѣ случаи, весьма многочисленные, когда педагогъ имѣетъ дѣло съ недостаточными экземплярами человѣческаго рода, съ людьми, у которыхъ по природѣ есть изъяны, недочеты. Къ такимъ изъянамъ слѣдуетъ относить тупость воспріятій при раздраже-

ніяхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, слабость памяти, преобладаніе механическихъ ассоціацій въ мышленіи, неспособность къ отвлеченному мышленію, крайнюю тугость въ усвоеніи какихъ-либо группъ наукъ и искусствъ (математическихъ, филологическихъ, музыки, лѣпки), безволіе, легкомысліе, безхарактерность, тупость общественныхъ инстинктовъ, эстетическаго и нравственнаго чувствованій и т. д. Оставить воспитываемаго съ такими изъянами педагогъ не можетъ, слѣдовательно, онъ долженъ природныя недочеты пополнить, природу поправить, долженъ явиться творцомъ, дающимъ воспитываемому то, чего у него нѣтъ.

Если бы педагогу дѣйствительно приходилось быть, въ буквальномъ смыслѣ слова, творцомъ и давать воспитываемому то, чего у него совсѣмъ нѣтъ, то положеніе педагога было бы очень затруднительно: создавать то, къ чему нѣтъ никакихъ расположеній и основаній, не только не легко, но и едва ли возможно. По счастью, положеніе не таково, дѣло идетъ не о творчествѣ изъ ничего, а о развитіи и укрѣпленіи слабыхъ способностей и задатковъ. Поскольку человѣкъ душевно здоровъ, постольку у него есть всѣ способности, присущія человѣку. Правда, нѣкоторыя способности у него могутъ быть слабы, но онѣ не отсутствуютъ совсѣмъ. Слабая память, слабый характеръ, неумѣнье мыслить отвлеченно обозначаютъ только слабость названныхъ душевныхъ процессовъ, а не отсутствіе ихъ. Людей абсолютно безпамятливыхъ, съ полнымъ отсутствіемъ характера, рѣшительно ни о чемъ и даже на самое короткое время не могущихъ мыслить отвлеченно, въ дѣйствительности не бываетъ, а если и бываетъ, то это люди, страдающіе какою-либо душевною болѣзнію. Такъ встрѣчаются дѣти съ полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, дѣти, находящіяся въ состояніи нравственной невмѣняемости, нравственнаго помѣшательства; но такія дѣти подлежатъ вѣдѣнію не педагога, а психіатра; педагогъ имѣетъ дѣло лишь съ дѣтьми душевно здоровыми, хотя бы у нихъ и были различныя недостатки. Слѣдовательно, педагогу не ставится задача сотворить что-либо совершенно новое, привить воспитываемому такое свойство,



для котораго нѣтъ и задатковъ, какихъ-либо, хотя бы самыхъ слабыхъ, основъ; отъ педагога требуется только умѣнье развить и укрѣпить слабое свойство, рядомъ систематическихъ, вполне цѣлесообразныхъ и строго послѣдовательныхъ упражненій довести слабое свойство до возможной степени силы и совершенства. А такая задача несравненно легче, чѣмъ созданіе совершенно новаго свойства въ воспитываемомъ.

При такомъ пониманіи привитія новыхъ естественныхъ свойствъ эта дѣятельность родителей и педагоговъ будетъ близко подходить къ борьбѣ съ дѣтскими недостатками. Слабая память, легкомысліе, безволіе и пр. суть недостатки, съ которыми нужно бороться. Такимъ образомъ привитіе новыхъ свойствъ воспитываемымъ есть продолженіе борьбы съ ихъ недостатками. Впрочемъ есть и нѣкоторая разница между педагогической борьбой съ недостатками воспитываемыхъ и привитіемъ имъ новыхъ свойствъ: борьба съ недостатками нерѣдко есть борьба съ преувеличеннымъ напряженіемъ энергіи, на примѣръ, съ гнѣвливіостью, раздражительностью, упрямствомъ, или съ неправильнымъ ея направленіемъ, каковы, на примѣръ, злость, властолюбіе, жестокость, самолюбіе и т. п., а при привитіи новыхъ свойствъ дѣло всегда идетъ объ укрѣпленіи и развитіи слабаго, задатковъ, о созданіи изъ несовершеннаго совершеннаго. Элементъ борьбы, подавленія, разрушенія здѣсь отсутствуетъ, а на первый планъ выдвигается творчество, организаторская зиждательная дѣятельность; здѣсь не плевелы нужно вырывать, а растить слабые побѣги, выхаживать нѣжныя растеньица.

Если же дѣятельность педагога по расширенію дѣтской индивидуальности привитіемъ ей новыхъ свойствъ приводится, въ сущности, къ развитію и укрѣпленію слабыхъ способностей, задатковъ и расположеній, то не тщетна ли такая задача? Можно ли развивать и усовершенствовать природныя способности? Нѣкоторые (на примѣръ, Джемсъ, Банъ, относительно памяти) держатся того мнѣнія, что природныя способности не поддаются попыткамъ ихъ усовершенствованія, размѣръ чело-вѣческихъ способностей опредѣляется Господомъ, а не педаго-

гомъ. Педагогъ не въ силахъ исправлять Божіе дѣло; портить его онъ можетъ, но улучшать не можетъ. Ужъ не думаютъ ли педагоги, что они своимъ искусствомъ уроденнаго идіота могутъ сдѣлать умнымъ, а обыкновеннаго по природѣ человѣка гениемъ? Тогда родъ человѣческой давнымъ давно процвѣталъ бы и благоденствовалъ и нынѣ состоялъ бы преимущественно не изъ глупцовъ, какъ то полагаютъ пессимисты, а изъ талантовъ и гениевъ. Природныя способности неизмѣнны и съ ними ничего подѣлать нельзя никакими упражненіями: актеры десятки лѣтъ чуть не ежедневно учатъ роли, но памяти своей этими безконечными упражненіями не усовершенствуютъ, и въ молодости и въ старости одинаково нуждаются въ суфлерѣ. Тоже бываетъ съ пасторами, сочиняющими и заучивающими массу проповѣдей: старый пасторъ такъ же долженъ долбить свою проповѣдь, какъ и молодой.

Вообще о врожденныхъ способностяхъ и предрасположеніяхъ человѣка можно высказать слѣдующіе два взгляда: 1) нашъ мозгъ и его физическія свойства безразличны для позднѣйшаго образованія типовъ представленій и всей индивидуальности человѣка; 2) силой или слабостью природныхъ предрасположеній обусловлена вся способность индивидуума къ развитію. При первомъ предрасположеніи все зависитъ отъ воспитанія, при второмъ—отъ врожденности. Сильныя врожденные свойства могутъ быть легко еще болѣе усилены, слабыя—мало или даже и совсѣмъ не могутъ усовершенствоваться. «Факты какъ будто больше говорятъ въ пользу послѣдняго взгляда»<sup>1)</sup>. А нѣкоторые идутъ еще далѣе и прямо утверждаютъ, что самыя науки даже не развиваютъ ума, умъ есть нѣчто независимое отъ науки, онъ сообщаетъ наукамъ стройность, доказательность и систематичность, а не отъ нихъ заимствуетъ.

Входитъ въ обсужденіе всѣхъ изложенныхъ теоретическихъ утвержденій, что способности человѣка отъ рожденія остаются неизмѣнными, что изученіе наукъ ничего не даетъ уму, а,

<sup>1)</sup> Мейманъ, Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Часть II. стр. 110, 153.

наоборотъ, науки все получаютъ отъ ума, нѣтъ нужды, такъ какъ за этими утверженіями скрывается философско-психологическая теорія (Канта), которую обсуждать здѣсь не мѣсто <sup>1)</sup>. Для насъ чрезвычайно важна практическая сторона дѣла, вопросъ о томъ, фактически отъ соотвѣствующихъ упражненій слабыя способности крѣпнуть, развиваются, становятся лучше, или нѣтъ. Фактическія наблюденія, безъ всякаго сомнѣнія, говорятъ за положительное рѣшеніе вопроса.

Ссылка на актеровъ и пасторовъ, за многіе годы не замѣчающихъ усовершенствованія своей памяти, несмотря на постоянныя упражненія, не имѣетъ рѣшающаго значенія и лишена убѣдительности. Какъ учить актеръ свою роль, а пасторъ свою проповѣдь? Какую цѣль они имѣютъ—усовершенствовать свою память или что-либо другое? Актеръ, да и пасторъ, учатъ впопыхахъ, между дѣломъ, то случайно прерывая ученіе, то снова его начиная, но нисколько не заботясь объ усовершенствованіи своей памяти, а ставя единственную задачу—тогда-то быть въ состояніи сказать свою проповѣдь или сыграть свою роль. Такое безпорядочное заучиваніе, то большой роли или проповѣди, то маленькой, то легкой, то трудной, то при полномъ здоровьи, то при недомоганіи, то необычайно спѣшно, то съ роздыхомъ, для развитія памяти никакой пользы не принесетъ. Память, какъ и всякая другая сила, можетъ развиваться лишь путемъ строго систематическихъ упражненій, при постоянномъ и постепенномъ усложненіи и увеличеніи матеріала, при упражненіяхъ въ состояніи здоровья и бодрости и непремѣнно еще при томъ условіи, что упражненіемъ имѣется въ виду достиженіе именно развитія памяти, а не какой-либо посторонней цѣли—сказать трогательно проповѣдь или эффектно сыграть роль.

Какъ же скоро ставится прямо и рѣшительно опредѣленная цѣль—рядомъ строго систематическихъ и тщательно обдуманыхъ упражненій развить и укрѣпить извѣстныя слабыя спо-

---

<sup>1)</sup> По этому вопросу нами представлены критическія замѣчанія въ сочиненіи Педагогической процессъ (СПБ. 1905), гл. II.

способности, то цѣль достигается. Самый наглядный, непререкаемый и неопровержимый фактъ въ этомъ отношеніи—учрежденія для малоспособныхъ дѣтей, слабоумныхъ и отсталыхъ. Эти несчастныя дѣти отбираются въ особыя школы и въ нихъ воспитываются по особой педагогической системѣ, строго обдуманной и выдержанной, рассчитанной на ихъ слабыя силы. Результаты получаются вполнѣ удовлетворительныя. Эти несчастныя существа, какъ будто исключенныя природой изъ разряда людей и переведенныя въ классъ полулюдей—полузвѣрей, возвращаются въ людское общество, развивъ и укрѣпивъ свое вниманіе, память и рѣчь, поправившись физически, усвоивъ элементы культурности, начальныя основы образованія, будучи въ состояніи помогать сами себѣ.

По статистикѣ извѣстнаго спеціалиста по обученію ненормальныхъ дѣтей Сегена, заключающей результаты его тридцатилѣтняго опыта по образованію малоспособныхъ и ненормальныхъ дѣтей и данной имъ въ 1866 году, 30% воспитаны согласно съ моральными и социальными законами и могутъ производить работу въ  $\frac{1}{3}$  труда взрослога; 40% способны, подъ контролемъ другихъ, вести обычную жизнь, ихъ работа равна  $\frac{2}{3}$  труда взрослога; 25—30% приведены почти къ нормальному состоянію. По статистикѣ одного изъ самыхъ крупныхъ пріютовъ для ненормальныхъ дѣтей (Royal Albert Asylum), основаннаго въ 1855 году, изъ бывшихъ воспитанниковъ этого заведенія 10% служатъ рабочими за жалованье, 5% получаютъ награду за выдающіяся работы, 3,5% могутъ содержать себя, если поставлены въ надлежащія условія, 22% являются болѣе или менѣе полезными членами у себя дома, 29% переведены въ рабочіе дома и убѣжища для душевнобольныхъ, 8,5% умерло. Въ Англіи по отчету 1898 года изъ 1862 дѣтей, учившихся въ спеціальныхъ школахъ для ненормальныхъ, 139 возвращены въ школы обычнаго типа, 35 отправлены въ убѣжища, 55 взяты родителями, 92 вышли изъ школы, достигнувъ 14 лѣтъ и выше, поступили служить по разнымъ мѣстамъ и зарабатываютъ въ недѣлю дѣвочки 3,10 фр., мальчики 3,10—10 франковъ.

На VI съѣздѣ нѣмецкихъ учителей вспомогательныхъ школъ

въ 1907 году докторъ Винтерманъ сообщилъ, что съ 1900 по 1906 годъ изъ вспомогательныхъ школъ Германіи (кромѣ Пруссіи) вышли, окончивъ курсъ, 1297 человекъ, изъ которыхъ 563 перешли въ школы обычнаго типа, 86, какъ способные къ образованію, были отданы родителямъ, 91—въ учрежденія съ принудительнымъ воспитаніемъ, а остальные были распределены по разнымъ убѣжищамъ, пріютамъ и больницамъ, какъ неспособные къ воспитанію и труду <sup>1)</sup>. Изъ отдѣльныхъ случаевъ расширенія воспитаніемъ недостаточной дѣтской индивидуальности особенно нужно указать на такіе примѣры, какъ воспитаніе Лауры Бриджманъ, Елены Келлеръ и т. п., когда имѣлись субъекты, лишеныя высшихъ органовъ чувствъ—зрѣнія и слуха (слѣпые и глухонѣмые), не сполна владѣвшіе остальными, но, не смотря на это, благодаря необыкновенно тщательному и глубоко обдуманному воспитанію, достигшіе не только развитія средняго человека, но и получившіе высшее, весьма серьезное, образованіе и даже изучившіе иностранныя языки (Елена Келлеръ).

Такимъ образомъ необыкновенно большой и тщательный трудъ по воспитанію ненормальныхъ дѣтей возвращаетъ къ нормальной жизни и дѣятельности приблизительно 30—50% дѣтей, результатъ если не блестящій, то все же весьма почтенный и серьезный, наглядно показывающій, что развивать слабыя способности, значительно усовершенствовать ихъ возможно, это есть фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію <sup>2)</sup>.

Если приведенные факты развитія слабыхъ способностей не убѣдительны, то другихъ сильнѣйшихъ привести невозможно. Что предъ этими непререкаемыми фактами значать обычныя

---

<sup>1)</sup> Вопросы педагогической патологии въ семьѣ и школѣ. Выпускъ II. СПБ. 1912. Стр. 59—61.

<sup>2)</sup> Подробное обсужденіе вопроса о развитіи слабыхъ предрасположеній и способностей см., сверхъ названнаго произведенія, въ сочиненіяхъ Жанъ Филиппъ и Поль Бонкуръ, Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Пер. съ франц. Москва, 1911 г.; Дефективныя дѣти и школа. Сборникъ статей подъ редакціей д-ра Кащенко. Москва, 1912 г.; Егурновъ, Малоспособность учащихся дѣтей и приемы борьбы съ нею. СПБ. 1911 г. Гл. II.

ежедневныя наблюденія педагоговъ, что дитя съ неблестящими, весьма скромными, способностями, попавъ въ толковую школу, къ хорошимъ учителямъ, помаленьку развертывается, крѣпнетъ физически и духовно, дѣлается сообразительнѣе и находчивѣе и кончаетъ тѣмъ, что превращается, хотя и въ средняго, неблестящаго, но толковаго дѣятеля, который понимаетъ здраво состояніе дѣлъ и на правильность и устойчивость работы котораго можно положиться?

Лай признаетъ <sup>1)</sup>, что въ основѣ типовъ представленій лежатъ врожденныя склонности, но имѣя въ виду: 1) что есть ученики, которые въ области словесныхъ представленій должны быть отнесены къ слуховому типу, въ области предметныхъ представленій къ зрительному, и наоборотъ—въ первомъ случаѣ принадлежатъ къ зрительному, а во второмъ—къ слуховому типу; 2) что есть ученики, которые по отношенію къ словамъ принадлежатъ къ зрительному или слуховому типу, а по отношенію къ числамъ наоборотъ—къ слуховому или зрительному типу; 3) что есть ученики, принадлежность которыхъ къ письменно-двигательному типу можетъ быть установлена только по отношенію словъ, но не по отношенію чиселъ и наоборотъ; 4) что, напримѣръ, у Балдина его нѣмецкій языкъ—рѣчедвигательный и слуховой, такъ какъ онъ изучилъ его посредствомъ разговора въ Германіи, между тѣмъ какъ его французскій языкъ, выученный имъ въ школѣ посредствомъ чтенія, письма и упражненій, зрительный и письменно-двигательный,—Лай изъ приведенныхъ фактовъ выводитъ слѣдующее заключеніе: «упражненіе и обученіе представляетъ собою огромную силу, способную поработить прирожденныя наклонности. Посредствомъ обученія можно превратить ученика, принадлежащаго по своимъ прирожденнымъ наклонностямъ къ слуховому, зрительному или двигательному типу, въ нѣкоторыхъ областяхъ въ другой типъ, а изъ смѣшаннаго типа сдѣлать односторонній слуховой, зрительный или двигательный типъ». Лай полагаетъ, что гимназіи, возводящія языки въ главные предметы,

<sup>1)</sup> Экспериментальная Дидактика. Спб. 1906 г., стр. 180.

часто насильственно превращаютъ представителей типа предметнаго мышленія въ представителей типа словеснаго мышленія <sup>1)</sup>).

Мейманъ <sup>2)</sup>, признающій, что настоящаго недостатка въ врожденныхъ способностяхъ невозможно устранить никакимъ упражненіемъ, тѣмъ не менѣе сообщаетъ о себѣ, что онъ самъ принадлежитъ къ чисто слуховому типу, т.-е. считаетъ, напри- мѣръ, при помощи числовыхъ представленій, которыя онъ внутренно слышитъ, причемъ нѣкоторую помощь оказываетъ внутреннее произнесеніе названій чиселъ; но что однако онъ, посредствомъ упражненій, научился считать съ помощью внутренно созерцаемыхъ цифръ, т.-е. зрительнымъ способомъ. Впрочемъ ему требовалось всякій разъ особое усиліе воли, чтобы считать зрительнымъ способомъ при обыкновенномъ счетѣ, и самый счетъ при этомъ выполнялся гораздо медленнѣе, чѣмъ счетъ слухо-двигательнымъ способомъ, къ которому онъ склоненъ по природѣ. Подобное же измѣненіе типа представленій онъ замѣтилъ у испытуемыхъ лицъ при экспериментахъ надъ памятью въ психологической лабораторіи въ Цюрихѣ: нѣкоторыя лица, заучивавшія вначалѣ преимущественно зрительнымъ способомъ, постепенно переходили къ слухо-двигательному типу. А Гербартъ въ свое время прямо заявлялъ <sup>3)</sup>, что «можно даже взрослога человѣка сдѣлать холерикомъ, хотя бы онъ отъ природы былъ самымъ кроткимъ существомъ: стоитъ только дразнить его какъ можно чаще, чтобы онъ былъ вынужденъ этому противодѣйствовать. Точно также посредствомъ тираніи можно довести человѣка до меланхоліи, хотя бы отъ природы онъ былъ сангвиникъ». Кажущееся врожденнымъ различіе между людьми Гербартъ былъ склоненъ объяснять «первоначальными впечатлѣніями окружающей обстановки въ первые годы дѣтства».

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 185.

<sup>2)</sup> Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Часть II, стр. 154—155 (Москва, 1910 г.).

<sup>3)</sup> Письма о примѣненіи психологіи къ педагогикѣ.

Конечно, педагогъ не можетъ превратить слабоумнаго въ умнаго человѣка, а посредственнаго въ талантливаго, но необычайно важно то, что слабыя силы того и другого онъ можетъ развить и усовершенствовать. До какой степени? Предѣлъ указать весьма трудно. Въ одномъ поколѣніи это усовершенствованіе довольно ограничено, но тщательныя педагогическія заботы могутъ быть распространяемы на длинный рядъ поколѣній. А вѣдь далеко недоказано, что послѣдующія поколѣнія ничего не получаютъ, не наследуютъ отъ предыдущихъ изъ усвоеннаго ими, и что на вѣчныя времена каждое послѣдующее поколѣніе будетъ начинать, по отношенію къ состоянію своихъ способностей, съ того же, съ чего начало предыдущее, и останавливаться тамъ, гдѣ остановилось предыдущее, будучи совершенно не въ состояніи сдѣлать въ развитіи своихъ способностей ни шагу далѣе. Такой взглядъ далеко недоказанъ и не исполнѣ гармонируетъ съ исторіей человѣка и чело-вѣчества и ихъ культуры.

Даже лица, придерживающіяся ученія большинства современныхъ біологовъ о ненаследуемости приобрѣтенныхъ свойствъ, стремясь къ безпристрастному сужденію, оговариваются, что «новѣйшія данныя, полученныя при дальнѣйшей разработкѣ вопроса, предостерегаютъ противъ догматическаго отрицанія возможности наследованія приобрѣтенныхъ свойствъ»<sup>1)</sup>. Дѣло въ томъ, что если и допустить, что зародышевыя клѣтки каждаго поколѣнія происходятъ не изъ клѣточекъ тѣла, а непосредственно отъ зародышевыхъ клѣточекъ предшествовавшаго поколѣнія, что зародышевыя клѣтки живутъ въ тѣлѣ, но происходятъ не отъ него, и живутъ обособленно, составляя половыя клѣтки индивидуума, то все же онѣ неизбѣжно измѣняются подъ вліяніемъ роста, развитія и измѣненія тѣла, а измѣняясь, онѣ измѣненныя передаются и по наследству. Слѣдовательно, приобрѣтенныя свойства, касаясь сначала тѣла, а потомъ и зародышевыхъ клѣтокъ, передаются по наследству.

<sup>1)</sup> См. Л. Донкастеръ, Наследственность. Пер. съ англ. Москва, 1913 г. Гл. VII, особенно стр. 90.



А съ другой стороны, тѣ свойства зародышевыхъ клѣтокъ, которыя въ теченіе ряда поколѣній, по особенностямъ среды и положенія, не работаютъ, не возбуждаются, тѣ атрофируются и умирають. А если такъ, то указать предѣлы постоянного усовершенствованія рода человѣческаго и отдѣльной личности невозможно.

Во всякомъ случаѣ родители и воспитатели должны принимать мѣры къ развитію и укрѣпленію слабыхъ способностей дѣтей, потому что фактъ такого развитія въ предѣлахъ личности и въ мѣру личныхъ свойствъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно указать въ настоящее время четыре главныя условія развитія каждой слабой способности: 1) физическое укрѣпленіе и развитіе личности, такъ какъ у насъ душевное неразрывно связано съ тѣлеснымъ и физическая энергія — благоприятная почва для духовнаго развитія; 2) въ частности особенныя заботы о развитіи движеній, потому что движенія освѣжаютъ весь организмъ, сообщаютъ силу не только тѣлу, но и духу. Поэтому при развитіи идиотовъ и слабоумныхъ самое серьезное вниманіе обращается на развитіе ихъ движеній; 3) зрѣло обдуманная и строго проводимая система постепенныхъ спеціальныхъ упражненій примѣнительно къ свойствамъ и характеру той душевной способности, которую нужно усиливать; 4) собственная забота и работа воспитываемаго надъ своимъ усовершенствованіемъ. Объ этомъ послѣднемъ условіи мы считаемъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Каждый рождающійся человѣкъ есть конецъ одной длинной исторіи и начало новой. Каждый младенецъ есть результатъ дѣятельности родителей, жизни предковъ, жизни и дѣятельности націи и всего человѣчества, насколько оно представляетъ собою связанное цѣлое. Но при этомъ каждый подчиненъ своей особой наследственности, въ каждомъ живутъ его родители, близкіе и отдаленные предки, каждый отличенъ отъ другихъ, оригиналенъ. Два брата, двѣ сестры никогда не будутъ совершенно одинаковыми, потому что у нихъ нѣсколько различная наследственность. Ихъ можно положить въ одну кровать, одѣть въ одинаковое платье, поставить въ одинаковыя условія жизни и

развитія, но нельзя сдѣлать ихъ одинаковыми. Сливаясь сначала, повидимому, въ одно существо, они все больше и больше будутъ различаться съ возрастомъ. А это позднѣйшее различіе, при одинаковости воспитательной среды, указываетъ на различіе, существующее съ самаго начала ихъ бытія, вслѣдствіе неодинаковой наслѣдственности. Природное различіе дѣтей влечетъ неодинаковость реакцій дѣтей на впечатлѣнія, реакціи каждаго ребенка своеобразны. Каждый родившійся есть творецъ новой жизни, и его творчество новой жизни начинается съ момента рожденія, съ оригинальности его реакцій на впечатлѣнія, которая постепенно будетъ выясняться. Въ этомъ заключается исходный пунктъ всего семейнаго воспитанія. Поэтому нужно постоянно заботиться о томъ, чтобы дитя побольше дѣлало само. Вѣдь это будущій строитель жизни, который будетъ строить жизнь послѣ насъ, безъ нашей указки и помощи, а потому больше всего и долженъ быть приучаеми къ самостоятельной дѣятельности. А дѣти и сами любятъ такую дѣятельность, любятъ дѣлать все сами—ѣсть, умываться, одѣваться. Правда, они дѣлаютъ все это на первыхъ порахъ весьма неискусно, почему часто матери предпочитаютъ сами кормить, умывать и одѣвать дитя, а не учить ихъ указаннымъ искусствамъ. Матери гораздо легче самой одѣть и раздѣть дитя, чѣмъ научить его этому, но для дитяти весьма вредно не упражнять свою самодѣятельность для удовлетворенія своихъ, даже насущныхъ, потребностей. Точно также спѣшная умственная помощь дитяти, препятствующая упражненію его собственнаго ума и духовныхъ силъ, явно вредна развитію дитяти. Монтессори въ своей книгѣ «Домъ ребенка» рассказываетъ, что однажды въ паркѣ она наблюдала здороваго полуторагодовалого младенца, усердно старавшагося наполнить ведро крупнымъ гравіемъ. Возлѣ находилась щеголеватая нянька. Время было отправляться домой. Нянька уговаривала малютку оставить работу и сѣсть въ колясочку. Видя, что ея увѣщанія не дѣйствуютъ, она сама наполнила ведро гравіемъ и положила и ведро и ребенка въ колясочку, въ увѣренности, что сдѣлала то, что было нужно ребенку. Монтессори поразили громкіе

крики ребенка и появившееся на его лицѣ выраженіе неудовольствія. Ребенку было важно не наполнить ведро гравіемъ, а продѣлывать необходимыя движенія для удовлетворенія насущной потребности организма, другими словами, у него была потребность въ саморазвитіи, а не во внѣшнемъ фактѣ наполненія ведерка. Поэтому Монтессори справедливо замѣчаетъ, что «первыя проявленія личности мы должны чтить религиозно, благоговѣнно» «не задерживать самопроизвольныхъ движеній и не навязывать произвольныхъ задачъ» (стр. 97, 74).

Наконецъ, можно указать еще два средства относительно расширенія дѣтской индивидуальности: 1) чѣмъ разнообразнѣе будутъ вліянія, дѣйствующія на дитя, чѣмъ больше различныхъ личностей съ разнообразными свойствами отразится въ сознаніи дитяти, тѣмъ острѣе будетъ его самосознаніе, тѣмъ легче и естественнѣе расширится дѣтская индивидуальность. Пробѣлы и недостатки личнаго я отчетливо обнаружатся невольнымъ сопоставленіемъ себя съ другими я и неодолимо захочется не отстать отъ другихъ, владѣть тѣмъ же, что есть у другихъ. Поэтому посѣщеніе дѣтьми дѣтскихъ садовъ, гдѣ собирается много товарищей, и мальчиковъ и дѣвочекъ, представляется важнымъ средствомъ къ расширенію дѣтской индивидуальности. Съ этой точки зрѣнія приобретаетъ высокую цѣнность и вообще совмѣстное воспитаніе и образованіе дѣтей различнаго пола: различные человѣческіе типы невольно будутъ пополнять одинъ другой, мальчики будутъ сообщать дѣвочкамъ больше смѣлости и инициативы, а дѣвочки мальчикамъ—больше сдержки и мягкости, что и нынѣ отмѣчается въ совмѣстныхъ школахъ.

Поэтому подавленіе дитяти нашимъ авторитетомъ, ослабленіе его самодѣятельности нашими непрерывными указаніями и излишнею помощію слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ большихъ педагогическихъ грѣховъ, какіе только могутъ сдѣлать родители и воспитатели по отношенію къ дѣтямъ и воспитываемымъ. Поэтому и къ борьбѣ съ недостатками и расширенію индивидуальности нужно помаленьку, съ пробужденіемъ сознанія, привлекать самихъ дѣтей, развивая въ нихъ

постепенно способность движений, сдержки и самоуправления, разъясняя имъ въ подходящихъ случаяхъ, что владѣть, управлять самимъ собой очень пріятно. Дѣло обыкновенно начинается съ распространения господства воли надъ органами тѣла и физическими потребностями, потомъ постепенно переходитъ на управление вниманіемъ, мыслями и чувствованіями и заканчивается сдержкой себя во время аффектовъ и вполне обдуманнѣе поступками для расширенія своей индивидуальности.

Въ періодъ семейнаго дошкольнаго воспитанія недостатки индивидуальности вскрываются еще не вполне, не во всей силѣ, но несомнѣнно, кое-что въ этомъ отношеніи уже обнаруживается. На основаніи открывшихся фактовъ, придется, можетъ быть, не столько сейчасъ приступать къ открытой борьбѣ съ дѣтскими недостатками и расширенію дѣтской индивидуальности, сколько къ принятію предохранительныхъ мѣръ, къ подготовкѣ такой постановки дальнѣйшаго образованія и воспитанія, которая препятствовала бы развитію недостатковъ и подготавливала расширеніе дѣтской индивидуальности въ желательномъ направленіи. Отсюда открывается тѣсная органическая связь между семейнымъ и школьнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, выясняется положеніе, что корни школьнаго развитія личности лежатъ въ семейномъ воспитаніи. Если справедлива поговорка: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку, то тѣмъ болѣе справедливо сказать: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ школкѣ.

2) Внушеніе. Дѣти легко поддаются внушеніямъ, по статистикѣ нѣкоторыхъ, всѣ дѣти и приблизительно 30% взрослыхъ людей. Внушеніе можетъ вызвать въ дѣтяхъ продолжительное подражаніе, при которомъ достигнутые результаты все болѣе приспособляются къ воспринятому или представленному образцу, чѣмъ и характеризуется ученіе, упражненіе. Внушить можно ощущеніе, представленіе, чувства и поступки, импульсъ, вѣру, довѣріе къ самому себѣ, способности, препятствія, сомнѣнія, слабость и неспособность. Нѣкоторые утверждаютъ, что, будто бы, уже бывали случаи превращенія пу-

темь внушенія вороватыхъ, лѣнивыхъ, нечистоплотныхъ людей въ честныхъ, работающихъ и чистоплотныхъ. Посредствомъ внушенія удавалось исправить противоестественныя наклонности, укрѣпить слабыя, нормальныя способности.

Такъ, между другими, думаетъ Лай, и его высокое мнѣніе о силѣ внушенія на дѣтей <sup>1)</sup> я позволю себѣ пояснить однимъ частнымъ фактомъ изъ учительской дѣятельности одного нѣмецкаго учителя (Plecher'a): однажды около 11 часовъ дня онъ спросилъ своихъ учениковъ: не видалъ ли кто изъ нихъ что-либо лежавшее на его столѣ. Никто ничего не сообщалъ. На его дальнѣйшіе вопросы, не видалъ ли кто-либо положеннаго имъ ножика, изъ 54 учениковъ 29, т.-е. 57%, отвѣтили, что они его видѣли. Такой отвѣтъ дали и такіе ученики, которые съ своего мѣста ничего не могли видѣть. Семь учениковъ видѣли даже, какъ онъ ножомъ рѣзалъ бумагу и послѣ того положилъ ножикъ, 3—какъ онъ чинилъ карандашъ и 1—какъ онъ отрѣзывалъ резинку для физическихъ опытовъ. На заявленіе учителя, что ножикъ послѣ перерыва въ занятіяхъ исчезъ со стола, первоначально было отвѣчено молчаніемъ, затѣмъ стали говорить, что мальчикъ Г., который незадолго передъ тѣмъ обвинялся въ воровствѣ, во время перерыва въ занятіяхъ держался вблизи стола, какъ бы желая осмотрѣть поставленные аппараты. Въ дѣйствительности же учитель во все предобѣденное время не вынималъ ножа изъ кармана. Ученикъ Г. вышелъ изъ комнаты въ числѣ первыхъ и во время перерыва находился все время на школьномъ дворѣ въ непосредственной близости учителя <sup>2)</sup>.

Дѣти весьма податливы на внушенія, при опросахъ самыя вопросы уже заключаютъ внушающее вліяніе на испытуемыхъ. Если показать дѣтямъ на короткое время картинку и потомъ просить ихъ сообщить о видѣнномъ, то получается около 6% ложныхъ отвѣтовъ; если же дѣтей спрашивать по заготовлен-

<sup>1)</sup> Экспериментальная Дидактика. Стр. 225, 227.

<sup>2)</sup> Plecher, Die Suggestion im Leben des Kindes. Beitrage zur Kinderforschung und Heilerziehung. 1909. Heft 63.

нымъ ранѣе вопросамъ, то число ошибочныхъ отвѣтовъ достигаетъ 33%. Опыты надъ девятилѣтними дѣтьми показали, что внушающее вліяніе при испытаніи осязанія можно было установить въ 45%, при испытаніи органа зрѣнія—55%, слуха—65%, обонянія—72,5%—78,75%, вкуса—75%. Изъ произведенныхъ 600 отдѣльныхъ опытовъ удавшихся внушающихъ вліяній оказалось 390 или 65%<sup>1)</sup>.

Совмѣстное воспитаніе дѣтей обоого пола и внушеніе, если его сила не окажется преувеличенной, въ будущемъ послужатъ могучими орудіями для расширенія дѣтской индивидуальности.

Такимъ образомъ изслѣдованіе вопроса о расширеніи дѣтской индивидуальности воспитаніемъ и вмѣстѣ о сущности и основахъ всего семейнаго и школьнаго воспитанія и образованія приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Каждый воспитываемый, каждый человекъ есть индивидуальность, т.-е. нѣчто своеобразное и оригинальное, а каждая индивидуальность, по самой своей сущности, ограничена и въ громадномъ большинствѣ случаевъ несовершенна, недостаточна.

2. Противоположность фактической индивидуальности людей составляетъ идеальная человекъность, т.-е. собраніе всѣхъ цѣнныхъ свойствъ человекской природы, гдѣ бы они ни встрѣчались.

3. Весь процессъ воспитанія и образованія есть преобразование ограниченной и недостаточной индивидуальности въ идеальную человекъность.

4. Естественная индивидуальность не можетъ превратиться сполна въ идеальную человекъность, а можетъ лишь постепенно приближаться къ ней, расширяясь сначала въ идеальную личность, т.-е. можетъ впитывать въ себя человекъность въ большей или меньшей мѣрѣ, примѣнительно къ своимъ свойствамъ и въ ихъ предѣлахъ и слѣдовательно постоянно сохранять, при своемъ расширеніи, индивидуальныя основы.

5. Преобразование естественной индивидуальности въ идеаль-

---

<sup>1)</sup> Вопросы педагогической патологии въ семьѣ и школѣ. Спб. 1912. Вып. 1, стр. 11 (см. В. М. Бехтерева Внушеніе и воспитаніе).

ную личность совершается тремя путями: а) развитіемъ цѣнныхъ положительныхъ свойствъ индивидуальности, особенно ея самодѣятельности; б) усиленіемъ слабыхъ свойствъ индивидуальности и борьбой съ ея недостатками и в) привитіемъ ей новыхъ свойствъ, культурныхъ и естественныхъ.

6. Переходъ отъ естественной индивидуальности къ идеальной личности и отъ идеальной личности къ идеальной чело-вѣчности не есть потеря или уменьшеніе индивидуальнаго начала въ чело-вѣкѣ, а только усовершенствованіе и расширеніе его. Вобравъ въ себя все чело-вѣческое, сдѣлавшись какъ бы безличнымъ и неиндивидуальнымъ всечело-вѣкомъ, воспитываемый на самомъ дѣлѣ все же останется индивидуальностью, хотя и очень широкой и многогранной, потому что всечело-вѣческое содержаніе въ немъ будетъ объединено однимъ извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ, индивидуально, а другія, столь же широкія и многогранныя, индивидуальности будутъ объединять всечело-вѣческое содержаніе по-своему, т.-е. множественностью другихъ формъ и способовъ. Чтобы быть выше индивидуальности, нужно ее разрушить, т.-е. перестать быть чело-вѣкомъ, превратиться въ сверхчело-вѣка.

### ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНІЯ.

1. Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Спб. 59 выпусковъ.
2. Аксель Арсталь, Семья и ея задачи. Спб.
3. Книга о ребенкѣ. Коллективный трудъ специалистовъ по вопросамъ воспитанія дѣтей и ухода за ними. Часть II. Москва, 1912.
4. Конради, Исповѣдь матери. Спб.
5. Водовозова, Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Спб. 1891.
6. Лесгафтъ, Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Спб. 1893.

7. Сикорскій, Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства. Спб. 1884.

8. В. Б. Друммондъ, Дитя, его природа и воспитаніе. Спб. 1902.

9. У. Друммондъ, Введеніе въ изученіе ребенка. М. 1910.

10. О'Ши, Роль активности въ жизни ребенка. М. 1910.

11. Евгений Лозинскій, Новыя проблемы воспитанія. Спб. 1912.

12. Чемберленъ, Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. Часть I. М. 1911.

13. Монтессори, Домъ ребенка. М. 1913.

14. Кейра, Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Спб. 1912.



## ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Тѣсная связь задачъ семейнаго воспитанія съ общепедагогическими. Главныя эпохи семейнаго воспитанія. Главныя части изслѣдованія . . . . .	3
II. Искусственность семейнаго воспитанія и ея виды . . . . .	8
III. Эгоистичность и субъективизмъ семейнаго воспитанія. О социализаціи семейнаго воспитанія . . . . .	20
IV. Организація семейнаго воспитанія . . . . .	33
V. Органы семейнаго воспитанія . . . . .	57
Родители . . . . .	57
Родственники . . . . .	62
Прислуга (кормилица, няня, бонна, горничная, кухарка) . . . . .	68
VI. Расширеніе дѣтской индивидуальности . . . . .	82
а) Изученіе дѣтской индивидуальности	
б) Виды дѣтскихъ недостатковъ и средства борьбы съ ними	
VII. Привитіе дѣтямъ новыхъ свойствъ. Ихъ виды и способы дѣйствія	103
Литературныя указанія . . . . .	121



23-й выпускъ. Д-ръ *В. В. Гориневскій*. О нормальной дѣтской обуви (съ 12 рис). Ц. 30 к.

24-й выпускъ. *П. Θ. Кантеревъ*. Идеи о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности. Ц. 30 к.

25-й выпускъ. Д-ръ *А. Н. Филипповъ*. О физическихъ упражненіяхъ дѣтей. Ц. 30 к.

26-й выпускъ. *П. А. Литвинскій*. Изученіе числа и мѣры малыми дѣтьми. Ц. 30 к.

27-й выпускъ. *П. Θ. Кантеревъ*. Значеніе христіанства въ постановкѣ первоначальнаго воспитанія и христіанскія теоріи. Ц. 20 к.

28-й выпускъ. Д-ръ *П. Д. Енко*. Уходъ за глазами дитяти (съ 6 рис). Ц. 30 к.

29-й выпускъ. *А. Θ. Селивановъ*. Учрежденія по призрѣнію дѣтей. Ц. 30 к.

30—32-й выпуски. Проф. *И. А. Сикорскій*. Душа ребенка (съ рис. и таблицами). Ц. 90 к.

33-й выпускъ. Д-ръ *П. И. Поповъ*. Семейное воспитаніе у сѣвероамериканцевъ. Ц. 30 к.

34-й выпускъ. Д-ръ *М. П. Манасеинъ*. Общая гигиена кожи, волосъ и ногтей (съ 1 рис). Ц. 30 к.

35-й выпускъ. Д-ръ *А. Виреніусъ*. Сонъ ребенка. Ц. 30 к.

36-й выпускъ. *И. и Л. Деникеръ*. Семейное воспитаніе во Франціи. Ц. 30 к.

37—38-й выпуски. *П. Θ. Кантеревъ*. О страхѣ и мужествѣ въ первоначальномъ воспитаніи. Ц. 60 к.

39—40-й выпуски. Проф. *А. Пузыревскій*. Пѣніе въ семейномъ воспитаніи (съ нотами). Ц. 50 к.

41-й выпускъ. Д-ръ *П. Г. Статкевичъ*. О болѣзняхъ дѣтскаго возраста. Ц. 30 к.

42-й выпускъ. Д-ръ *А. Н. Филипповъ*. Анатомо-физиологическія свойства дѣтскаго организма. Ц. 30 к.

43-й выпускъ. *П. Θ. Кантеревъ*. О развитіи въ дѣтяхъ правдивости. Ц. 30 к.

44—46-й выпускъ. Проф. *И. А. Сикорскій*. Объ умственномъ и нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Ц. 60 к.

47-й выпускъ. *П. А. Литвинскій*. Изученіе природы малыми дѣтьми. Ц. 30 к.

48—49-й выпуски. *Е. Я. Корсакова*. Обученіе родному языку въ семьѣ. Ц. 50 к.

50-й выпускъ. *В. В. Поворинская*. Приученіе дѣвочекъ къ хозяйству. Ц. 30 к.

---

51-й выпускъ. Пр.-доц. *А. Ф. Лазурскій*. О развитіи воли и характера у дѣтей. Ц. 40 к.

52-й выпускъ. *А. Виреніусъ*. Характеристика ребенка. Ц. 30 к.

53-й выпускъ. Проф. *П. И. Ковалевскій*. Отсталыя дѣти,—причины отсталости и борьба съ нею. Ц. 30 к.

54-й выпускъ. *Н. С. Карцовъ*. Иностранные языки въ семьѣ. Ц. 40 к.

55-й выпускъ. *Н. В. Казминъ*. Семейное воспитаніе въ Россіи. Ц. 40 к.

56-й выпускъ. *П. Θ. Кантеревъ*. Объ общественно-нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Ц. 30 к.

57-й выпускъ. *Е. и Л. Тихомы*. О чтеніи дѣтей. Ц. 40 к.

58-й выпускъ. Проф. *П. И. Ковалевскій*. Нервные болѣзни дѣтскаго возраста. Ц. 30 к.

59-й выпускъ. *В. Т. Тимошевъ*. Семейное воспитаніе въ Англии. (Дошкольное). Ц. 30 к.

НОВАЯ СЕРІЯ ВЫПУСКОВЪ, НАЧИНАЯ СЪ 51-го.

# ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ

52<sub>м</sub>

(Подъ общей редакціей П. Θ. Каптерева)

посвящена вопросамъ воспитанія и обученія дѣтей,  
преимущественно **дошкольнаго** возраста.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ законченную  
статью по извѣстному вопросу.

Первые 50 выпусковъ „ЭНЦИКЛОПЕДІИ“ стоятъ всѣ вмѣстѣ  
**9 руб. 40 коп.**

Всѣ выпуски продаются и отдѣльно по цѣнѣ, обозна-  
ченной на этой обложкѣ.

Съ 58-го вып.—общая редакція Н. С. Карцова.

## СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ складѣ **М. М. Стасюлевича.**

С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28.

мф  
мз









2011109001